



ЖУРНАЛ  
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

# ИСТОРИЯ

---

ЧАСОПІС  
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

# ГІСТОРЫЯ

---

JOURNAL  
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

# HISTORY

Издается с января 1969 г.  
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.  
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

---

**3**

**2023**

---

МИНСК  
БГУ

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

<b>Главный редактор</b>	<b>КОХАНОВСКИЙ А. Г.</b> – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
<b>Заместитель главного редактора</b>	<b>МЕНЬКОВСКИЙ В. И.</b> – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
<b>Ответственный секретарь</b>	<b>КОНДРАЛЬ А. А.</b> – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
<b>Бон Т.</b>	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
<b>Бородкин Л. И.</b>	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
<b>Волански Ф.</b>	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
<b>Жанбосинова А. С.</b>	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
<b>Жеребцов И. Л.</b>	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
<b>Линднер Р.</b>	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
<b>Минасян Э. Г.</b>	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
<b>Упадуэй А.</b>	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
<b>Фишер Д.</b>	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
<b>Фэн Ш.</b>	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
<b>Шмигель М.</b>	Университет Матяя Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
<b>Яновский О. А.</b>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

<b>Бабищевич А. Н.</b>	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
<b>Виддер Э.</b>	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
<b>Дук Д. В.</b>	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
<b>Карпов С. П.</b>	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
<b>Карпюк С. Г.</b>	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
<b>Коваленя А. А.</b>	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
<b>Космач В. А.</b>	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
<b>Кошелев В. С.</b>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<b>Лавринович Д. С.</b>	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
<b>Ларин М. В.</b>	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
<b>Лозовюк П.</b>	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
<b>Локотко А. И.</b>	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
<b>Марзальюк И. А.</b>	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
<b>Мезга Н. Н.</b>	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
<b>Микнис Р.</b>	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
<b>Нечухрин А. Н.</b>	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
<b>Новогродский Т. А.</b>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<b>Пилипенко М. Ф.</b>	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
<b>Туманс Х.</b>	Латвийский университет, Рига, Латвия.
<b>Ходин С. Н.</b>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

## РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

<b>Галоўны рэдактар</b>	<b>КАХАНОЎСКІ А. Г.</b> – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
<b>Намеснік галоўнага рэдактара</b>	<b>МЕНЬКОЎСКІ В. І.</b> – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
<b>Адказны сакратар</b>	<b>КОНДРАЛЬ А. А.</b> – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навіейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.  
**Бон Т.** Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.  
**Валанскі Ф.** Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.  
**Жанбасінава А. С.** Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.  
**Жарабцоў І. Л.** Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Расія.  
**Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.  
**Мінасян Э. Г.** Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.  
**Упадуэй А.** Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.  
**Фішэр Д.** Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.  
**Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.  
**Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.  
**Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

## МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.  
**Відэр Э.** Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.  
**Дук Д. У.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.  
**Каваленя А. А.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.  
**Карпаў С. П.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.  
**Карпюк С. Г.** Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.  
**Космач В. А.** Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.  
**Кошалеў У. С.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.  
**Лазавюк П.** Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.  
**Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.  
**Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.  
**Лаўрыновіч Д. С.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.  
**Марзалюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.  
**Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.  
**Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.  
**Наваградскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.  
**Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.  
**Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.  
**Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.  
**Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

## EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**      **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief**      **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary**      **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.  
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Minasyan E. G.** Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

## INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrínovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozovyuk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Novogrodsky T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

---

---

# ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

---

## ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

---

### BEARUSIAN HISTORY

---

---

УДК 94(476):929.7«15/16»

#### ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЬВА САПЕГИ И ЕГО СЫНОВЕЙ В УНИВЕРСИТЕТЫ ГЕРМАНИИ, НИДЕРЛАНДОВ И ИТАЛИИ В 1570–1630 гг.

А. И. КОЛТАЧЕНКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности образовательных путешествий магнатов Великого княжества Литовского в университеты Западной Европы во второй половине XVI – первой половине XVII в. на примере семьи Сапегов, в частности Льва Сапегу, Яна Станислава Сапегу, Криштофа Николая Сапегу и Казимира Льва Сапегу. Раскрываются особенности их образовательных путешествий, а также влияние пройденного обучения на дальнейшую деятельность представителей рода. Отмечается, что традиция образовательных путешествий в европейские университеты началась со Льва Сапегу, об образовании которого известно немного из-за отсутствия семейных архивов второй половины XVI в. Однако многочисленные эпистографические источники позволяют с точностью реконструировать образовательные путешествия его сыновей. Старший сын Льва Сапегу, Ян Станислав, учился в Вильне, Браунсберге, Вюрцбурге, Париже, Падуе, путешествовал по Священной Римской империи и Италии. Он изучал право, риторику, языки, совершенствовал искусство публичных выступлений. Младшие сыновья Льва Сапегу, Криштоф Николай и Казимир Лев, начали свое образование в Виленской иезуитской академии, а затем посетили Мюнхен, Ингольштадт, Лёвен, Болонью и Падую. Кроме того, они много времени проводили в поездках по Испанским Нидерландам, где посещали военные лагеря, наблюдали за ходом Тридцатилетней войны, встречались с испанскими аристократами и военачальниками. Для реконструкции указанных

---

#### Образец цитирования:

Калтачэнка АІ. Адукацыйныя падарожжы Льва Сапегі і яго сыноў ва ўніверсітэты Германіі, Нідэрландаў і Італіі ў 1570–1630 гг. *Журнал Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта. Історыя*. 2023;3:5–14.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-5-14>  
EDN: FEOLEO

#### For citation:

Kaltachenka AI. Educational travels of Lew Sapieha and his sons to the universities of Germany, the Netherlands and Italy in 1570–1630. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;3:5–14. Belarusian.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-5-14>  
EDN: FEOLEO

---

#### Автор:

**Алина Игоревна Колтаченко** – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси факультета повышения квалификации и переподготовки. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Любый.

#### Author:

**Alina I. Kaltachenka**, graduate student at the department of historical and cultural heritage of Belarus, faculty of advanced training and retraining.  
[kaltachenkoalina@gmail.com](mailto:kaltachenkoalina@gmail.com)  
<https://orcid.org/0000-0001-8188-8184>



путешествий были использованы письма молодых Сапегов к отцу, Лаврентию Космовскому (губернер Яна Станислава), братьев друг к другу и другая корреспонденция. Это позволило не только составить подробный маршрут каждого из сыновей Льва Сапегі, но и проследить логику, недостатки и преимущества этих поездок. Кроме того, письма дали возможность узнать о болезнях Яна Станислава и Криштофа Николая, а также о серьезных затруднениях в коммуникации между Западной Европой и Великим княжеством Литовским в первой половине XVII в. и путях решения этого вопроса.

**Ключевые слова:** образовательное путешествие; Сапегі; Лев Сапега; Ян Станислав Сапега; Криштоф Николай Сапега; Казимир Лев Сапега; европейские университеты; переписка; раннее Новое время.

## АДУКАЦЫЙНЫЯ ПАДАРОЖЖЫ ЛЬВА САПЕГІ І ЯГО СЫНОЎ ВА ЎНІВЕРСІТЭТЫ ГЕРМАНІІ, НІДЭРЛАНДАЎ І ІТАЛІІ Ў 1570–1630 гг.

А. І. КАЛТАЧЭНКА<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, вул. Маскоўская, 15, 220007, г. Мінск, Беларусь

Разгледжваюцца асаблівасці адукацыйных падарожжаў магнатаў Вялікага Княства Літоўскага ва ўніверсітэты Заходняй Еўропы ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. на прыкладзе сям’і Сапегаў, у прыватнасці Льва Сапегі, Яна Станіслава Сапегі, Крыштофа Мікалая Сапегі і Казіміра Льва Сапегі. Раскрываюцца асаблівасці іх адукацыйных падарожжаў, а таксама ўплыў атрыманага навучання на будучую дзейнасць прадстаўнікоў роду. Адзначаецца, што традыцыя падарожжаў у еўрапейскія ўніверсітэты пачалася з Льва Сапегі, пра адукацыю якога вядома няшмат з-за адсутнасці архіваў роду ў другой палове XVI ст. Аднак шматлікія эпісталаграфічныя крыніцы дазваляюць з вялікай дакладнасцю рэканструяваць адукацыйныя падарожжы яго сыноў. Старэйшы сын Льва Сапегі, Ян Станіслаў, вучыўся ў Вільні, Браўнсбергу, Вюрцбургу, Парыжы, Падуі, здзейсніў падарожжа па Свяшчэннай Рымскай імперыі і Італіі. Ён займаўся вывучэннем права, рыторыкі, мовы, удасканальваў мастацтва публічных прамоў. Малодшыя сыны Льва Сапегі, Крыштоф Мікалай і Казімір Леў, пачалі сваю адукацыю ў Віленскай езуіцкай акадэміі, а затым наведвалі Мюнхен, Інгальштат, Лёвен, Балонню і Падую. Акрамя таго, яны шмат часу правялі ў падарожжах па Іспанскіх Нідэрландах, дзе наведвалі ваенныя лагеры, назіралі за ходам Трыццацігадовай вайны і сустракаліся з іспанскімі арыстакратамі і ваеначальнікамі. Для рэканструкцыі падарожжаў былі выкарыстаны лісты маладых Сапегаў да бацькі, Лаўрэнція Касмоўскага (губернёр Яна Станіслава), братоў адзін да аднаго і іншая карэспандэнцыя. Гэта дазволіла не толькі склаці падрабязны маршрут кожнага з сыноў Льва Сапегі, але і прасачыць логику, хібы і перавагі кожнага падарожжа. Акрамя таго, гэта дало магчымасць даведацца пра хваробы Яна Станіслава і Крыштофа Мікалая, а таксама пра вялікія цяжкасці ў камунікацыі паміж Заходняй Еўропай і Вялікім Княствам Літоўскім у першай палове XVII ст. і шляхі вырашэння гэтага пытання.

**Ключавыя словы:** адукацыйнае падарожжа; род Сапегаў; Леў Сапега; Ян Станіслаў Сапега; Крыштоф Мікалай Сапега; Казімір Леў Сапега; еўрапейскія ўніверсітэты; карэспандэнцыя; ранні Новы час.

## EDUCATIONAL TRAVELS OF LEW SAPIEHA AND HIS SONS TO THE UNIVERSITIES OF GERMANY, THE NETHERLANDS AND ITALY IN 1570–1630

A. I. KALTACHENKA<sup>a</sup>

<sup>a</sup>National Institute of Higher Education, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article considers the features of educational travels of magnates of the Grand Duchy of Lithuania to universities of Western Europe in the second half of the XVI – first half of the XVII century on the example of educational travels of Lew Sapieha, Jan Stanislaw Sapieha, Krystof Mikalai Sapieha, Kazimir Lew Sapieha. The special attention is given to the features of their educational travels and their impact on further activities. A stable tradition of traveling of the representatives of the Sapieha family to European universities began with Lew Sapieha. The information about his education is very scant due to the lack of family archives of the second half of the XVI century. However, numerous epistolographic sources from the educational travels of his sons Jan Stanislaw, Krystof Mikalai and Kazimir Lew Sapieha allow us to reconstruct their travels with great accuracy. The eldest son, Jan Stanislaw, studied in Vilna, Braunsberg, Würzburg, Paris, Padua, traveled to the Holy Roman Empire and Italy, studied law, rhetoric, perfected the art of public speaking, studied languages. Krystof Mikalai and Kazimir Lew began their education at the Vilna Jesuit Academy, and in 1621 went on a travel, the main points of which were Munich, Ingolstadt, Leuven, Bologna and Padua. In addition, they spent a lot of time traveling around the Spanish Netherlands, where they visited military camps, watched the course of the Thirty Years' War, met with Spanish aristocrats and military leaders.

Letters of Lew Sapieha's sons to their father, Lavrenty Kosmovsky, tutor Jan Stanislav, as well as brothers' epistles to each other and some other letters were used to reconstruct their travel. This allowed not only to make a detailed travel itinerary for each of Lew Sapieha's sons, but also allowed to trace the logic and features, disadvantages and advantages of each trip. And besides, it gave an opportunity to learn about the illnesses of Jan Stanislav and Krystof Mikalai, the great difficulties in communication between Western Europe and the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the XVII century and ways to solve this issue.

**Keywords:** educational journey; the House of Sapieha; Lew Sapieha; Jan Stanislav Sapieha; Krystof Mikalai Sapieha; Kasimir Lew Sapieha; European universities; correspondence; early Modern period.

## Уводзіны

У XVI ст. на беларускіх землях паступова распаўсюджвалася традыцыя атрымання еўрапейскай адукацыі. У сярэдзіне XVI ст. да яе далучыліся і шляхецкія роды. Адукацыя шляхты ў Вялікім Княстве Літоўскім складалася з навучання ў хатніх настаўнікаў, калегіумах ці прыхадскіх школах, на двары магната ці караля, аднак выбітныя навукоўцы і аратары выкладалі ў Еўропе. Таму атрымаць якасную, грунтоўную адукацыю прадстаўніку палітычнай эліты было магчымым толькі ў еўрапейскіх універсітэтах. Адукацыйныя падарожжы былі характэрны для ўсіх еўрапейскіх дзяржаў таго перыяду, і ВКЛ не было выключэннем. Да традыцыі еўрапейскай адукацыі далучыліся Сапегі – адзін з найбольш уплывовых родаў ВКЛ, які ў XV ст. з'явіўся на арэне гісторыі, а ў XVI ст. увайшоў у лік магнатэрыі. Актыўнасць прадстаўнікоў роду ў публічным і эканамічным жыцці, значная колькасць пасадаў дзяржаўных ураднікаў, набыццё маёнткаў, грунтоўная адукацыя дазвалялі Сапегам трывала займаць месца сярод палітычнай эліты.

Мэтай артыкула выступае высвятленне сутнасці і зместу паездак магнатаў ВКЛ ва ўніверсітэты Заходняй Еўропы ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. на аснове рэканструкцыі адукацыйных падарожжаў прадстаўнікоў роду Сапегі. Рэалізацыя дадзенай мэты прадугледжвае рашэнне наступных задач: рэканструкцыю працэсаў атрымання адукацыі прадстаўнікамі магнатаў роду Сапегі; раскрыццё асаблівасцей іх адукацыйных падарожжаў; аналіз уплыву навучання на іх будучую дзейнасць.

Пры падрыхтоўцы артыкула выкарыстоўваліся нарратыўны, гісторыка-генетычны і гісторыка-сістэмны метады даследавання. Таксама актыўна выкарыстоўваўся метада гістарычнай рэканструкцыі, які дазволіў аднавіць складнікі адукацыі Льва Сапегі (1557–1633), Яна Станіслава Сапегі (1589–1635), Крыштофа Мікалая Сапегі (1607–1631) і Казіміра Льва Сапегі (1609–1656).

Сучасная гістарычная навука вядзе род Сапегі ад Сямёна Сапігі (Сапегі), які быў пісарам гаспадарскім пры Казіміры IV Ягелончыку. Яго сыны, Багдан і Іван, заснавалі дзве асноўныя галіны роду: чарэйска-ружанскую і коданскую. У пятым пакаленні нарадзіўся Леў Сапега – знакаміты палітычны дзеяч

ВКЛ, які і вывеў сваю сям'ю ў лік самых уплывовых у краіне [1, s. 11].

Род Сапегаў мае багатую гістарыяграфію. І ў XIX, і ў XX ст. былі выдадзены працы, прысвечаныя біяграфіям прадстаўнікоў знакамітага роду<sup>1</sup>. У 1995 г. выйшла праца [2], у якой грунтоўна разглядаюцца паходжанне роду і яго геральдыка, прыводзяцца біяграфіі Сапегі, а таксама спіс пасадаў, якія яны займалі. Асобны раздзел прысвечаны жанчынам роду, якія пасля замужжа перайшлі ў іншыя сем'і. Вялікую каштоўнасць маюць спіс партрэтаў роду, фотаздымкі і малюнкi рэзідэнцый Сапегі, а таксама касцёлаў, пабудаваных імі. Другі том працы змяшчае партрэты прадстаўнікоў роду [3].

У XX ст. было напісана больш за 100 манаграфій і артыкулаў па гісторыі роду Сапегаў на польскай, беларускай, літоўскай, украінскай і рускай мовах. У іх даследуюцца асобныя аспекты палітычнай і эканамічнай дзейнасці самых вядомых уплывовых прадстаўнікоў роду, прыводзяцца іх жыццёапісанні. Асабліва шмат прац было прысвечана дзейнасці Льва Сапегі, палітычную біяграфію якога вывучалі гісторыкі розных нацыянальных школ [4–7]. У апошнія дзесяцігоддзі было арганізавана некалькі канферэнцый, прысвечаных Сапегам [1; 8–11]. Грунтоўны агляд напрацаваных матэрыялаў зрабілі польскія даследчыкі Т. Цесельскі і М. Савіцкі ў манаграфіі [1].

Аднак, нягледзячы на вялікі аб'ём даследаванняў, пытанне адукацыі прадстаўнікоў роду грунтоўна вывучана не было. Ёсць некалькі польскіх артыкулаў на гэту тэму [12–17], у якіх разгледжаны некаторыя аспекты адукацыйных падарожжаў Сапегі. Важна адзначыць, што вывучэнню гэтага пытання дапамагаюць архіўныя крыніцы. Стан архіваў роду Сапегі апісаў А. Рахуба. Ён адзначыў, што адзінага архіва роду так і не было заснавана [18]. Акрамя таго, старэйшыя дакументы архіва Сапегі датуюцца канцом XVI ст., перыядам актыўнай публічнай дзейнасці Льва Сапегі, таму інфармацыі пра яго навучанне няшмат. Дакументы, якія сведчаць пра адукацыю сыноў Льва Сапегі, захаваліся. У асноўным гэта лісты, што былі напісаны падчас адукацыйных падарожжаў. Дзякуючы ім ёсць магчымасць прааналізаваць падыход сям'і Льва Сапегі да еўрапейскай адукацыі.

<sup>1</sup>Sapiehowie: materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe / red. E. Sapieha. Petersburg : Trenke i Fusnot, 1891. T. 2. 456 s. ; Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Wrocław : Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1992–1993. T. 34. 629 s. ; Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Kraków : Pol. Akad. Nauk, 1994. T. 35. 640 s.

### Асноўная частка

Трывалае традыцыя падарожжаў у еўрапейскія ўніверсітэты пачалася з Льва Сапегі. Ён нарадзіўся 4 кастрычніка 1557 г. у сям’і падстарасты аршанскага Івана Сапегі і Багданы з роду князёў Друцкіх-Сакалінскіх. Дакладныя звесткі пра дзяцінства Льва Сапегі адсутнічаюць<sup>2</sup>. Вядома, што ў сярэдзіне XVI ст. сям’я не вылучалася ні высокімі пасадамі, ні багаццем. Прадстаўнікі роду шукалі пратэктцыі ў больш магутных і ўплывовых сямей, напрыклад у Радзівілаў. Таму не дзіўна, што Іван Сапега выправіў свайго сямігадовага сына на двор Мікалая Радзівіла Чорнага [6, s. 21]. Да з’яўлення пратэстанцкіх гімназій і каталіцкіх калегіумаў у краіне такі варыянт атрымання ведаў быў распаўсюджаным. Каб вучыцца ў прыватных настаўнікаў разам з дзецьмі магнатаў, на каралеўскім ці магнацкім двары збіралася моладзь. Акрамя таго, шляхецкія дзеці сустракаліся з выбітнымі палітыкамі, навукоўцамі, мастакамі, усталёўвалі карысныя кантакты, рабілі першыя крокі ў публічнай дзейнасці і г. д.

З 1565 г. апека над дзецьмі Мікалая Радзівіла Чорнага перайшла да Мікалая Радзівіла Рудога. У 1570–1571 гг. ён выправіў сваіх пляменнікаў, Юрыя, Альбрэхта і Станіслава, у Лейпцыг, які ў той час быў знакаміты якаснай адукацыяй і артадаксальным пратэстанцкім асяроддзем. У свеце Радзівілаў быў і Леў Сапега. Дакладна невядома, колькі доўжылася яго навучанне, але хутчэй за ўсё ён вярнуўся ў ВКЛ у 1572–1573 гг. разам з маладымі Радзівіламі<sup>3</sup>. Пра знаходжанне Льва Сапегі ў Лейпцыгу дакладных звестак няма. Па здагадках даследчыкаў, Леў Сапега вывучаў там лацінскую мову і еўрапейскае права, але ж навучанне, верагодна, не завяршыў [6, s. 23]. Вярнуўшыся на радзіму, ён пачаў сваю палітычную кар’еру. Кліентам Радзівілаў ён заставаўся да смерці Крыштофа Мікалая Радзівіла Перуна, сына Мікалая Радзівіла Рудога. Пасля Леў Сапега пачаў самастойную дзейнасць і веў яе так паспяхова, што ўжо пры яго жыцці Сапегі занялі трывалае месца сярод іншых магнацкіх сем’яў ВКЛ.

Такім чынам, адукацыя Льва Сапегі мела два этапы: на першым этапе ён прайшоў навучанне ў ВКЛ, на двары Мікалая Радзівіла Чорнага, на другім – навучанне ў Еўропе. Якраз з сярэдзіны XVI ст. магнаты ВКЛ пачалі здзяйсняць адукацыйныя падарожжы. Галоўнымі мэтамі еўрапейскай адукацыі былі палітычнае і пазнавальнае ведаў па асобных навук, вывучэнне замежных моў, набыццё досведу ў ваеннай справе, усталяванне карысных знаёмстваў.

Навучанне Льва Сапегі немагчыма назваць поўным. На двары Мікалая Радзівіла Чорнага ён правёў

каля года, у перыяд з 1565 па 1570 г. Дакладна невядома, ці быў ён разам з маладымі Радзівіламі на двары Мікалая Радзівіла Рудога, ці вярнуўся дадому. У Лейпцыгу ён правёў каля трох гадоў. Звычайна маладыя магнаты і шляхціцы вучыліся ў Еўропе не менш за чатыры гады, паспяваючы за гэты час наведаць некалькі навучальных устаноў. Тым не менш нават такога падарожжа хапіла для таго, каб Леў Сапега зразумеў карысць добрай адукацыі. Таму на навучанне сваіх сыноў, Яна Станіслава, Крыштофа Мікалая і Казіміра Льва, ён не пашкадаваў ні грошай, ні часу.

Рэканструюваць адукацыю маладых Сапегі магчыма дзякуючы іх лістам да сям’і, лістам іх світы да Льва Сапегі, паведамленням ад іншых асоб. Найбольшая колькасць гэтых лістоў захоўваецца ў Львоўскай нацыянальнай навуковай бібліятэцы імя В. Стэфаніка<sup>4</sup>. Некаторыя лісты знаходзяцца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Украіны ў Кіеве<sup>5</sup>, бібліятэцы Літоўскай акадэміі навук імя Урублеўскіх у Вільнюсе<sup>6</sup>, навуковай бібліятэцы Польскай акадэміі мастацтваў і навук і Польскай акадэміі навук у Кракаве<sup>7</sup> і г. д. Польскі даследчык Артур Гашчынскі ў адным са сваіх артыкулаў зрабіў агляд вялікай колькасці лістоў, датычных адукацыі сыноў Льва Сапегі ў Еўропе, што значна спрасціла іх пошук [14, s. 320–324].

Старэйшы сын Льва Сапегі, Ян Станіслаў, пачаў адукацыю ў Віленскай езуіцкай акадэміі прыблізна ў 1599 г. У 1603 г. ён пераехаў у Браўнсберг для навучання ў езуіцкім калегіуме. Там ён знаходзіўся разам са сваім стрыечным братам Крыштофам Стэфанам Сапегам, сынам Рыгора Сапегі [14, s. 153]. Дакументаў гэтага перыяду фактычна не захавалася, аднак праграмы езуіцкіх навучальных устаноў былі падобнымі, таму з упэўненасцю можна казаць, што малады Сапега вывучаў гісторыю, права, палітыку, геаграфію і рыторыку, а таксама лацінскую, нямецкую і, магчыма, старажытнагрэчаскую мовы [16, s. 393].

У канцы 1605 г. маладыя людзі выехалі за межы Рэчы Паспалітай. У ранні Новы час выправіць у адукацыйнае падарожжа родных ці стрыечных братаў аднаго ўзросту было звычайнай з’явай. У такім выпадку патрабавалася менш грошай, было больш бяспечна і маладыя людзі мелі падтрымку адзін аднаго.

У пачатку 1606 г. Ян Станіслаў зрабіў запіс у метрыцы Вюрцбургскага ўніверсітэта, дзе ён знаходзіўся да верасня 1607 г. У той час гэта ўстанова адукацыі была адным з лепшых цэнтраў вывучэння матэматыкі ў Еўропе, дзе на высокім узроўні выкладаліся і гуманітарныя дысцыпліны. Аднак у Вюрцбургу

<sup>2</sup>Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Kraków : Pol. Akad. Nauk, 1994. T. 35. S. 84.

<sup>3</sup>Ibid.

<sup>4</sup>Львівська національна наукова бібліотека ім. В. Стефаніка (ЛННБУ ім. В. Стефаніка). Ф. 103.

<sup>5</sup>Центральний державний історичний архів України (ЦДІАК України). Ф. 48.

<sup>6</sup>Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 139.

<sup>7</sup>Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAUiPANKr). Rkps. 345, 351, 352, 354.

вучылася вельмі мала маладых людзей з ВКЛ і Польшчы [16, s. 396–397]. Менавіта па гэтай прычыне Леў Сапега мог выбраць дадзены ўніверсітэт. Таксама на яго выбар магла паўплываць інструкцыя Давіда Хільхена, сакратара Жыгімонта III і інфлянцкага юрыста<sup>8</sup>. Першая частка інструкцыі з’яўляецца прыблізнай праграмай навучання па еўрапейскаму праву. Другая частка змяшчае розныя аксіёмы і сцверджанні, карысныя для навучання, і мае заглавак «Прыклады аналітычных рашэнняў»<sup>9</sup>. Далей ідзе фактычна асобная кніга з разважаннямі, парадамі і цытатамі Юсцініяна пад назвай «Аб інстытутах або элементах права. Вялікія прынцыпы Юсцініяна». Д. Хільхен адзначаў, што асновай для вывучэння права з’яўляюцца дыялектыка і этыка. Дыялектыка дапамагае «прайсці праз лабірынты законаў», а этыка – зразумець іх вытокі. Наконт юрыдычнай адукацыі дарадца пісаў: «...неабходна шмат слухаць, задаваць пытанні, спрабаваць зразумець і запомніць. Вы павінны штодзень дыскаутаваць і спрачацца са сваімі спадарожнікамі па юрыдычных пытаннях, а таксама ўдзельнічаць у публічных дыспутах» [19, s. 239].

З часоў адукацыі ў Вюрцбургу захаваўся ліст Лаўрэнція Касмоўскага, апекуна Яна Станіслава, да Льва Сапегі. Ён датаваны 17 лютага 1607 г. і фактычна не дае сведчанняў пра адукацыю, поспехі і цяжкасці навучання, а засяроджаны на тым, што Ян Станіслаў моцна захварэў. У лісце паведамляецца, што спачатку малады чалавек не вельмі добра адчуў сябе на лекцыях. Хвароба была падобна на звычайную бяскрыўдную застуду, але дайшло да таго, што Ян Станіслаў не мог спаць і есці, часта траціў прытомнасць і ледзь трымаўся на нагах<sup>10</sup>. Л. Касмоўскі пісаў, што распытаў у палякаў, якія жывуць у Вюрцбургу доўгі час, што магло быць прычынай хваробы Яна Станіслава, і прыйшоў да высновы, што гэта забруджанае паветра ў горадзе. Акрамя таго, ён адзначаў, што мясцовая вада ўтрымлівае вялікую колькасць кальцыю. Далей Л. Касмоўскі прапануе змяніць месца навучання, бо курс рымскага права ўжо скончаны, а астатняе можна праслухаць у іншым універсітэце. У гэтым жа лісце апыкун разважае наконт таго, што можна зменшыць свету Яна Станіслава і пакінуць у Вюрцбургу вывучаць філасофію, напрыклад, Мікалая Кішку, якому клімат не шкодзіць [16, s. 398].

У лісце ад 23 сакавіка 1607 г. паведамляецца, што Ян Станіслаў ужо добра адчувае сябе і вярнуўся да

навучання<sup>11</sup>. У лісце ад 4 чэрвеня 1607 г. Ян Станіслаў піша сваёй мачасе Альжбеце, што скончыў неабходныя курсы ў Вюрцбургу і чакае паведамлення ад бацькі наконт далейшага шляху падарожжа<sup>12</sup>.

Прабыўшы ў Вюрцбургу два гады, Ян Станіслаў і Крыштоф Стэфан Сапегі праз Франкфурт-на-Майне паехалі ў Францыю. Парыжскі ўніверсітэт быў папулярны сярод выхадцаў з Рэчы Паспалітай, нягледзячы на тое што жыццё там было зусім не таннае. На папулярнасць установы вельмі ўплывалі французскі каралеўскі двор і знакамітыя парыжскія школы верхавой язды. Акамя таго, Леў Сапега меў вялікую сімпатыю да французскай культуры і мовы, што і магло паўплываць на выбар месца [16, s. 400].

Захавалася некалькі лістоў з Парыжа. У лісце ад 12 мая 1608 г. Л. Касмоўскі піша, што Ян Станіслаў і Крыштоф Стэфан Сапегі кожны дзень слухаюць лекцыі па праву, рыторыцы і займаюцца майстэрствам прамовы<sup>13</sup>. У гэтым жа лісце апыкун параўноўвае парыжскіх і вюрцбургскіх настаўнікаў і адзначае, што першыя з’яўляюцца больш дасведчанымі, праводзяць індывідуальныя заняткі і шмат размаўляюць з вучнямі. Адным з настаўнікаў маладых людзей быў прафесар Парыжскага ўніверсітэта Ісаак Казабон (1559–1614), бібліятэкар Генрыха IV. Сапегі нават здымалі пакоі ў яго кватэры<sup>14</sup>. Сяброўства паміж Янам Станіславам і Ісаакам Казабонам працягвалася і пазней. Знакаміты філолаг заахочваў маладога Сапегу працягваць навуковую дзейнасць<sup>15</sup>.

З лістоў Л. Касмоўскага, якія захаваліся, апошні быў напісаны ў Празе 6 снежня 1608 г. З гэтага ліста можна даведацца аб тым, што Леў Сапега выклікаў сына дадому, каб той змог прысутнічаць на сейме ў студзені 1609 г.<sup>16</sup> Вядома, што па дарозе ў ВКЛ малады Сапега затрымаўся ў Лёвене і Норымбергу. У апошнім нават нейкі час наведваў лекцыі ва ўніверсітэце<sup>17</sup>.

Пасля вяртання дадому Ян Станіслаў трапіў на каралеўскі двор у якасці пакаёвага прыдворнага Жыгімонта III, што таксама магчыма разглядаць як працяг адукацыі. Для Яна Станіслава гэты этап жыцця стаў карысным. Менавіта ў гэты час ён пазнаёміўся з каралевічам Уладзіславам, з якім сябраваў на працягу ўсяго жыцця. У 1611 г. малады чалавек атрымаў пасаду падстоляга вялікага літоўскага, з чаго і пачалася яго палітычная кар’ера [20, s. 165].

У гэтым жа, 1611-м, годзе Ян Станіслаў выехаў у сваё другое адукацыйнае падарожжа, на гэты раз

<sup>8</sup>Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkps. 2279.

<sup>9</sup>Тут і далей пераклад наш. – А. К.

<sup>10</sup>ЦДІАК Украіны. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 425. Арк. 1 – 1 адв.

<sup>11</sup>Там же. Арк. 3.

<sup>12</sup>ВРАUіPANKr. Rkps. 351. К. 125v – 126.

<sup>13</sup>ЦДІАК Украіны. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 425. Арк. 6.

<sup>14</sup>Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Kraków : Pol. Akad. Nauk, 1994. Т. 35. S. 84.

<sup>15</sup>Ibid.

<sup>16</sup>ЦДІАК Украіны. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 425. Арк. 8.

<sup>17</sup>Archiwum Nacji Polskiej w Uniwersytecie Padewskim / wyd. H. Barycz. Wrocław : Wydaw. Pol. Akad. Nauk, 1971. Т. 1 : Metryka Nacji Polskiej w Uniwersytecie Padewskim (1592–1745). S. 376.

у Ингальштат. Але хутка малады Сапега пачаў пра-сіць дазволу вярнуцца ў ВКЛ з-за пагаршэння зда-роўя, на яго думку, па прычыне дрэннага паветра<sup>18</sup>. Пасля гэтага Леў Сапега вырашыў завяршыць адука-цыю сына, але выправіў яго ў далейшае падарожжа з мэтай набыць знаёмствы і паглядзець свет. Яна Станіслава накіравалі ў Франкфурт-на-Майне на кара-нацыю новага імператара Свяшчэннай Рымскай ім-перыі [16, s. 404]. Затым малады Сапега наведаў Апенінскі паўвостраў. Сведчанні пра яго падарож-жа па Італіі захаваліся ў лістах Стэфана Паца, адра-саваных Льву Сапегу. Так, С. Пац пісаў пра тое, што Ян Станіслаў наведаў Венецыю<sup>19</sup>, Мілан, Падую, дзе вывучаў італьянскую мову<sup>20</sup>. У Рыме ён пабываў у папы рымскага Паўла V, у Фларэнцыі наведаў род Меды-чы<sup>21</sup>, пабываў у Балонні [16, s. 406]. У ВКЛ Ян Станіслаў Сапега вярнуўся ў жніўні 1613 г.

Такім чынам, адукацыя Яна Станіслава Сапегі складалася з наступных этапаў: навучання ў езуіцкіх школах у Вільні і Брунсбергу, першага падарожжа ў Еўропу для набыцця ведаў, знаходжання пры кара-леўскім двары, другога падарожжа для агляду све-ту, прэзентацыі роду і набыцця знаёмстваў. Другое еўрапейскае падарожжа было больш падобна на па-пулярныя з сярэдзіны XVII ст. гранд-туры, прагра-ма якіх уключала, акрамя навучання, турыстычныя элементы. Прычынай такога выбітнага падарожжа маглі быць памкненні Льва Сапегі надаць сваёй сям’і як мага большую вагу, чаму дапамагалі бліскучая адукацыя сыноў і іх аўдыенцыі ў самых уплывовых асоб Еўропы. Пазней прысутнасць на каранацыях, аўдыенцыі ў каралеўскіх асоб і наведванне Ватыкана сталі часткай гранд-тураў прадстаўнікоў самых за-можных і ўплывовых родаў ВКЛ.

Дакументаў, якія сведчаць пра адукацыйныя па-дарожжы малодшых сыноў Льва Сапегі, захавалася значна больш, таму этапы іх навучання магчыма рэканструяваць больш дакладна. Яны пісалі лісты не толькі бацьку, але і старэйшаму брату, у якога час ад часу прасілі дапамогі ў вырашэнні розных непаразуменняў з бацькам ці дзяліліся навінамі. Таксама захаваліся лісты Льва Сапегі, адрасаваныя старэйшаму сыну, дзе ўзнімаліся пытанні наконт падарожжа яго братаў.

Крыштоф Мікалай Сапега першапачаткова атры-маў хатнюю адукацыю, а пасля вучыўся ў Віленскай

езуіцкай акадэміі<sup>22</sup>. Казімір Леў правёў дзяцінства на двары свайго дзядзькі Крыштофа Радзівіла Перу-на і пры каралеўскім двары ў Вільні<sup>23</sup>, пасля вучыўся ў Віленскай езуіцкай акадэміі. У 1621 г. браты выехалі за межы ВКЛ пад апекай Каспра Гетнера [12, s. 44].

Месцам навучання маладых Сапегаў быў абраны езуіцкі калегіум у Мюнхене<sup>24</sup>. Відаць, вопыт пада-рожжа старэйшага сына і ліст ад Л. Касмоўскага на-конт хваробы Яна Станіслава мелі вынікі і малодшыя сыны паехалі ў папулярны Мюнхен. Дарога не была простаю, з-за пытанняў бяспекі браты на некаль-кі дзён засталіся ў Лейпцыгу. Гэта былі часы Трыц-цацігадовай вайны, таму ў рэгіёне актывізаваліся бандыты [21, s. 92–93]. Найбольш бяспечна было ісці вялікай узброенай групай, што і вырашылі зрабіць браты. У лісце ад 18 лістапада 1621 г. яны паведамлілі бацьку пра сітуацыю і рашэнне шукаць кампаньёнаў для далейшага падарожжа<sup>25</sup>. Наступны ліст быў напі-саны 10 снежня 1621 г. з Нюрнберга<sup>26</sup>. З яго можна даведацца аб тым, што браты Сапегі адхіліліся ад маршруту і наведалі Кобург, дзе гасцілі ў герцага Ёгана Казіміра Саксен-Кобурга (1564–1633). Далей-шы шлях ішоў праз Аўгсбург, адкуль у канцы 1621 г. браты накіраваліся ў Мюнхен<sup>27</sup>. У лісце яны распа-вядалі пра свае бліжэйшыя планы па навучанні: Крыштоф Мікалай засяродзіўся на паэтыцы і гісто-рыі, каб потым перайсці да рыторыкі, а Казімір Леў вырашыў удасканаліць валоданне лацінскай мовай<sup>28</sup>. У Мюнхене браты вучыліся па традыцыйнай схеме: спачатку атрымалі агульныя гуманітарныя веды шляхам вывучэння базавых рэлігійных і філасофскіх твораў (Цыцэрона, Платона, Арыстоцеля, Гермагена Тарскага і інш.), а потым прайшлі курс рыторыкі, дзе вучыліся мастацтву прамовы. Таксама мала-дзя Сапегі бралі прыватныя заняткі па лацінскай і нямецкай мовах<sup>29</sup>. Акрамя гэтага, яны вялі актыў-нае сацыяльнае жыццё, удзельнічалі ў святкаван-нях і сяброўскіх сустрэчах, мелі добрыя зносіны з курфюрстамі Баварыі Вільгельмам V Набожным (1548–1626) і Максіміліянам I (1573–1651)<sup>30</sup>.

У адрозненне ад далейшых падарожжаў лістоў з Мюнхена няшмат. Прычын магло быць некалькі, напрыклад напружаная ваенная сітуацыя і цяжкасці перамяшчэння пасыльных па Еўропе. Так, у адным з лістоў за 1625 г. Крыштоф Мікалай і Казімір Леў пісалі, што з-за вайны немагчыма адпраўляць лісты

<sup>18</sup>Biblioteka Narodowa w Warszawie. Biblioteka Ordynacji Zamojskiej. Rkps. 942. K. 44.

<sup>19</sup>ЦДІАК Украіны. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 516. Арк. 1.

<sup>20</sup>Там же. Спр. 510. Арк. 1 – 1 адв.

<sup>21</sup>Там же. Спр. 517. Арк. 1.

<sup>22</sup>Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Kraków : Pol. Akad. Nauk, 1994. T. 35. S. 70.

<sup>23</sup>Ibid. S. 31.

<sup>24</sup>Ibid. S. 31, 70.

<sup>25</sup>ЛННБУ ім. В. Стефаніка. Ф. 103. Оп. 6. Тека 557. № 346.

<sup>26</sup>Там же. № 353.

<sup>27</sup>Там же. № 360.

<sup>28</sup>Там же.

<sup>29</sup>Polski Słownik Biograficzny... T. 35. S. 31, 70.

<sup>30</sup>Sapiehowie: materiały... T. 2. S. 12.

праз Нідэрланды і трэба везці іх праз нямецкія землі<sup>31</sup>. Акрамя таго, перыядычна да Льва Сапегі высылаліся людзі, якія маглі падрабязна распавесці пра адукацыю і жыццё сыноў [14, s. 305].

У 1624 г. браты пераехалі ў Інгальштат, дзе 17 студзеня былі іматрыкуляваны [14, s. 302]. Праз некалькі месяцаў Крыштоф Мікалай захварэў. Даследчыкі лічаць, што гэта былі сухоты. Браты выехалі на лячэнне ў Аўгсбург, дзе дактары былі больш дасведчанымі, чым у Інгальштаце<sup>32</sup>, але гэта не дапамагло. Было вырашана змяніць клімат. Спачатку разглядаўся вярнянт Італіі, але потым браты далучыліся да вялікай групы купцоў і накіраваліся дадому. Бацьку пра хваробу і сваё вяртанне яны паведамілі, знаходзячыся ўжо ў Брэсце<sup>33</sup>. Такое рашэнне яны аргументавалі тым, што хацелі трапіць дадому да зімы і не было часу чакаць адказу.

Крыштофу Мікалаю хутка палепшала, і ў сакавіку 1625 г. Леў Сапега зноў выправіў сыноў у Еўропу. Праз Вроцлаў<sup>34</sup>, Франкфурт-на-Майне, Кельн<sup>35</sup>, Аахен браты даехалі да Лёвена<sup>36</sup>. У Лёвене яны вывучалі палітыку, гісторыю, этыку, філасофію, рыторыку. Іх настаўнікамі былі знакамітыя прафесары-гуманісты Эрыцыус Пуцеанус (1574–1646), Мікалай Венулеус (1583–1649), Пётр Касцелянус (1582–1632). Так, пад кіраўніцтвам Э. Пуцеануса Крыштоф Мікалай напісаў працу, прысвечаную Дзмітрыю Самазванцу<sup>37</sup>, а пасля вяртання ў ВКЛ працягнуў тлумачэнне прац Ціта Лівія, якое не скончыў па прычыне смерці ў 1631 г. [22, s. 215]. Акрамя таго, прафесар захаваў кантакт з Сапегамі і пасля іх ад'езду [22, s. 215]. Так, у 1636 г. Казімір Леў прымаў сына Э. Пуцеануса – Юста<sup>38</sup>.

Падчас навучання ў Лёвене браты некалькі разоў здзяйснялі падарожжы да нідэрландскіх і іспанскіх ваенных абозаў з мэтай азнаямлення з ваеннымі навукамі. У 1625 г. падчас вакацый яны наведалі абоз Амброзія Спінолі (1569–1630), назіралі за ўзяццем Брэды іспанцамі ў чэрвені 1625 г. [12, s. 46]. Падчас вакацый браты сустрэліся з намесніцай Іспанскіх Нідэрландаў Ізабелай Аўстрыйскай (1566–1633) і іншымі еўрапейскімі арыстакратамі<sup>39</sup>.

У сярэдзіне 1627 г. навучанне братоў скончылася. Так, 22 чэрвеня прайшлі выніковыя дэбаты Крыштофа Мікалая па тэме «Палітычныя тэзісы з кніг Арыстоцеля аб дзяржаве», і ў ліпені браты на нейкі час раздзяліліся<sup>40</sup>. Захаваліся два лісты ад 13 ліпеня 1627 г. Крыштоф Мікалай з Бруселя і Казімір Леў з Лёвена пісалі пра тое, што Крыштоф скончыў навучанне і паехаў у Брусель, а яго брат застаўся, каб завяршыць курс палітыкі<sup>41</sup>. У Бруселі Крыштоф Мікалай у прыватных настаўнікаў навучаўся верхавой язды, фехтаванню, ваеннай інжынерыі і мовам. Ліст ад 1 жніўня 1627 г. з Лёвена браты пішуць ужо разам. Яны паведамляюць, што збіраюцца ехаць да іспанскага ваеннага абозу Хендрыка ван дэн Берга (1573–1638)<sup>42</sup>.

Пра далейшы маршрут братоў вядома тое, што ў верасні – кастрычніку 1627 г. яны былі ў Антверпене<sup>43</sup>, у пачатку 1628 г. – у Бруселі<sup>44</sup>. У лісце з Бруселя браты распавядаюць пра свае планы на конт падарожжа ў Італію праз Францыю. У Францыі нейкі час яны правялі ў ваенных абозах<sup>45</sup>.

Браты былі іматрыкуляваны ў Балонні ў 1628 г., а ў Падуі ў 1629 г. [14, s. 297]. З гэтага перыяду захаваўся ліст ад 15 студзеня 1629 г., напісаны з Пармы, у якім браты інфармавалі Яна Станіслава Сапегу пра тое, што Крыштоф Мікалай вяртаецца ў ВКЛ з-за абвастрэння хваробы<sup>46</sup>. Пасля ад'езду Крыштофа Мікалая малодшы Сапега застаўся на некалькі месяцаў у Італіі і паспеў наведаць Фларэнцыю<sup>47</sup>. У лісце ад 31 сакавіка 1629 г. ён паведамляў аб жаданні пабываць у Рыме і Неапалі<sup>48</sup>. У апошнія дні кастрычніка Казімір Леў піша ўжо з тэрыторыі Рэчы Паспалітай<sup>49</sup>.

Лісты маладых Сапегаў, іх апекуноў і іншых падарожнікаў сведчаць пра тое, што сям'я вельмі сур'ёзна ставілася да адукацыі. Маладыя Сапегі даволі падрабязна апісвалі ўвесь працэс навучання. Тэмай ліставання былі і пытанні здароўя: маладыя людзі не толькі паведамлялі пра свае хваробы, але і пыталіся пра самаадчуванне блізкіх. Асобнае месца займае тэма здароўя Яна Станіслава, які з сярэдзіны 1620-х гг. змагаўся з псіхічнай хваробай [13, s. 68]. Таксама

<sup>31</sup>ЛННБУ ім. В. Стефаніка. Ф. 103. Оп. 6. Тека 155. № 263.

<sup>32</sup>Там же. № 150.

<sup>33</sup>Там же.

<sup>34</sup>Там же. № 174.

<sup>35</sup>Там же. № 189.

<sup>36</sup>Там же. № 191.

<sup>37</sup>Polski Słownik Biograficzny / red. H. Markiewicz. Kraków : Pol. Akad. Nauk, 1994. Т. 35. S. 31, 70.

<sup>38</sup>Ibid. S. 31.

<sup>39</sup>Ibid.

<sup>40</sup>Ibid. S. 70–71.

<sup>41</sup>ЛННБУ ім. В. Стефаніка. Ф. 103. Оп. 6. Тека 157. № 43.

<sup>42</sup>Там же. № 54.

<sup>43</sup>Там же. № 85 ; Там же. № 88.

<sup>44</sup>Там же. № 128.

<sup>45</sup>Polski Słownik Biograficzny... Т. 35. S. 70–71.

<sup>46</sup>ЛННБУ ім. В. Стефаніка. Ф. 103. Оп. 6. Тека 157. № 274.

<sup>47</sup>Там же. № 298.

<sup>48</sup>Там же. № 309.

<sup>49</sup>Там же. № 383.

ў лістах абмяркоўваліся перашкоды ў камунікацыі [15, s. 215]. З гэтай тэмай было звязана вялікае незадавальненне Льва Сапегі, які вінаваціў сыноў у недысцыплінаванасці. Крыштоф Мікалай і Казімір Леў наракалі на тое, што лісты губляюцца. Па гэтай прычыне некаторыя важныя рашэнні маладым магнатам і іх свіце грэба было прымаць самастойна, як было з вяртаннем дадому ў 1624 г. з-за хваробы Крыштофа Мікалая. Акрамя таго, у лістах маладыя Сапегі паведамлялі важныя навіны Трыццацігадовай вайны (звесткі з франтоў, расклад сіл і г. д.). Падчас падарожжа па Італіі ў малодшых сыноў Льва Сапегі ўзніклі фінансавыя цяжкасці. У лісце ад 24 кастрычніка 1628 г.

Леў Сапега прасіў свайго старэйшага сына, Яна Станіслава, напісаць братам, каб тыя вярталіся дадому, бо не хапала грошай працягнуць падарожжа<sup>50</sup>. Сродкі ў той момант ішлі не толькі на адукацыю маладых Сапегаў (улічваючы, што падарожжа Крыштофа Мікалая і Казіміра Льва цягнулася з 1621 г., выдаткаваная сума, пэўна, была велізарнай), але і на вайну са Швецыяй (1626–1629) [13, s. 71]. Праз лісты можна дазнацца пра асаблівасці навучання ў навучальных установах, паўсядзённае жыццё маладых людзей у розных гарадах. Добрым прыкладам з’яўляецца даследаванне Л. Касмоўскага пра паветра Вюрцбурга. Аднак у лістах практычна няма звестак пра самі гарады.

### Заклучэнне

Такім чынам, Леў Сапега і тры яго сыны навучаліся ў еўрапейскіх універсітэтах у 1570–1630 гг. У сваё адукацыйнае падарожжа Леў Сапега адправіўся ў Лейпцыг. Ян Станіслаў Сапега атрымліваў адукацыю ў Віленскай езуіцкай акадэміі, Браўнсбергскім калегіуме, ён наведваў Вюрцбург, Парыж, Інгальштат, а таксама вядомыя гарады Італіі. Крыштоф Мікалай і Казімір Леў Сапегі навучаліся ў Віленскай езуіцкай акадэміі, наведалі Мюнхен, Інгальштат, Лёвен, Балонню.

Выбар накірунку кожнага з падарожжаў меў пэўную логіку. Леў Сапега навучаўся ў адным з самых папулярных універсітэтаў Рэчы Паспалітай. Польскае зямляцтва ў Лейпцыгу існавала з моманту адкрыцця ўніверсітэта, там была моцная гуманітарная школа. На падарожжа маладых Сапегаў паўплывалі сімпатыі бацькі. Напрыклад, Інгальштат і Мюнхен з’яўляліся цэнтрамі контррэфармацыйнага руху, а паміж Італіяй і каталіцкімі магнацкімі сем’ямі заўсёды былі моцныя сувязі, што дэманструе жаданне Льва Сапегі вывесці свой род у лік найбольш уплывовых у дзяржаве. Парыж быў знакаміты не толькі сваімі выкладчыкамі, але і каралеўскім дваром, рыцарскімі школамі. Выбар Вюрцбургскага ўніверсітэта зроблены пад уплывам хутчэй за ўсё парад Д. Хільхена. Выбар Лёвена для падарожжа малодшых сыноў вельмі прадказальны: там быў высокі ўзровень адукацыі, ішла Трыццацігадовая вайна і ваенна-палітычная сітуацыя была зменлівая, а Лёвен знаходзіўся блізка да асноўных цэнтраў падзей гэтай вайны.

Безумоўна, шматгадовая адукацыя ў лепшых навуковых цэнтрах Еўропы паўплывала на станаўленне Сапегаў. Так, не выклікае сумневаў тое, што гады навучання Льва Сапегі ў Лейпцыгскім універсітэце дазволілі яму азнаёміцца з лацінамоўнай літаратурай і атрымаць веды па базавых гуманітарных дысцыплінах. Дзякуючы дзейнасці Льва Сапегі на найбольш уплывовых пасадах атрыманы ім веды і ідэі адыгралі значную ролю ў развіцці і ўмацаванні прагрэсіўнай, свецкай сацыяльна-палітычнай думкі і рэлігійнай талерантнасці ў ВКЛ у другой палове XVI ст.

Грунтоўная шматгадовая адукацыя маладых Сапегаў таксама павінна была мець вялікі ўплыў на іх дзейнасць. Аднак Ян Станіслаў з 1620-х гг. пакутаваў ад псіхічнай хваробы, якая не дазволіла яму прымаць актыўны ўдзел у палітычным, эканамічным і культурным жыцці ВКЛ. Не менш трагічным быў лёс яго малодшага брата, Крыштофа Мікалая, які меў вялікую схільнасць да навук, займаўся гістарычнай і літаратурнай дзейнасцю, аднак у 23 гады памёр ад сухотаў. А вось малодшы сын Льва Сапегі, Казімір Леў, стаў вядомым паліглотам, вёў актыўную палітычную дзейнасць, прымаў удзел у вайне з казакамі у 1648–1653 гг., падчас вайны 1654–1667 гг. выставіў уласны полк. Найбольшы ўплыў ён аказаў на культурнае жыццё ВКЛ: заснаваў у Віленскай езуіцкай акадэміі фонд, які дазволіў аплачваць працу чатырох прафесараў, перадаў установе вялікую бібліятэку, фундаваў некалькі касцёлаў і кляштару, сярод якіх быў картускі кляштар у Бярозе, і г. д.

### Бібліяграфічныя спасылкі

1. Ciesielski T, Sawicki M. Sapiehowie – historia i dziedzictwo rodu. In: Ciesielski T, redaktor. *Wielkie rody dawnej Rzeczypospolitej XVI–XIX wieku. Tom 1, Sapiehowie*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego; 2018. 446 s.
2. Sapieha E. *Dom Sapieżyński. Tom 1*. Warszawa: PWN; 1995. 804 s.
3. Sapieha E. Kałamajska-Saeed M. *Dom Sapieżyński. Ikonografia. Tom 2*. Warszawa: PWN; 2008. 447 s.
4. Саверчанка І. *Канцлер Вялікага княства: Леў Сапега*. Мінск: Навука і тэхніка; 1992. 63 с.
5. Lazutka S. *Leonas sapiega: gyvenimas, valstybinė veikla, politinės ir filosofinės pažiūros*. Vilnius: Margi Raštai; 1998. 176 p.
6. Czwołek A. *Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. 734 s.

<sup>50</sup>ЛННБУ ім. В. Стефаніка. Ф. 103. Оп. 6. Тека 157. № 202.

7. Шкелёнак М. *У трохсотыя ўгодкі смерці вялікага канцлера Льва Сапегі*. Вільня: Друкарня Я. Левіна; 1933. 30 с.
8. Марозава СВ, рэдактар. *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час*. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы; 2007. 422 с.
9. Stępnik K, redaktor. *Sapiehowie epoki Kodnia i Krasiczyna*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2007. 661 s.
10. Праневіч ГМ, рэдактар. *Вялікі канцлер Вялікага княства (да 450-годдзя з дня нараджэння Льва Сапегі)*. Мінск: Логвінаў; 2007. 168 с.
11. Skep'jan AA, складальнік; Каваленя АА, рэдактар. *Sapegi: asoby, kar'ery, maientki*. Мінск: А. М. Янушкевіч; 2018. 320 с.
12. Ziober A. Korespondencja Kazimierza Leona i Mikołaja Krzysztofa Sapiehów z podróży w latach 1625–1627. Wybrane aspekty. W: Chorążyczewski W, Pacevičius A, Roszak S, redaktorzy. *Egodokumenty: tradycje historiograficzne i perspektywy badawcze*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2015. s. 43–56.
13. Ziober A. Korespondencja rodzinna Sapiehów z czasów wyjazdów zagranicznych Jana Stanisława, Kazimierza Leona i Krzysztofa Mikołaja w latach 1627–1630. Wybrane zagadnienia. W: Borka P, Olmy M, redaktorzy. *Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej. Volume 6*. Kraków: Collegium Columbinum; 2015. s. 67–80.
14. Goszczyński A. Korespondencja jako źródło do badań nad podróżami edukacyjnymi synów Lwa Sapiehy. W: Żołędz-Strzelczyk D, Kowalczyk ME, redaktorzy. *Źródła do dziejów staropolskich podróży edukacyjnych*. Wrocław: Wydawnictwo Chronicon; 2017. s. 295–326.
15. Ziober A. Relacje Lwa Sapiehy z synami w latach 20. XVII wieku w świetle wybranej korespondencji. Zarys problematyki. W: Borka P, Olmy M, redaktorzy. *Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej. Volume 7*. Kraków: Collegium Columbinum; 2017. s. 211–224.
16. Goszczyński A. Podróże edukacyjne Jana Stanisława Sapiehy (1589–1635). W: Ciesielski T, redaktor. *Wielkie rody dawnej Rzeczypospolitej XVI–XIX wieku. Tom 1, Sapiehowie*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego; 2018. s. 391–410.
17. Ziober A. Podróże edukacyjne Sapiehów w pierwszej połowie XVII w. Przyczynek do badań. W: Perłakowski A, Wolański F, Rok B, redaktorzy. *Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół kultury i polityki. Studia z dziejów nowożytnych ofiarowane profesorowi Marianowi Chachajowi*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2019. s. 145–162.
18. Rachuba A. Archiwa Sapiehów – ich losy, stan obecny. *Miscellanea Historiko-Archivistica*. 1998;9:101–108.
19. Żołędz-Strzelczyk D. *O przedsięwzięciu peregrynacyjnej: edukacyjne wojaże szlachty z Rzeczypospolitej w świetle instrukcji podróżnych*. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie; 2020. 435 s.
20. Lulewicz H, Rachuba A, kompilatory. *Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku*. Kórnik: Biblioteka Kórnicka; 1994. 255 s.
21. Mączak A. *Odkrywanie Europy: podróże w czasach renesansu i baroku*. Gdańsk: Novus Orbis; 1998. 275 s.
22. Kot S. Stosunki Polaków z Uniwersytetem Lowańskim: w 500 rocznicę otwarcia Uniwersytetu w Lowanium. W: Łempicki S, redaktor. *Minerwa Polska*. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich; 1927. s. 199–224.

## References

1. Ciesielski T, Sawicki M. Sapiehowie – historia i dziedzictwo rodu. In: Ciesielski T, redaktor. *Wielkie rody dawnej Rzeczypospolitej XVI–XIX wieku. Tom 1, Sapiehowie*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego; 2018. 446 s.
2. Sapieha E. *Dom Sapieżyński. Tom 1*. Warszawa: PWN; 1995. 804 s.
3. Sapieha E, Kałamajska-Saeed M. *Dom Sapieżyński. Ikonografia. Tom 2*. Warszawa: PWN; 2008. 447 s.
4. Saverchanka I. *Kancler Vjalikaga knjastva: Lew Sapega* [Chancellor of the Grand Duchy: Lew Sapieha]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1992. 63 p. Belarusian.
5. Lazutka S. *Leonas sapiega: gyvenimas, valstybinė veikla, politinės ir filosofinės pažiūros*. Vilnius: Margi Raštai; 1998. 176 p.
6. Czwołek A. *Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. 734 s.
7. Shkeljonak M. *U trohsotyja wgodki smerci vjalikaga kanclera L'va Sapegi* [On the 300<sup>th</sup> anniversary of the death of the great chancellor Lwa Sapiehi]. Vil'nja: Drukarnja Ja. Levina; 1933. 30 p. Belarusian.
8. Marozava SV, editor. *Lew Sapega (1557–1633 gg.) i jago chas* [Lew Sapieha (1557–1633) and his time]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2007. 422 p. Belarusian.
9. Stępnik K, redaktor. *Sapiehowie epoki Kodnia i Krasiczyna*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2007. 661 s.
10. Pranevich GM, editor. *Vjaliki kancler Vjalikaga knjastva (da 450-goddzja z dnja naradzhenja L'va Sapegi)* [Grand Chancellor of the Grand Duchy (until the 450<sup>th</sup> anniversary of the birth of Lew Sapieha)]. Minsk: Logvinaw; 2007. 168 p. Belarusian.
11. Skep'jan AA, compiler; Kavalenja AA, editor. *Sapegi: asoby, kar'ery, majontki* [Sapiehi: individuals, careers, estates]. Minsk: A. M. Janushkevich; 2018. 320 p. Belarusian.
12. Ziober A. Korespondencja Kazimierza Leona i Mikołaja Krzysztofa Sapiehów z podróży w latach 1625–1627. Wybrane aspekty. W: Chorążyczewski W, Pacevičius A, Roszak S, redaktorzy. *Egodokumenty: tradycje historiograficzne i perspektywy badawcze*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2015. s. 43–56.
13. Ziober A. Korespondencja rodzinna Sapiehów z czasów wyjazdów zagranicznych Jana Stanisława, Kazimierza Leona i Krzysztofa Mikołaja w latach 1627–1630. Wybrane zagadnienia. W: Borka P, Olmy M, redaktorzy. *Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej. Volume 6*. Kraków: Collegium Columbinum; 2015. s. 67–80.
14. Goszczyński A. Korespondencja jako źródło do badań nad podróżami edukacyjnymi synów Lwa Sapiehy. W: Żołędz-Strzelczyk D, Kowalczyk ME, redaktorzy. *Źródła do dziejów staropolskich podróży edukacyjnych*. Wrocław: Wydawnictwo Chronicon; 2017. s. 295–326.
15. Ziober A. Relacje Lwa Sapiehy z synami w latach 20. XVII wieku w świetle wybranej korespondencji. Zarys problematyki. W: Borka P, Olmy M, redaktorzy. *Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej. Volume 7*. Kraków: Collegium Columbinum; 2017. s. 211–224.

16. Goszczyński A. Podróże edukacyjne Jana Stanisława Sapiehy (1589–1635). W: Ciesielski T, redaktor. *Wielkie rody dawnej Rzeczypospolitej XVI–XIX wieku. Tom 1, Sapiehowie*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego; 2018. s. 391–410.
17. Ziober A. Podróże edukacyjne Sapiehów w pierwszej połowie XVII w. Przyczynek do badań. W: Pełakowski A, Wolański F, Rok B, redaktorzy. *Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół kultury i polityki. Studia z dziejów nowożytnych ofiarowane profesorowi Marianowi Chachajowi*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2019. s. 145–162.
18. Rachuba A. Archiwa Sapiehów – ich losy, stan obecny. *Miscellanea Historiko-Archivistica*. 1998;9:101–108.
19. Żołądź-Strzelczyk D. *O przedsięwzięciu peregrynacyjnej: edukacyjne wojaże szlachty z Rzeczypospolitej w świetle instrukcji podróżnych*. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie; 2020. 435 s.
20. Lulewicz H, Rachuba A, kompilatory. *Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku*. Kórnik: Biblioteka Kórnicka; 1994. 255 s.
21. Mączak A. *Odkrywanie Europy: podróże w czasach renesansu i baroku*. Gdańsk: Novus Orbis; 1998. 275 s.
22. Kot S. Stosunki Polaków z Uniwersytetem Lowańskim: w 500 rocznicę otwarcia Uniwersytetu w Lowanium. W: Łempicki S, redaktor. *Minerwa Polska*. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich; 1927. s. 199–224.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 08.11.2022.  
Received by editorial board 08.11.2022.

---

---

# ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

---

## УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

---

## WORLD HISTORY

---

---

УДК 94(47)(03)

### ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В ТУРКЕСТАНЕ В 1914–1923 гг.

Т. И. ДОРОШЕНКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, ул. Университетская, 4,  
100174, г. Ташкент, Узбекистан

На основе анализа архивных источников и материалов периодической печати предпринимается попытка изучить трансформацию положения польских военнопленных и беженцев в Туркестане в годы Первой мировой войны. Многие сведения из архивов Узбекистана вводятся в научный оборот впервые. Проблема польских беженцев и военнопленных в Туркестане исследуется в сложное историческое время – в период Первой мировой войны и революций 1917 г. Описывается процесс реэвакуации беженцев и военнопленных на родину. Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано при написании учебника и разработке учебного курса по истории Узбекистана.

**Ключевые слова:** Туркестан; поляки; Первая мировая война; военнопленные; беженцы; революция; реэвакуация.

---

#### Образец цитирования:

Дорошенко ТИ. Положение польских военнопленных и беженцев в Туркестане в 1914–1923 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:15–22.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-15-22>  
EDN: IBJHFY

#### For citation:

Doroshenko TI. The situation of Polish prisoners of war and refugees in Turkestan in 1914–1923. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3:15–22. Russian.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-15-22>  
EDN: IBJHFY

---

#### Автор:

**Татьяна Ивановна Дорошенко** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новейшей истории Узбекистана исторического факультета.

#### Author:

**Tat'yana I. Doroshenko**, PhD (history), docent; associate professor at the department of the latest history of Uzbekistan, faculty of history.  
[doctata@mail.ru](mailto:doctata@mail.ru)



## СТАНОВІШЧА ПОЛЬСКІХ ВАЕННАПАЛОННЫХ І БЕЖАНЦАЎ У ТУРКЕСТАНЕ Ў 1914–1923 гг.

Т. І. ДАРАШЭНКА<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя М. Улугбека, вул. Універсітэцкая, 4,  
100174, г. Ташкент, Узбекістан

На аснове аналізу архіўных крыніц і матэрыялаў перыядычнага друку робіцца спроба вывучыць трансфармацыю становішча польскіх ваеннапалонных і бежанцаў у Туркестане ў гады Першай сусветнай вайны. Многія звесткі з архіваў Узбекістана ўводзяцца ў навуковы абарот упершыню. Праблема польскіх бежанцаў і ваеннапалонных у Туркестане даследуецца ў складаны гістарычны час – у перыяд Першай сусветнай вайны і рэвалюцый 1917 г. Апісваецца працэс рээвакуацыі бежанцаў і ваеннапалонных на радзіму. Практычная значнасць даследавання заключаецца ў тым, што яго можа быць выкарыстана пры напісанні падручніка і распрацоўцы навучальнага курса па гісторыі Узбекістана.

**Ключавыя словы:** Туркестан; палякі; Першая сусветная вайна; ваеннапалонныя; бежанцы; рэвалюцыя; рээвакуацыя.

## THE SITUATION OF POLISH PRISONERS OF WAR AND REFUGEES OF TURKESTAN IN 1914–1923

T. I. DOROSHENKO<sup>a</sup>

<sup>a</sup>National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, 4 Universitetskaya Street,  
Tashkent 100174, Uzbekistan

Based on the analysis of various sources extracted from the archives of Uzbekistan, as well as periodicals, the article attempts to analyse the transformation of the situation of Polish prisoners of war and refugees in Turkestan during the World War I. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author, for the first time on the materials of the archives of Uzbekistan, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, tries to describe the problem of Polish refugees and prisoners of war in Turkestan in a difficult historical period – the period of the World War I and two revolutions of 1917, and also highlight the process of reevacuation to the Motherland. The chronological framework of the study covers the period of 1914 – the beginning of the World War I, when prisoners of war began to be sent to Turkestan, and 1923 – when the reevacuation of Polish prisoners of war and refugees was actually completed. The practical significance of the study lies in the fact that it can be used when writing a textbook on the history of Uzbekistan and when giving lectures to students of the universities of the republic.

**Keywords:** Turkestan; Poles; World War I; prisoners of war; refugees; revolution; reevacuation.

### Введение

Сегодня тема военнопленных и беженцев не утратила своей злободневности. В XXI в., когда межгосударственные и межнациональные отношения часто характеризуются военными конфликтами, эта проблема даже обострилась. Возможно, опыт военных противостояний XX в., в том числе Первой мировой войны, поможет в решении сложных политических вопросов.

Изучением проблемы беженцев и военнопленных периода Первой мировой войны занимались историки имперского периода. Их работы характеризуются скрупулезностью научно-практического анализа и объективностью, ведь, в отличие от советских исследований, они не были подвергнуты идеологизации. Так, работа Г. П. Альбата<sup>1</sup> посвящена социально-правовым аспектам содержания военнопленных. Автор отмечает, что на территории

Российской империи обращение с ними соответствовало международному праву, причем военнопленные славянского происхождения имели ряд льгот. В работе А. И. Белинского дана комплексная оценка состояния организационно-медицинского обеспечения военнопленных на начальных этапах Первой мировой войны<sup>2</sup>.

В советское время тема военнопленных и российских беженцев Первой мировой войны редко, но привлекала внимание историков. А. М. Матвеев в своей работе осветил участие военнопленных и беженцев Туркестана в сложных социально-политических процессах, происходивших после Февральской и Октябрьской революций 1917 г., а также взаимоотношения этих категорий граждан с коренным и русским населением<sup>3</sup>. И. С. Сологубов исследовал

<sup>1</sup>Альбат Г. П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М.: [б. и.], 1917. 84 с.

<sup>2</sup>Белинский А. И. С кем мы дружили: исторический очерк русско-немецких отношений. Могилёв: Тип. И. Б. Клазо и М. Л. Кагана, 1914. 71 с.

<sup>3</sup>Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. Ташкент: Фаң, 1977. 115 с.

довал положение иностранных коммунистов (среди которых были бывшие военнопленные и беженцы), работавших в Туркестане в первые годы советской власти. В. Я. Манусевич проанализировал роль польских интернационалистов в победе советской власти в России<sup>4</sup>.

Многие российские и зарубежные историки занялись изучением положения военнопленных и беженцев только в постсоветский период. Историографы этого периода добились серьезных успехов в исследовании темы. Так, увеличилось количество работ, посвященных проблеме, изменились теоретико-методологические подходы к ее изучению<sup>5</sup>. Одной из значимых работ тех лет можно назвать сборник «Первая мировая война: современная историография»<sup>6</sup>. Представленные в издании статьи посвящены военным, политическим, социальным и культурным аспектам Первой мировой войны.

Одним из первых европейских историков, проявивших интерес к данной проблематике, был П. Гетрелл. В своем исследовании он раскрывает сложный процесс перемещения гражданского населения из прифронтовых западных районов в тыл<sup>7</sup>. Историк рассматривает беженство как новое социальное явление, при этом он анализирует царскую политику по отношению к беженцам, показывает деятельность благотворительных организаций, раскрывает процесс этнической консолидации беженцев после Февральской революции.

Публикации, посвященные указанной проблематике, имеют региональную направленность. Так,

исследуются в основном области современной России, Беларуси и Украины. При этом проблема военнопленных и беженцев Туркестана в полной мере не исследовалась специалистами. Кроме того, в большинстве публикаций на эту тему нет сравнительного анализа положения военнопленных и беженцев в России в разное время, например в имперский и советский периоды. Документы, описывающие содержание военнопленных, не всегда подвергались критическому анализу, в них слабо освещена позиция местного населения, не представлена объективная оценка деятельности советских властей по реэвакуации мигрантов на родину.

Целями исследования являются реконструкция положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Туркестане, анализ трансформации их положения в имперский, послефевральский и советский периоды. Объектом исследования выступают военнопленные, беженцы, интернированные, оказавшиеся в Туркестане в годы Первой мировой войны. Географические рамки исследования – Туркестанское генерал-губернаторство, охватывающее часть территорий современного Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Основное внимание уделяется теме военнопленных и беженцев, находившихся на территории современного Узбекистана. В ходе исследования были использованы хронологический, историко-логический и сравнительный методы.

## Основная часть

В годы Первой мировой войны в Туркестане сосредоточилось большое количество иностранных граждан. Это были военнопленные австро-венгерской и германской армий, большое количество беженцев с западных территорий, а также интернированные лица. Среди военнопленных австро-венгерской армии были в основном чехи, словаки, сербы, хорваты и поляки. Условия содержания военнопленных

и правила обращения с ними регулировались Гаагской конвенцией об открытии военных действий, подписанной в 1907 г. К 1916 г. общее число военнопленных в Средней Азии достигло 200 тыс. человек, интернированных – более 300 человек [1, с. 38].

В Туркестане беженцы появились в 1915 г. Их численность составила около 80 тыс. (из них примерно 14 тыс. человек – в Ташкенте) [2, с. 15]. В основном

<sup>4</sup>Сологузов И. С. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент : Фан, 1961. 179 с. ; Манусевич В. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М. : Наука, 1965. 412 с.

<sup>5</sup>Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Документы и материалы : в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война / отв. ред. М. Ю. Мягков. М. : Наука, 2002. 677 с. ; Бахтурина А. Ю. Украина Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) М. : РОССПЭН, 2004. 392 с. ; Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Новосибирск : Новосиб. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2014. 39 с. ; Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. : автореф. дис. ... ист. наук : 07.00.02. Брянск : Брян. гос. пед. ун-т им. И. Г. Петровского, 2015. 43 с. ; Висьневский Я. Сибирь в воспоминаниях польских военных и солдат (1914–1920) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. в 3 ч. Ч. 1 // сост. Я. Висьневский. Омск : Издат. дом «Наука», 2012. С. 113 ; Котюкова Т. В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 47–64 ; Дорошенко Т. И. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой мировой войны // Вестн. науки и образования. 2021. № 10 (113). С. 20–28.

<sup>6</sup>Первая мировая война: современная историография. Сборник обзоров и рефератов РАН / отв. ред. В. П. Любин, М. М. Минц. М. : ИНИОН РАН, 2014. 231 с. (Всеобщая история).

<sup>7</sup>Гетрелл П. Беженцы в России в период Первой мировой войны // Ист. зап. 2001. № 4 (122). С. 46–72 ; Он же. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. коллоквиума / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 112–125.

это были поляки и польские евреи (8–10 тыс. человек), а также прибалты (1,5–2 тыс. человек). В сводке за ноябрь 1915 г. указывалось, что беженцы проживают в Закаспийской области (Асхабад – 5533 человека, Кизил-Арват – 801, Мерв – 5931, Иолотань – 756, Теджен – 520, Каахка – 500, Красноводск – 457 человек); Сыр-Дарьинской области (Ташкент – 14 000 человек, Ташкентский уезд – 2584, Черняев – 233, Аулие-ата – 2038, Перовск – 585, Казалинск – 588 человек); Ферганской области (Скобелев – 8500 человек, Скобелевский уезд – 1267, Коканд – 2163, Наманган – 2900, Андижан – 3360, Ош и Ошский уезд – 1440 человек); Джалаль-Абадском районе (807 человек, в том числе 258 человек в Базар-кургане); Самаркандской области (Самарканд и Самаркандский уезд – 8400 человек, Каттакурган – 2849, Бухарские владения – 792 человека)<sup>8</sup>.

Нахождение в Туркестане почти 150 тыс. военнопленных и прибытие беженцев существенно ухудшили материальное положение коренного населения, привели к продовольственному, промтоварному и жилищному кризису, ухудшили санитарные условия местности.

В Туркестане, как и в России, пленные первоначально были изолированы от коренного и русского населения. Однако из-за нехватки охранных команд лагерный режим для них строго поддерживался лишь на протяжении первых месяцев пребывания.

Вскоре после начала военных действий Николай II распорядился облегчить положение интернированных славян. Инструкцией Министерства иностранных дел Российской империи от 5 марта 1915 г. предусматривались следующие изменения: славяне – неприятельские подданные – освобождались от ряда ограничений; облегчалась возможность перехода славян в русское подданство; интернированию, высылке и другим мерам ограничения подвергались только те поляки и словаки, которые были известны своим русофобством, преданностью Австро-Венгрии или скомпрометировавшие себя неблагоприятным поведением [3, с. 103].

С одной стороны, туркестанские власти были крайне обеспокоены большим количеством военнопленных на территории края, ведь в случае каких-либо беспорядков их присутствие могло усугубить ситуацию. В некоторых городах количество военнопленных стало превышать число гражданского населения. Например, в г. Скобелеве гражданское население составляло 7 тыс. человек, в то время как военнопленных насчитывалось 15 тыс. человек [4, с. 303]. Только с лета 1916 г. военнопленных и беженцев начали вывозить в центральные районы России. К началу 1917 г. в Туркестане осталось около 42 тыс. военнопленных<sup>9</sup>.

С другой стороны, администрация Туркестана проявляла достаточно лояльное отношение к военнопленным, особенно к офицерам славянского происхождения (они получили доступ в частные дома в качестве преподавателей, врачей и других специалистов). Коренное население относилось к иностранным военнопленным и беженцам весьма дружелюбно, привлекало их к выполнению сельскохозяйственных работ и оказывало им посильную помощь. Важно отметить, что мнение местных жителей совершенно не учитывалось, в то время как свободное передвижение военнопленных они расценивали как военную слабость российских властей.

О достаточно мягком отношении администрации к военнопленным славянского происхождения свидетельствует ряд приказов по Туркестанскому военному округу. В частности, в приказе от 18 октября 1914 г. был предусмотрен ряд послаблений: «Ввиду особого характера настоящей войны... Военным министерством [Российской империи] по соглашению с Министерством иностранных дел [Российской империи] выработан по отношению к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе к полякам, как обнаруживающим дружественное тяготение к России, а равно и к военнопленным эльзас-лотаринцам ряд нижеследующих льготных мер, подлежащих обязательному применению во всех пунктах постоянного квартирования военнопленных: 1. Всех дружественно настроенных нам пленных славян: русин, словаков, галичан, чехов, поляков, сербов и всех эльзас-лотарингцев – размещать в отдельных пунктах от расквартирования германцев, австро-немцев, венгров и других враждебно относящихся к России элементов. 2. В пунктах обособленного размещения военнопленных названных выше дружественных нам народностей предоставлять лучшие помещения в смысле тепла и обстановки. Снабжать славян и эльзас-лотарингцев лучшей одеждой, а равно и пищей. 3. Предписывать по отношению к ним местному начальству применение мягкого режима. 4. Военнопленные нехристианского вероисповедания должны быть освобождены от работ, в дни празднования коих установлено их религией»<sup>10</sup>.

В приказе от 3 декабря 1914 г. отмечалось: «1. Артельщиков, кашеваров, хлебопеков, каптинармусов и прочих хозяйственных нижних чинов назначать из военнопленных. Надзор за ними и отчетность, установленную для упомянутых хозяйственных чинов, по возможности возложить на пленных унтер-офицеров под контролем офицеров-славян. На этих же офицеров по возможности возложить прием от подрядчиков продуктов и учет хлеба. 2. Военнопленным обязательно готовить пищу 2 раза в день с ½ фунта мяса в обед и ¼ фунта мяса в ужин. К обеду выдавать

<sup>8</sup>Нац. арх. Узбекистана (НАУз). Ф. 621. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

<sup>9</sup>НАУз. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1270. Л. 65.

<sup>10</sup>Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 36а. Л. 2–3.

каждому порцию мяса в 24 золотника, на ужин – такую же порцию на двух человек. 3. Военнопленным офицерам, несущим хозяйственные обязанности, в силу доверия к ним и при обязательстве с их стороны добросовестно исполнять порученные им дела и соблюдать положение о военнопленных, предоставить право жить на частных или казенных квартирах при казармах, иметь там же казенную прислугу из пленников и пользоваться свободой посещения городской черты вне казармы, указанной начальником гарнизона. 4. Допускать выписку военнопленным газет, журналов и книг, издаваемых в России с русской цензурой, как на русском, так и на иностранных языках. 5. Посещение военнопленными ресторанов, кондитерских, кинематографов, театров и всяких общественных гуляний воспрещается»<sup>11</sup>.

С марта 1915 г. военнопленных начали отпускать из лагерей. Так, были утверждены правила, разрешающие им отлучаться на работу на частные промышленные предприятия. Фактически с этого времени для них было отменено лагерное положение. Труд военнопленных широко применялся на железной дороге, в строительстве, сельском хозяйстве и в других отраслях.

Военнопленные австрийцы, венгры и немцы привлекались к более сложным видам деятельности.

### Положение военнопленных и беженцев в Туркестане после Февральской революции 1917 г.

К 1917 г. в Туркестане оставалось немногим более 41 тыс. пленников. Около 38 тыс. из них являлись военнопленными многонациональной австро-венгерской армии, 3 тыс. – военнопленными германской армии<sup>12</sup>. В 1917–1918 гг. из-за частичной эвакуации, самовольного отъезда, смерти от ран, болезней и по другим причинам численность пленников постепенно снижалась.

После Февральской революции 1917 г. в Туркестане, как и в других регионах России, лагерный режим для военнопленных был облегчен. Это произошло прежде всего потому, что для охраны военнопленных не хватало солдат, причем многие из них стали относиться к военнопленным с гораздо большим сочувствием, чем раньше. По инициативе Советов рабочих и солдатских депутатов, а также солдатских комитетов некоторые солдаты переселились в города в квартиры, конфискованные у буржуазии. Многие конвойные солдаты стали завязывать дружеские связи с пленными земляками или с единомышленниками, сообщая им новости о политических событиях в России.

Таким образом, часть военнопленных приобрела определенную свободу, в частности получила воз-

можность покидать лагерь в дневное время, свободно ходить по улицам, посещать митинги, собрания, контактировать с гражданским населением. Многие из них попали под влияние местного общественно-политического движения.

В лагерях военнопленных усиливался развал охраны. Это создавало условия для побегов. Например, с марта по октябрь 1917 г. в Туркестанском военном округе было зафиксировано бегство не менее 578 солдат и 22 офицеров<sup>13</sup>. Большинство этих беглецов не стремились покинуть пределы края. Побродив некоторое время в поисках лучших условий жизни, они добровольно возвращались в свои лагеря. Некоторые военнопленные нашли работу в хозяйствах богатых немецких крестьян и узбекских баев.

Свержение самодержавия привело к политизации военнопленных. На них все больше влияния стали оказывать революционно настроенные русские солдаты и рабочие. Следуя их примеру, некоторые военнопленные стали устраивать забастовки, требуя улучшения условий жизни, повышения заработной платы и т. д. Временное правительство не могло не считаться с переменами в сознании военнопленных, а также с мнением демократически

<sup>11</sup> Там же. Л. 1.

<sup>12</sup> Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: Центр стат. упр. отд. воен. статистики, 1925. 103 с.

<sup>13</sup> НАУз. Ф. 737. Оп. 1. Д. 25. Л. 109, 111.

настроенных кругов, выступавших в их защиту. Поэтому закономерными стали меры, предусматривавшие улучшение положения военнопленных. В конце марта 1917 г. в Петрограде был образован Центральный исполнительный комитет по делам военнопленных, а уже 6 апреля 1917 г. штаб Туркестанского военного округа образовал комиссию по делам военнопленных, в которую, кроме представителей штаба, вошли также многонациональные союзы военнопленных. Комиссия приняла ряд решений по улучшению положения военнопленных. Эти решения предусматривали новый порядок отпуска военнопленных врачей, а также особые льготы для офицеров и солдат, записавшихся добровольцами в чешские, сербские, румынские или французские войска. Решением комиссии от 22 июня 1917 г. военнопленным было разрешено становиться подданными России и вступать в брак с русскими женщинами<sup>14</sup>.

Вслед за созданием комиссии по делам военнопленных стали образовываться многонациональные благотворительные комитеты. Польская диаспора, сформировавшаяся в Туркестане еще в конце XIX в., учредила собственные благотворительные общества, например Польское общество помощи жертвам войны, Союз военных поляков, Кружок польских дам под руководством С. Длугашевской и др.<sup>15</sup> Благотворительные организации оказывали материальную помощь нуждающимся военнопленным, старались улучшить их жилищные условия, открывали кружки по интересам (в основном по изучению русского языка).

Польские организации вели весьма активную деятельность в Туркестане, например 2 мая 1917 г. они отпраздновали 126-ю годовщину польской конституции. На общем собрании поляков Ташкентского гарнизона 31 мая 1917 г. был утвержден устав Союза военных поляков Туркестанского округа. Целью союза было объединение военных поляков Туркестанского округа для оказания взаимопомощи и возвращения в свободную и независимую Польшу. В президиум

союза вошли авторитетные поляки: Витомирский (в качестве председателя), К. В. Юцак, Врублевский, Маццох, Мильрад, Ягельский, Тамецкий, Матисяк и др.<sup>16</sup>

Подобные объединения образовывались и в других городах, где находились военнопленные. Однако работа периферийных комитетов не могла сравниться с той, которая проводилась в ташкентских лагерях.

Временное правительство пыталось сформировать из военнопленных национальные (чехословацкие, румынские, итальянские) воинские формирования. С мая по октябрь 1917 г. из 41 тыс. военнопленных, находившихся в Туркестане, были завербованы 2646 добровольцев [2, с. 97]. Однако сформировать в Ташкенте польский батальон (из польских военнопленных и русских военнослужащих) для отправки в Россию не удалось.

Немалое число поляков состояло в образовавшихся после свержения самодержавия социал-демократических организациях.

Под влиянием революционных настроений и агитации большевиков во многих городах Туркестана военнопленные стали выступать против собственных офицеров, устраивать забастовки. Например, в Ташкенте в июне 1917 г. под предводительством И. Келлера и А. Бондорского 60 военнопленных устроили забастовку и выдвинули требования: не наказывать провинившихся отсылкой в лагерь; увеличить выдачу хлеба; повысить жалованье и уровни его для всех; выдать всем новое белье; выдать всем мыло<sup>17</sup>.

В сентябре 1917 г. в Ташкенте прошли крупные митинги, организованные большевиками, где звучали лозунги о свержении Временного правительства. В них принимало участие несколько десятков военнопленных поляков, в основном солдат. Польские офицеры и интеллигенция в большинстве своем поддерживали Временное правительство или относились к нему нейтрально. Когда 12 сентября командующий войсками Туркестанского военного округа генерал А. Черкес был ранен и бежал, его укрыл у себя ташкентский ксендз В. Шикшнель [2, с. 106].

### Октябрьский переворот в Туркестане и изменения в положении иностранных граждан

После Октябрьского переворота размежевание среди польских солдат и офицеров стало еще более явным. Военнопленные-добровольцы, в основном солдаты, приняли участие в вооруженном восстании в Ташкенте. В ночь на 28 октября 1917 г. юнкера и казаки напали на казармы 1-го Сибирского стрелкового полка. Вместе с русскими солдатами казармы обороняли военнопленные. В рядах 1-го Сибирского стрелкового полка было несколько десятков выход-

цев из Польши. Так, 29 октября и в последующие дни солдаты-поляки и несколько военнопленных-добровольцев принимали участие в боях и разоружении сторонников Временного правительства [6, с. 110]. Военнопленные офицеры чаще всего занимали нейтральную позицию по отношению к происходящим событиям. Большинство военнопленных и беженцев были не участниками, а лишь свидетелями назревания и осуществления Октябрьского переворота

<sup>14</sup>Там же. Ф. 738. Оп. 1. Д. 3. Л. 81, 82.

<sup>15</sup>Туркестанские ведомости. 2 мая. 1917. С. 3.

<sup>16</sup>Туркестанские ведомости. 23 авг. 1917. С. 3.

<sup>17</sup>НАУз. Ф. 737. Оп. 1. Д. 54. Л. 267.

в Туркестане. Большевики, как и Временное правительство, попытались сформировать из военнопленных поляков польский легион Туркестанского военного округа. Однако эта попытка оказалась неудачной<sup>18</sup>.

После Октябрьской революции снабжение военнопленных резко ухудшилось. Из-за Гражданской войны Туркестан был фактически отрезан от центра. Многие лагеря урезали питание для военнопленных. Особенно тяжелые условия жизни для военнопленных сложились в лагере «Золотая Орда», прославившегося коррупцией. В лагере содержались в основном военнопленные австро-венгерцы, немцы и в небольшом количестве славяне.

В издании «Наша газета» за 15 июня 1918 г. было написано: «8 июня 1918 г. в революционном трибунале слушалось дело администрации лагеря иностранно-подданных при разъезде “Золотая Орда”, обвиняемых в системных злоупотреблениях в деле довольствия лагеря и в совершении подлога на сумму 24 140 руб. К ответственности были привлечены: начальник лагеря Тушманов, помощник Шапов, подрядчик Вишневецкий, каптернармус Белоногов»<sup>19</sup>. Кроме того, многие сотрудники лагеря были замечены в пьянстве. Из-за плохого продовольственного снабжения и слабой охраны побеги военнопленных стали обычным явлением. Например, из старосаперного лагеря Ташкента ежедневно убегало от 20 до 30 человек.

Еще до заключения Брестского мира в марте 1918 г. из плена освобонилось и вернулось в свои страны около полумиллиона военнопленных Австро-Венгрии и Германии. Официально их возвращение началось весной 1918 г., но осложнилось начавшейся в России Гражданской войной. Советские органы власти еще в январе 1918 г. предоставили гражданство РСФСР всем желающим военнопленным и делали все возможное, чтобы привлечь опытных солдат на службу в Красную армию. Для реэвакуации военнопленных и беженцев в апреле 1918 г. была учреждена Центральная коллегия о пленных и беженцах. Позднее она была реорганизована и переименована в Центральное управление по эвакуации населения. Туркестанское краевое управление по эвакуации населения было учреждено 22 июля 1920 г.<sup>20</sup>

Польские беженцы стали массово писать заявления, касающиеся выезда на родину. С января по декабрь 1920 г. были отправлены на родину 325 человек. По сведениям НКВД РСФСР, в 1921 г. оптировать подданство Польши изъявили желание 1462 чело-

века<sup>21</sup>. Однако туркестанские власти не торопились отправлять военнопленных и беженцев домой: в регионе не хватало квалифицированных специалистов, и их старались всячески задержать.

Декрет Совета народных комиссаров «О выходе некоторых категорий лиц из Российского гражданства» от 5 октября 1919 г. гласил: «...выходом из российского гражданства лиц, принадлежащих к постоянным жителям Польши, Украины и Литвы в Туркестанской Республике может создаться положение, ставящее ее в затруднительное положение на случай мобилизации, так как в пределах республики число поляков, украинцев и других народностей, считающих декрет о выходе из российского гражданства к ним применимым, по имеющимся сведениям, довольно значительно. Промышленная, торговая и культурная жизнь республики во многом связана с польским и украинским элементом, что также должно привести к заключению придерживаться до поры до времени выжидательной тактики действий»<sup>22</sup>.

Как отмечалось, в регионе не хватало специалистов, особенно врачей. Разными способами людей пытались удержать. Были эпизоды, когда человек выезжал с документами по реэвакуации, а его возвращали с полпути.

В одном из документов Ташкентского краевого управления по эвакуации населения написано: «Распоряжением Кокандского уезда Фалькевич, врач Ура-Тюбе, был отправлен на родину без предварительного разрешения облздрава Самарканда. Такие распоряжения ставят уезд в безвыходное положение. Без Вашего согласия я оставил иностранных врачей впредь до особого распоряжения. Прошу привлечь к ответственности Фалькевича и вернуть врача обратно. Вообще прошу указаний, как поступить с иностранным медицинским персоналом»<sup>23</sup>. При этом иностранцы, чтобы уехать из Туркестана на родину, шли на все (даже на подкуп чиновников), тем более что ситуация с продовольствием ухудшалась с каждым днем. С 1921 г. во многих регионах России начался голод, в Туркестан стали переселять людей из особо пострадавших регионов (в основном из Южного Урала и Поволжья). Это еще больше ухудшило продовольственное положение местного населения и иностранцев.

В связи с предстоящей регистрацией и реэвакуацией беженцев Польши приказом Центрального управления по эвакуации населения № 604 от 15 апреля 1921 г. предписывалось следующее: производство работ по регистрации и составлению эшелонных

<sup>18</sup>Там же. Д. 121. Л. 51.

<sup>19</sup>Там же. Л. 5, 11, 29.

<sup>20</sup>НАУз. Ф. 621. Оп. 1. Д. 51. Л. 18.

<sup>21</sup>Там же. Л. 118.

<sup>22</sup>Там же. Л. 18.

<sup>23</sup>Там же. 1. Д. 5. Л. 11.

списков беженцев Польши поручить исключительно лицам, достойным доверия, ни в коем случае не допускать к этой работе лиц польской национальности, не являющихся членами Российской коммунистической партии; ежемесячно сообщать административному отделу Центрального управления по эвакуации

населения общее количество зарегистрированных беженцев Польши, подлежащих реэвакуации<sup>24</sup>.

Советско-польская война (1919–1921) также внесла коррективы в процесс возврата польских военнопленных и беженцев на родину. В связи с этим реэвакуация поляков затянулась до 1923 г.

### Заключение

В годы Первой мировой войны в Туркестане находилось большое количество военнопленных, интернированных и беженцев, в том числе поляков. Царские власти довольно лояльно относились к военнопленным славянам, предоставляя им ряд льгот. После Февральской революции 1917 г. лагерный режим для военнопленных был ослаблен. Участились побег, многие офицеры и солдаты стали активно участвовать в общественно-политической жизни республики. Активизировались местные польские благотворительные общества. Временное правительство предприняло безуспешную попытку сформировать польский легион. Коренное население Туркестана отнеслось к Февральской революции положительно, так как Временное правительство пообещало народам Туркестана право на самоопределение. Отношение

к военнопленным и беженцам не изменилось и было достаточно доброжелательным. После Октябрьской революции ситуация резко изменилась. Туркестан временно был отрезан от центра, ухудшилось снабжение местного населения. Некоторые из иностранных военнопленных и беженцев самовольно пытались вернуться на родину, но большинство из них ждали официальной реэвакуации, которая по разным причинам затянулась до 1923 г. Большинство поляков были реэвакуированы в 1922–1923 гг. Многие остались в крае и перешли на сторону большевиков (среди них были и видные деятели, например В. Д. Фигельский), некоторые отказались от возвращения на родину по личным мотивам. Поляки внесли ощутимый вклад в местную экономику, образование и культуру.

### Библиографические ссылки

1. Дорошенко ТИ. Положение военнопленных в Туркестане в годы первой мировой войны. *Вестник науки и образования*. 2021;10(113):20–25.
2. Матвеев АМ. *Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю*. Ташкент: Фан; 1977. 115 с.
3. Никольская ГБ, Матвеев АМ. Из истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века. В: Хидоятов ГА, редактор. *Материалы по истории и археологии Средней Азии*. Ташкент: ТашГУ имени В. И. Ленина; 1972. 118 с. (Научные труды ТашГУ; выпуск 423).
4. Бахтурина АЮ. *Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. Москва: РОССПЭН; 2004. 392 с.
5. Жукова ЛИ, составитель. *К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.)*. Ташкент: Ўзбекистон; 1998. 270 с.
6. Сологубов ИС. *Иностранные коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.)*. Ташкент: Госиздат УзССР; 1961. 179 с.

### References

1. Doroshenko TI. The situation of prisoners of war in Turkestan during the First World War. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2021;10(113):20–25. Russian.
2. Matveev AM. *Zarubezhnye vykhodtsy v Turkeстане na putyakh k Velikomu Oktyabryu* [Foreign immigrants in Turkestan on the way to the Great October]. Tashkent: Fan; 1977. 115 p. Russian.
3. Nikol'skaya GB, Matveev AM. [From the history of Asian and European immigrants in Central Asia at the beginning of the 20<sup>th</sup> century]. In: Khidoyatov GA, editor. *Materialy po istorii i arkheologii Srednei Azii* [Materials on the history and archaeology of Central Asia]. Tashkent: TashGU imeni V. I. Lenina; 1972. 118 p. (Nauchnye trudy TashGU; volume 423). Russian.
4. Bakhturina AYU. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsiona'naya politika v gody pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [The outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the World War I (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN; 2004. 392 p. Russian.
5. Zhukova LI, compiler. *K istorii khristianstva v Srednei Azii (XIX–XX vv.)* [On the history of Christianity in Central Asia (19–20<sup>th</sup> centuries)]. Tashkent: Ўzbekiston; 1998. 270 p. Russian.
6. Sologubov IS. *Inostrannyye kommunisty v Turkeстане (1918–1921 gg.)* [Foreign Communists in Turkestan (1918–1921)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR; 1961. 179 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.12.2022.  
Received by editorial board 10.12.2022.

<sup>24</sup>Там же. Д. 18. Л. 38.

УДК 94(470.23-25)«17/18»(=112.2)

## НЕМЕЦКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

В. Н. ШАЙДУРОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,  
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечается, что немецкое сообщество Санкт-Петербурга в имперский период не было однородным. Заметную роль в столичной жизни играли не только дворяне, преимущественно из числа прибалтийских немцев, но и городские обыватели (мещане, посадские) и колонисты, занимавшиеся ремеслом и сельским хозяйством. Исследуются особенности формирования и развития сообщества немецких ремесленников Санкт-Петербурга в XVIII – начале XIX в. с точки зрения фронтальной модернизации. Определяются основные тенденции государственной политики в отношении изучаемого сообщества. Отмечается, что в конце XVIII в. Уставом цехов было закреплено деление цехов Санкт-Петербурга на российские и иностранные (преимущественно немецкие). Показано взаимодействие городских немцев и немцев, проживавших в колониях вблизи столицы. Делается вывод о тесной связи этих групп населения. Опровергается тезис об изолированности немецких колонистов, доказывается мысль об их постепенной интеграции в городскую среду Санкт-Петербурга.

**Ключевые слова:** немцы России; петербургские колонии; немецкая ремесленная управа; ремесленник; цех; идентичность; Санкт-Петербург.

**Благодарность.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

## НЯМЕЦКІЯ РАМЕСНІКІ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГА: АСАБЛІВАСЦІ ФАРМІРАВАННЯ І РАЗВІЦЦЯ СУПОЛЬНАСЦІ Ў XVIII – ПАЧАТКУ XIX ст.

У. М. ШАЙДУРАЎ<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,  
Пецярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Адзначаецца, што нямецкая супольнасць Санкт-Пецярбурга ў імперскі перыяд не была аднастайнай. Прыкметную ролю ў сталічным жыцці адыгрывалі не толькі дваране, пераважна з ліку прыбалтыйскіх немцаў, але і гарадскія жыхары (мяшчане, пасадскія) і каланісты, якія займаліся рамяством і сельскай гаспадаркай. Даследуюцца асаблівасці фарміравання і развіцця супольнасці нямецкіх рамеснікаў Санкт-Пецярбурга ў XVIII – пачатку XIX ст. з пункту гледжання францёрнай мадэрнізацыі. Вызначаюцца асноўныя тэндэнцыі дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да вывучаемай супольнасці. Адзначаецца, што ў канцы XVIII ст. Статутам цэхаў было замацавана дзяленне рамесных цэхаў Санкт-Пецярбурга на расійскія і замежныя (пераважна нямецкія). Асвятляецца спецыфіка ўзаемадзеяння

### Образец цитирования:

Шайдуrow В.Н. Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII – начале XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:23–32.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-23-32>  
EDN: LDBNXM

### For citation:

Shaidurov V.N. German craftsmen of Saint Petersburg: specifics of formation and development of the community in the 18<sup>th</sup> – early 19<sup>th</sup> century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3:23–32. Russian.  
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-23-32>  
EDN: LDBNXM

### Автор:

**Владимир Николаевич Шайдуrow** – доктор исторических наук, доцент; заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа.

### Author:

**Vladimir N. Shaidurov**, doctor of science (history), docent; head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.  
[s-w-n@mail.ru](mailto:s-w-n@mail.ru)  
<https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>



гарадскіх немцаў і немцаў, якія пражывалі ў калоніях паблізу сталіцы. Робіцца выснова аб цеснай сувязі гэтых груп насельніцтва. Абвяргаецца тэзіс аб ізаляванасці нямецкіх каланістаў, даказваецца меркаванне аб іх паступовай інтэграцыі ў гарадское асяроддзе Санкт-Пецярбурга.

**Ключавыя словы:** немцы Расіі; пецярбургскія калоніі; нямецкая рамесная ўправа; рамеснік; цэх; ідэнтычнасць; Санкт-Пецярбург.

**Падзяка.** Даследаванне выканана за кошт гранта Расійскага навуковага фонду і Санкт-Пецярбургскага навуковага фонду № 23-18-20025.

## GERMAN CRAFTSMEN OF SAINT PETERSBURG: SPECIFICS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COMMUNITY IN THE 18<sup>th</sup> – EARLY 19<sup>th</sup> CENTURY

V. N. SHAIUROV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>*Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia*

During the imperial period, the German community of Saint Petersburg was not homogeneous. Not only the nobility, mostly from the Baltic Germans, played a prominent role in the urban life, but so did urban residents (burghers, tradespeople) and colonists, who dominated over crafts and agriculture industries. The object of study is the German crafts world in Saint Petersburg in the 18<sup>th</sup> – early 19<sup>th</sup> century, the subject being its formation and peculiarities of development. This topic is considered by the author of the article from the point of view of modernisation in the frontier territory. On the basis of various sources, the regulatory and legal framework for the formation and activity of German craft workshops has been determined. From various sources, the legislative framework of its formation and activity was deduced, which made it possible to determine the main trends of state policy regarding the community under study. The Charter on workshops at the end of the 18<sup>th</sup> century fixed the division of workshops in Saint Petersburg into Russian and foreign (predominantly German). The specifics of interaction between the urban Germans and the German colonists living in the colonies near the then-capital is described. The obtained statistical data enables us to talk about the close relationship of these population groups. The conducted research refutes the thesis about the isolation of the German colonists and proves their gradual integration into the urban environment of Saint Petersburg.

**Keywords:** Germans of Russia; Saint Petersburg colonies; German craft council; craftsman; workshop; identity; Saint Petersburg.

**Acknowledgements.** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the Saint Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

### Введение

Немцы Санкт-Петербурга являются неотъемлемой частью немецкой диаспоры России. В силу своего происхождения они отличаются от российских немцев, под которыми в историографии принято подразумевать немецких колонистов и их потомков. Если в Поволжье, Новороссии и некоторых других регионах Российской империи большинство немецкого населения составляли именно колонисты, то в столичном регионе наблюдалась несколько иная картина. Немецкое население было сформировано в основном мигрантами, которые прибывали в столицу с начала XVIII в. В результате немцы были представлены во всех сословных группах. Но большинство из них составляли третье сословие (ремесленники, купцы) и сообщество петербургских колонистов, которые до Великих реформ Александра II занимали особую гражданско-правовую нишу (в результате реформы 1871 г. бывшие немецкие колонисты были переведены в разряд поселян-собственников).

Один из парадоксов историографии состоит в том, что степень изученности истории немцев Поволжья, Новороссии, Волыни и Сибири намного выше, чем степень изученности немцев обеих столиц. Это может быть объяснено тем, что в регионах сформировались научные школы, которые постепенно исследовали все стороны жизни местных немцев, в частности их участие в административной деятельности, вклад в экономическое развитие региона на примере отдельных отраслей и т. д. В столице же ставка изначально была сделана на персонификацию истории. О данной специфике свидетельствуют, например, материалы конференций и семинаров [1; 2]. То же можно сказать и об исследованиях, посвященных истории отдельных немецких (преимущественно остзейских) дворянских фамилий [3], а также деятельности некоторых академиков германского происхождения [4].

Крайне редко в поле зрения специалистов попадали широкие городские массы [5]. При всем богатстве

архивов можно выделить лишь одну диссертационную работу, посвященную истории петербургских колоний [6]. Отдельные ее аспекты стали предметом изучения историков в 2010–20-х гг. [7–9]. Однако целостного исследования истории развития немецких колоний в петербургских окрестностях в 1765–1939 гг. до сих пор нет.

Негативный образ мещанства, созданный в русской литературе XIX в., отразился и на истории его исследования. В советский период изучению данного образа внимание не уделялось, в работах отечественных специалистов он упоминался лишь в общем контексте. Обратившись к истории столичных ремесленников, можно найти интересные упоминания о них в коллективной монографии «Очерки истории Ленинграда». В. И. Макаров отмечает в своей статье факт не сокращения, а дальнейшего расширения мелкого производства на основе российских и иностранных цехов [10].

В контексте ремесленного сообщества Санкт-Петербурга рассмотрены и немецкие мастера в монографии А. В. Келлера [11]. Анализируя эволюцию гражданско-правового статуса столичного ремесленника на протяжении всего имперского периода, автор особо выделил иностранных, в том числе немецких, цеховых работников. Большую ценность имеют приведенные А. В. Келлером статистические данные о количестве цехов и численности мастеровых в период правления Екатерины II.

История немцев Санкт-Петербурга и губернии до середины XIX в. изучена очень последовательно. Это объясняется в первую очередь пестротой данной социальной группы. Особое внимание следует уделить проблеме мобильности немцев, а также их контактам с окружающим населением.

### Теоретические основы исследования

Методологической основой исследования является теория модернизации традиционного общества. Придя на смену марксистско-ленинской теории изучения истории, она позволила по-новому взглянуть на, казалось бы, уже известные аспекты исторического прошлого. Автор статьи разделяет мнение российских и зарубежных историков, которые развивают концепцию национально ориентированных модернизационных моделей [12–14]. Можно утверждать, что российская модернизация имела специфические черты. Протяженность территории и поэтапность формирования российской государственности обусловили неравномерность регионального развития страны. По степени развития капиталистических отношений российские окраины значительно уступали Центральному и Северо-Западному промышленным районам государства. Но отсутствие крепостного права, например, в Сибири и на Северном Кавказе позволило регионам в начале XX в. занять

Целью данной работы выступает исследование особенностей формирования и развития немецкого ремесленничества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII – начале XIX в. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализирована нормативно-правовая база положения немецких ремесленников в столице, выяснены источники формирования и пополнения цехов, рассмотрены взаимоотношения петербургских колонистов и ремесленников, определена степень интегрированности немецких ремесленников в общегородскую жизнь.

Для написания статьи был использован широкий круг источников. Законодательные акты, представленные в издании «Полное собрание законов Российской империи», и нормативные документы уточняющего характера позволили определить не только особенности государственной политики в отношении мелкого производства в Санкт-Петербурге, но и выявить принципы правоприменения тех или иных норм. Основную массу источников составили документы из Российского государственного исторического архива (РГИА) (например, ф. 18 «Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов», ф. 487 «Царскосельское дворцовое управление Министерства императорского двора») и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) (например, ф. 221 «Петроградская купеческая управа», ф. 223 «Петроградская ремесленная управа», ф. 402 «Петроградский городской сиротский суд», ф. 781 «Санкт-Петербургское городское депутатское собрание»). Ценность также представляют документы, касающиеся причисления немцев к ремесленным цеховым организациям.

лидирующие позиции в аграрном секторе. Таким образом, регионы, характеризующиеся собственной спецификой развития, представляли собой единый хозяйственный комплекс.

Важным аспектом в истории России стал фронтальный фактор. Его влияние можно распространить не только на окраинные регионы (Сибирь, Урал, Поволжье, центральноазиатские районы), которые в течение нескольких столетий были интегрированы в общегосударственный организм, но и на присоединенную Петром I Ингерманландию – ядро будущей Санкт-Петербургской губернии. Фронтальность в данном ключе подразумевает как сам факт пограничья, так и диалогичность экономического и социокультурного пространства. Первоначально складывались естественные отношения русского православного мира и лютеранского мира ингерманландских финнов. Однако со временем заметную роль стали играть прибывшие в Санкт-Петербург

выходцы из европейских государств (французы, англичане, пруссаки, баварцы, а с начала XIX в. – евреи и другие этнические группы). Это, несомненно, накладывало отпечаток на специфику повседневной жизни города. В результате естественного процесса интеграции и ассимиляции петербуржцы представлены пестрой в этническом и конфессио-

нальном составе массой городских и сельских обывателей.

В ходе исследования были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), специальные (историко-сравнительный, историко-описательный, проблемно-хронологический, количественный) и иные методы.

## Результаты и их обсуждение

**Гражданско-правовой статус немецких ремесленников Санкт-Петербурга.** Ремесленничество в Санкт-Петербурге стало формироваться параллельно с зарождением в России крупного мануфактурного производства. В управлении торгово-промышленной сферой важную роль играл учрежденный в 1720 г. Главный магистрат – высший орган управления Российской империи. Как справедливо отмечает в своей монографии А. В. Келлер, создание цехов растянулось на десятилетие, начавшись со своеобразного «московского десанта» мастеров Немецкой слободы в Москве [11, с. 227]. Лишь в 1721–1722 гг. в России появились первые цехи. Законодательно это право было закреплено в Регламенте Главного магистрата от 16 января 1721 г.<sup>1</sup> В частности, в гл. VII «О разделении гражданства» было указано: «...каждое художество и ремесло свои обособливые цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей, а над оными алдерманов (или старшин) по величеству города и числу художников имеют»<sup>2</sup>.

Изначально цехи пополнялись не только за счет русских мастеров, которые пожелали переселиться в Санкт-Петербург, но и за счет иностранцев. К 1723 г. число иностранцев было достаточным, чтобы законодатель обратил на них внимание. Так, в сенатском указе от 20 декабря 1723 г. отмечалось: «...являются на посадах мастеровые люди разных мастеров, пришедшие из-за рубежа и живут своими дворами и в чужих дворах... и желают записаться в цех»<sup>3</sup>. Подобный шаг приветствовался властями: «...разрешалось писать таких мастеровых людей в цехи, и быть им под ведением Магистрата»<sup>4</sup>. Этим же актом был уточнен и фискальный вопрос: «...для платежа подушных денег числить их с другими посадскими»<sup>5</sup>. Таким образом, записавшиеся в цехи иностранцы не получали никаких привилегий.

До середины 1760-х гг. иностранные (немецкие) цехи в Санкт-Петербурге пополнялись как вследствие прибытия мастеров из-за границы, так и вследствие ес-

тественного прироста. Увеличилось и количество ремесленников. Если, по данным ревизии 1721 г., в столице из 1455 мастеров 188 (13 %) были иностранцами [11, с. 231], то к 1767 г., по сведениям столичного гильдейского старшины, среди 1675 мастеров было 767 (более 45 %) иностранцев, преимущественно немцев<sup>6</sup>. Скачок был не только количественный, но и качественный, о чем свидетельствует номенклатура цеховых объединений: российские вечно-цеховые мастера были объединены в 33 цеха, временно-цеховые – в 15 цехов, тогда как немецких было 52 цеха<sup>7</sup>.

Столь значительный рост иностранных, преимущественно немецких, ремесленников был обусловлен рядом факторов. Значительную роль сыграла проводившаяся государством фискальная политика. В российских вечных цехах подушный оклад составлял не менее 1 руб., во временных цехах, например в кузнечном, – 2,5 руб.<sup>8</sup> В то же время в немецких цехах он составлял в среднем 50 коп. (только в медно-чеканном цехе – 1 руб.)<sup>9</sup>.

На развитие столичного ремесла положительное влияние оказала и кампания по привлечению в Россию иностранцев, начало которой было положено манифестами 1762 и 1763 гг. Среди немецких колонистов, прибывших в Санкт-Петербург во второй половине 1760-х гг., преобладали ремесленники. Длительный процесс их адаптации в Поволжье современные историки объясняют преобладанием именно неземледельческого населения. Подобная картина наблюдалась и в Санкт-Петербурге.

Власти вынуждены были реагировать на сложившуюся ситуацию. Далеко не все потенциальные колонисты изъявили желание покинуть Санкт-Петербург. Учрежденная летом 1763 г. Канцелярия опекунов иностранных под председательством Г. Г. Орлова выступила с инициативой передать таких ремесленников в ведение Магистратской конторы. В связи с этим 9 декабря 1764 г. последовал сенатский указ,

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : [собр. 1-е: по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851 (ПСЗРИ). Т. 6. № 3708.

<sup>2</sup> Там же. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

<sup>3</sup> Там же. Т. 7. № 4395.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 87. Л. 5 об., 7 об., 8.

<sup>7</sup> Там же. Л. 7 об., 8.

<sup>8</sup> Там же. Л. 7.

<sup>9</sup> Там же. Л. 8.

согласно которому Магистратская контора должна была принимать направляемых ей иностранных ремесленников для записи в Санкт-Петербургские цехи «без всякого отрицания» и выделять им средства на приобретение инструментов и материалов, при этом суммы, которые следовало выделять потенциальным цеховым мастерам, определялись «по усмотрению их мастерства и состояния»<sup>10</sup>. Тем самым иностранные ремесленники отличались от колонистов, которым казенные средства выдавались в том же объеме. При этом выделенные суммы и те, и другие могли потратить лишь на хозяйственные нужды, по истечении определенного срока казенный долг следовало вернуть.

На протяжении почти 20 последующих лет иностранные мастера, поселившиеся в Санкт-Петербурге, не попадали в поле зрения законодателей. Лишь в 1782 г. Екатериной II был выдан именным указ Санкт-Петербургскому губернатору генерал-майору У. С. Потапову<sup>11</sup>. Поводом стали жалобы на магистрат, который принуждал иностранных мастеров записываться в местные цехи. Императрица распорядилась никоим образом не дискриминировать иностранных ремесленников. Иностранные ремесленники, переселившиеся в Россию и осевшие в Санкт-Петербурге после 1763 г., пользовались определенными свободами и льготами вплоть до издания в 1785 г. Грамоты на права и выгоды городам Российской империи.

Указанный законодательный акт значительно нивелировал различия между российскими и иностранными ремесленниками. Несмотря на то что в Санкт-Петербурге деление цехов на российские и немецкие сохранялось, их национальный состав претерпел существенные изменения.

В архивных документах часто встречаются сведения о переходе немецких мастеров в российские цехи. Например, в 1789 г. мастер немецкого цеха Иоганн Фейфер подал прошение о причислении его к российскому шорному цеху. К прошению прилагалось свидетельство о мастерстве, выданное немецким цехом<sup>12</sup>. В 1795 г. мастера немецкого хлебного цеха Иоганн Христиан Зейферт, Иоганн Готлиб Буш и Антон Кригер подали прошение о причислении их к российскому кондитерскому цеху. Предполагалось, что в новых условиях они займутся изготовлением сахарных закусок. В архивном деле сохранился оригинал выданного А. Кригеру билета на немецком языке (дан перевод и на русский язык), в котором написано: «Мы алдерманы и заседающие

Санкт-Петербургского немецкого хлебничьего цеха мастера сим объявляем, что показатель сего Антон Ф. Кригер по усмотрению нашему человек честный и удостоен в наш цех мастером»<sup>13</sup>.

К моменту подачи указанного прошения отношения с немецким хлебным цехом, от которого А. Кригер и его товарищи получили соответствующие свидетельства, были урегулированы в соответствии с законом. В свидетельствах указывалось, что никаких взысканий к мастерам не имеется, а потому управа не возражает против перехода. Но мастерам следовало подтвердить свою квалификацию, сдав своего рода экзамен на профессиональную пригодность. Так, для А. Кригера он состоялся в марте 1795 г. в ремесленной управе кондитерского и пряничного цеха. В выданном ему свидетельстве отмечалось, что А. Кригер «в пекарном разных сахарных закусок мастерстве свидетельствован, по сему оказался знающим, почему и удостоен в российский кондитерский цех для печения разных сахарных закусок мастером же»<sup>14</sup>. В городскую обывательскую книгу в 1795 г. была внесена соответствующая запись, а 20 июня того же года А. Кригер был приведен к присяге.

Вопрос о стирании различий между российскими и иностранными ремесленниками окончательно был решен при Павле I. В 1798 г. был принят Устав столичного города Санкт-Петербурга<sup>15</sup>, а в 1799 г. – Устав цехов. В качестве регламентирующего органа городского управления был учрежден Камеральный департамент. В его ведении находилось в том числе городское торгово-ремесленное сообщество. Если во второй половине XVIII в. в архивных документах встречались сведения об иностранных купцах – выходцах из Саксонии, Баварии, Пруссии или других германских государств, которые жили в столице и занимались торговлей, но не были приписаны к гильдиям<sup>16</sup>, то теперь, согласно параграфу 5 гл. 5 Устава цехов, «иностранные купцы, кои при здешнем порте действительно производят торговлю, должны записываться в гильдии, и тогда уже по мере объявленного капитала пользоваться всеми выгодами тех гильдий, к коим принадлежат они, и нести гильдейские повинности».

На ремесленное население столицы распространялась более строгая регламентация. При этом следует обратить внимание на важный факт: в Уставе цехов нет деления ремесленных цехов на российские и немецкие, хотя оно сохраняло значение еще

<sup>10</sup>ПСЗРИ. Т. 16. № 12290.

<sup>11</sup>Там же. Т. 21. № 15331.

<sup>12</sup>ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 620. Л. 1, 2.

<sup>13</sup>Там же. Д. 2071. Л. 3.

<sup>14</sup>Там же. Л. 5.

<sup>15</sup>ПСЗРИ. Т. 25. № 18663.

<sup>16</sup>ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 169. Л. 6, 8, 20, 22.

в течение более чем 1000 лет. Исполняя надзорные функции, Камеральный департамент получал от полиции «сведение о пребывании каждого в городе мастерового или ремесленного, или рукоделие производящего, или в какую-либо услугу нанимающегося» для составления из них цехов. В параграфе 14 гл. 5 Устава цехов было указано, что вводится запрет заниматься ремеслом для тех, кто не состоит в цехах.

**Немецкие колонисты и ремесленный мир Санкт-Петербурга.** В исследованиях, посвященных теме российских немцев, присутствуют утверждения об их самоизоляции. Так, Т. А. Шрадер в одной из статей отмечает, что «немцы вели обособленный от русского населения образ жизни» [5, с. 135]. Это было характерно не только петербургским, но и поволжским, причерноморским, волынским, сибирским немцам в дореволюционной России. При этом формулировка «обособленный» не подразумевала их самоизолированный образ жизни и деятельности.

Уже с первых десятилетий своего пребывания в столице колонисты были вовлечены в хозяйственную жизнь региона. Они очень быстро превратились в главных поставщиков некоторых сельскохозяйственных культур на местные рынки. С начала XIX в. они поставляли картофель в учебные заведения (в Горный кадетский корпус<sup>17</sup>, гимназии<sup>18</sup>). Не меньшее значение петербургские колонисты имели для развития столичного мелкотоварного ремесленного производства.

Как уже отмечалось, среди колонистов было много ремесленников. Попытки властей превратить их в образцовое земледельческое население потерпели крах. В течение нескольких десятилетий колонисты вынуждены были адаптироваться к новым условиям жизни. Далеко не всем из них это удалось.

Первые плакатные паспорта, выданные петербургским колонистам и датированные 1789–1791 гг., хранятся в фонде Царскосельской конторы Вотчинного правления РГИА. Поводом к подаче прошения о выдаче паспорта чаще всего были экономические причины. Так, колонист Ижорской колонии Христофор Леверенц просил выдать паспорт своему сыну Гансу Генриху 20 лет «для жительства и прокормления во всей Санкт-Петербургской губернии работой»<sup>19</sup>. Уходили из колоний не только одинокие люди, но и супружеские пары. Так, в 1790 г. был выдан паспорт колонисту Ижорской колонии Генриху

Цунау и его жене Иоганне «для прокормления работой в Санкт-Петербурге»<sup>20</sup>.

В то же время из колоний уходили и те, кто владел каким-либо ремеслом. Примером тому может служить поселившийся в столице в 1790 г. Христиан Мус. Ранее он числился в Ижорской колонии. Однако, как следует из рапорта волостного правления директору Царскосельской конторы Вотчинного правления А. П. Кашкину, Х. Мус у которого было три брата, проживавших в Ижорской колонии «никогда не может получить двора (в указанной колонии. – В. Ш.), и ни в каком дворе не может сделаться должником в получении колонией ссудных деньгах»<sup>21</sup>. Из этого утверждения следует, что в силу действовавшего в колониях принципа наследования Х. Мус после раздела имущества оказался без средств к существованию. Не имея земельного надела, он был освобожден от уплаты казенного долга, но тем не менее должен был платить подушную подать. Единственным выходом из сложившегося положения стал уход Х. Муса в ремесленное мастерство. Вероятно, были достигнуты определенные договоренности с альтерманами немецкого медного цеха, в который колонист был записан.

Судя по сохранившимся документам, в 1800-х гг. колонисты активно отправляли своих сыновей на обучение к столичным ремесленникам. Наибольшее количество контрактов, заключенных между родителями учеников и мастерами, приходится на 1806–1808 гг. Это было связано с неурожаем и эпизоотиями. В борьбе с последними власти даже были вынуждены оказывать колониям помощь. Так, в 1805 г. столичный физикат командировал в одну из колоний штаб-лекаря Менде для прекращения падежа скота<sup>22</sup>, а 1808 г. Петербургское дворянское депутатское собрание рассматривало дело об оказании помощи стрельнинским колонистам по причине неурожая<sup>23</sup>.

Данные таблицы представляют вовлеченность петербургских ближних<sup>24</sup> колонистов в городское ремесло.

В 1815 г. почти 30 колонистов, не считая членов их семей, были связаны с ремесленным производством в столице. Многие из них проживали по срочным паспортам или свидетельствам о крещении, которые выдавались местной администрацией. Наиболее часто среди колонистов встречались портные, сапожники, переплетчики, мастера бронзового дела.

<sup>17</sup>ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 745, 3855.

<sup>18</sup>Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11380.

<sup>19</sup>РГИА. Ф. 487. Оп. 14. 1791 г. Д. 64. Л. 59.

<sup>20</sup>Там же. Л. 57.

<sup>21</sup>Там же. Д. 83. Л. 5.

<sup>22</sup>ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 201.

<sup>23</sup>Там же. Ф. 536. Оп. 9. Д. 230.

<sup>24</sup>Под ближними колониями в литературе принято понимать первые колонии, возникшие в окрестностях Санкт-Петербурга (Ново-Саратовка, Средняя Рогатка, Ижорские и Ямбургские колонии).

Сведения о колонистах, проживавших вне колоний и занимавшихся ремеслом  
(по данным на 20 сентября 1815 г.)

Information about colonists living outside the colonies and engaged in crafts  
(as of 20 September 1815)

Имя, фамилия	Возраст (по данным ревизии 1811 г.)	Статус	Вид ремесла	Год оставления колонии
<i>Среднерогатская колония</i>				
Якоб Георг Келлер	22	Подмастерье	Портное дело	1808
Фридрих Вильгельм Менг	41	Мастер	Стекольное дело, красильное дело	1774
Адам Франц Георг	11	Ученик	Сапожное дело	1814
<i>Колония Ново-Саратовка</i>				
Клементс Штерн	20	Подмастерье	Переплетное дело	1801
Павел Бич	38	Мастер	Инструментальное дело	Нет данных
Карл Триллер	11	Ученик	Переплетное дело	1811
Михаэль Триллер	10	Ученик	Переплетное дело	1811
Христиан Штейнмиллер	34	Мастер	Переплетное дело	1800
Вильгельм Шефер	15	Подмастерье	Сапожное дело	1806
Иоганн Адам Шох	12	Ученик	Портное дело	1815
Карл Долингер	13	Ученик	Сапожное дело	1811
Христиан Керн	11	Ученик	Сапожное дело	1811
Готлиб Гетц	20	Подмастерье	Бронзовое дело	1803
Вильгельм Гетц	21	Подмастерье	Бронзовое дело	1806
Иоганн Гетц	17	Подмастерье	Бронзовое дело	1806
Георг Фридрих Ро	12	Ученик	Перчаточное дело	1814
<i>Ижорская колония</i>				
Фридрих Бендер	14	Подмастерье	Бронзовое дело	1808
Христиан Киль	39	Мастер	Стекольное дело	1790
Пауль Киль	31	Мастер	Стекольное дело	Нет данных
Мартын Гетц	27	Мастер	Бронзовое дело	1799
Иоганн Гетц	20	Подмастерье	Портное дело	1806
Пауль Гетц	21	Подмастерье	Бронзовое дело	1801
Готфрид Гетц	14	Ученик	Бронзовое дело	1806
Иоганн Лоренц Топпер	22	Подмастерье	Булочное дело	1799
Иоганн Топпер <sup>25</sup>	20	Подмастерье	Столярное дело	1801
Михель Топпер <sup>26</sup>	15	Подмастерье	Сапожное дело	1810
Георг Петер Топпер	14	Ученик	Кузнечное дело	1810
Генрих Эргард	20	Мастер	Инструментальное дело	1806
Михаэль Леверенц	36	Мастер	Стекольное дело	1790
Иоганн Георг Эргард	22	Мастер	Портное дело	1804

Примечание. Составлено по данным следующего источника: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 896. Л. 46–55.

<sup>25</sup>В 1812 г. записался в Бессмертный полк (без разрешения), вернулся из похода, проживал в Санкт-Петербурге с полковым аттестатом.

<sup>26</sup>В 1812 г. записался в Бессмертный полк (без разрешения), скончался в походе в 1812 г.

Профессиональная стратификация немецких ремесленников была стандартной: мастера составляли одну треть сообщества. В то же время число подмастерьев несколько превышало количество учеников. По окончании срока обучения многие переходили в более высокую страту.

Средний возраст мастеров составлял 32 года. В некоторых ремеслах, например в инструментальном деле, были и совсем молодые мастера (так, колонисту Ижорской колонии Генриху Эргарду было 20 лет). В начале XIX в. средний возраст подмастерьев составлял от 14 до 22 лет. На обучение мастерству мальчиков отдавали рано – примерно в 12 лет. Выбор той или иной профессии мог быть обусловлен как знакомством с мастером, к которому подростка отдавали на обучение, так и семейной традицией.

В начале XIX в. колонисты пополняли ряды не только учеников и подмастерьев в цехах столицы. Некоторые из них, сдав экзамен, получали свидетельство мастера. Автору известно как минимум о двух таких случаях. Примером удачной интеграции в Санкт-Петербургскую цеховую структуру является Христиан Штейнмиллер. В 1765 г. вместе с родителями он в возрасте четырех-пяти лет прибыл в Россию, к концу 1790-х гг. освоил переплетное мастерство и был записан в переплетный цех мастером. По данным на 1822 г., он жил в Адмиралтейской 3-й части 2-го квартала в доме № 146, принадлежащем мещанину Яковлеву, по ул. Гороховой [15, с. 543]. Известно, что он обучал переплетному делу детей колонистов из Ново-Саратовки (Карла и Михаэля Триллеров)<sup>27</sup>.

Успешным колонистом-ремесленником стал также Клементс Штерн (родился примерно в 1791 г.), который освоил переплетное ремесло и к 1822 г. стал мастером временного переплетного цеха. Он жил и содержал мастерскую в Каретной части Санкт-Петербурга по Тележному переулку в доме мещанки Лукерьи Медведниковой [15, с. 534]. Правда, его мастерская, в отличие от мастерской Х. Штейнмиллера, находилась на окраине города.

Принятие Устава столичного города Санкт-Петербурга и Устава цехов гомогенизировали немецкую часть ремесленного сообщества столицы. Это отразилось и на социальной защите населения, в том числе сирот. В соответствии с законодательством,

ремесленная управа должна была предпринять меры по сохранению имущества умерших и оказанию помощи оставшимся без попечения родителей несовершеннолетним. В данном контексте уместно упомянуть дело наследников красильного мастера Карла Шнейдера (умер в 1812 г.). По инициативе немецкой ремесленной управы в Санкт-Петербургский сиротский суд было подано прошение, в котором излагалось следующее. Уроженец Мекленбурга (Пруссия) красильщик К. Шнейдер (был записан в петербургский ремесленный цех 7 августа 1806 г.) скончался, оставив вдову Елизавету (уроженку Мюльгаузена), дочь Каролину (родилась в 1806 г. в Гамбурге) и сына Карла (родился в 1810 г. в Санкт-Петербурге). Детям в наследство причитался капитал в размере 1 тыс. руб. каждому. В случае кончины одного из детей до совершеннолетия полноправным наследником становился второй ребенок. В том случае, если скончаются оба, наследницей должна стать вдова. До совершеннолетия детей распоряжаться деньгами могли лишь опекуны, каковыми стали ленточный фабрикант Иоганн Цинзерлинг и трубочистный мастер Карл Белерт<sup>28</sup>. Уже через год после кончины мужа Е. Шнейдер заявила о намерении вступить во второй брак с красильщиком Георгом Фридрихом Фриком и оставить детей при себе. При этом опекуны детей ежегодно докладывали в сиротский суд сведения о своих подопечных. Они отметили тот факт, что проценты с размещенных в кассе суда 2 тыс. руб. Елизавета Фрик «не желает брать, а чтобы оные приращались к капиталу до возраста наследников»<sup>29</sup>. Дети же были отданы в пансион для обучения наукам. В 1824 г. Каролина Шнейдер достигла того возраста, когда ее следовало выдавать замуж. Ее избранником стал придворный зильбердинер<sup>30</sup> Свешников. По этому случаю опекуны обратились с прошением в сиротский суд, чтобы получить 1 тыс. руб. с процентами «на приготовление для нее приданого нужного»<sup>31</sup>. Спустя почти пять лет (в 1829 г.) о намерении получить причитающийся ему капитал заявил и Карл Шнейдер. К тому моменту он уже второй год обучался красильному мастерству. Ему был выдан капитал в размере 1 тыс. руб., а также проценты в размере 1,02 тыс. руб. 60 коп.<sup>32</sup>

## Заключение

Таким образом, немецкое ремесленное сообщество Санкт-Петербурга было неоднородным. Оно, с одной стороны, развивалось по своим правилам, а с другой – было неотъемлемой частью столичной жизни.

В 1700–1763 гг. ремесленные цехи пополнялись преимущественно за счет выходцев из немецких государств. В результате за 1721–1764 гг. их численность увеличилась более чем в четыре

<sup>27</sup>РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 896. Л. 36.

<sup>28</sup>ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 – 1 об.

<sup>29</sup>Там же. Л. 36.

<sup>30</sup>Зильбердинер – служащий, ответственный за чистку серебряной посуды.

<sup>31</sup>ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Д. 13. Л. 40.

<sup>32</sup>Там же. Л. 66.

раза. Ко второй половине XVIII в. немецкие ремесленные цехи стали играть доминирующую роль в мелкотоварном производстве Санкт-Петербурга. Открытию новых цехов и пополнению уже существующих способствовала и проводившаяся государством фискальная политика.

В ходе кампании по привлечению иностранцев в Россию в середине 1760-х гг. в страну прибыло большое количество колонистов. Среди них оказались и ремесленники, которые не смогли быстро адаптироваться к новым условиям, несмотря на покровительственную политику со стороны властей (выделение определенных субсидий на обзаведение необходимым инвентарем, предоставление свободы предпринимательства посредством освобождения от необходимости записываться в столичные цехи).

На рубеже XVIII–XIX вв. ремесленное сообщество столицы стало активно взаимодействовать с немцами из ближних колоний. В условиях многочисленности семейств, нехватки земли, неурожаев и эпизоотий часть колонистов вынуждена была связать судьбу с городской средой. Некоторым из них удалось стать цеховыми мастерами и организовать ученичество.

В условиях военно-полицейского абсолютизма Павла I была проведена гомогенизация ремесленной сферы столицы. Результатом стало уравнивание российских и иностранных ремесленников в правах и обязанностях. Частично это нашло отражение и в функционировании системы социальной защиты. Например, сироты были под покровительством не только родственников, но и сторонних лиц и организаций.

### Библиографические ссылки

1. Шрадер ТА, редактор. *Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Выпуск 8*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2014. 425 с.
2. Бучатская ЮВ, редактор. *Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Выпуск 13*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2022. 424 с.
3. Катин-Ярцев МЮ. *Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX вв.* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2000. 296 с.
4. Белковец ЛП. *Иоганн Георг Гмелин*. Москва: Наука; 1990. 144 с.
5. Шрадер ТА. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В: Юхнева НВ, редактор и составитель. *Петербург и губерния: историко-этнографические исследования*. Ленинград: Наука; 1989. с. 132–139.
6. Бахмутская ЕВ. *Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е гг.* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2002. 320 с.
7. Черказьянова ИВ. Немецкая колония в Стрельне: образы прошлого и настоящего. В: Государственный комплекс «Дворец конгрессов». *Константиновские чтения – 2010. Константиновичи и Стрельна (к 510-летию Стрельны). Материалы научной конференции; 27 октября 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Летопись; 2010. с. 112–129.
8. Пузейкина ЛН. *Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2013. 384 с.
9. Шайдуров ВН, Ерохина ОВ. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765–1800-х гг. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.
10. Макаров ВИ. Экономическая жизнь Петербурга 60–90-х гг. XVIII в. В: Вяткин МП, редактор. *Очерки истории Ленинграда. Том 1, Период феодализма (1703–1861 гг.)*. Москва: Академия наук СССР; 1955. с. 280.
11. Келлер АВ. *Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты)*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2020. 630 с.
12. Побережников ИВ. *Переход от традиционного к индустриальному обществу*. Москва: Политическая энциклопедия; 2006. 237 с.
13. Эйзенштадт Ш, Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор. *Прогнозис*. 2007;2(10):212–226.
14. Миронов БН. *Российская империя: от традиции к модерну*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2014–2015. 3 тома.
15. Аллер СИ. *Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов: на 1823 год*. Санкт-Петербург: Департамент народного просвещения; 1822. 663 с.

### References

1. Shradler TA, editor. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt. XVIII–XX vv. Volume 8* [Germans in Saint Petersburg. Biographical aspect. 18<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries. Issue 8]. Saint Petersburg: MAE RAS; 2014. 425 p. Russian.
2. Buchatskaya YuV, editor. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt. XVIII–XX vv. Volume 13* [Germans in Saint Petersburg. Biographical aspect. 18<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries. Issue 13]. Saint Petersburg: MAE RAS; 2022. 424 p. Russian.
3. Katin-Yartsev MYu. *Baltiisko-nemetskoe dvoryanstvo na rossiiskoi sluzhbe. Konets XVIII – nachalo XX vv.* [Baltic-German nobility in the Russian service. Late 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2000. 296 p. Russian.
4. Belkovets LP. *Iogann Georg Gmelin*. Moscow: Nauka; 1990. 144 p. Russian.
5. Schrader TA. [Legal and cultural adaptation of German colonists in the Saint Petersburg Province in the post-reform period]. In: Yukhneva NV, editor and compiler. *Peterburg i guberniya: istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the province: historical and ethnographic studies]. Leningrad: Nauka; 1989. p. 132–139. Russian.

6. Bakhmutskaya EV. *Nemetskie kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii. 1760–1870-e gg.* [German colonies of St. Petersburg province. 1760–1870-s] [dissertation]. Saint Petersburg; 2002. 320 p. Russian.
7. Cherkaz'yanova IV. [The German colony in Strelna: images of the past and present]. In: The National Congress Palace. *Konstantinovskie chteniya – 2010. Konstantinovichi i Strel'na (k 510-letiyu Strel'ny).* *Materialy nauchnoi konferentsii; 27 oktyabrya 2010 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Konstantinovsky readings – 2010. Konstantinovichi and Strelna (to the 510<sup>th</sup> anniversary of Strelna). Materials of the scientific conference; 2010 October 27; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Letopis'; 2010. p. 112–129. Russian.
8. Puzeikina LN. *Nemtsy v Sankt-Peterburgskoi gubernii: istoriya, yazyk, pesni* [Germans in Saint Petersburg province: history, language, songs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2013. 384 p. Russian.
9. Shaidurov VN, Erokhina OV. German colonies of St. Petersburg province: appearance and development in the 1765–1800s. *Journal of Frontier Studies*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493. Russian.
10. Makarov VI. [The economic life of Saint Petersburg in the 60–90s of the 18<sup>th</sup> century]. In: Vyatkin MP, editor. *Ocherki istorii Leningrada. Tom 1, Period feodalizma (1703–1861 gg.)* [Essays on the history of Leningrad. Volume 1. The period of feudalism (1703–1861)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1955. p. 280. Russian.
11. Keller AV. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyi i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty)* [The craft of Saint Petersburg of the 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century (administrative, legislative and socio-economic aspects)]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2020. 630 p. Russian.
12. Poberezhnikov IV. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu* [Transition from a traditional to an industrial society]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2006. 237 p. Russian.
13. Eizenshtadt Sh, Shlyukhter V. [Paths to various variants of early modernity: a comparative review]. *Prognosis*. 2007; 2(10):212–226. Russian.
14. Mironov BN. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2014–2015. 3 volumes. Russian.
15. Aller SI. *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adresnaya kniga, s planom i tablitssei pozharnykh signalov: na 1823 god* [Index of dwellings and buildings in Saint Petersburg, or Address book, with a plan and a table of fire signals: for 1823]. Saint Petersburg: Departament narodnogo prosveshcheniya; 1822. 663 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023.  
Received by editorial board 15.05.2023.

## ЭСАГИЛА И ЦАРИ ПЕРВОЙ ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ

И. Ю. ЛОПУШАНСКИЙ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Храм Эсагила, являвшийся главным храмом города Вавилона и его верховного бога Мардука, был важным религиозным центром Месопотамии со времени установления в городе местной царской династии и особенно после завоеваний царя Хаммурапи. С идеологической точки зрения поддержка храмов и живущих в них богов была главной обязанностью любого месопотамского правителя. Рассматриваются данные клинописных источников о взаимоотношениях главного храма бога Мардука с царской властью в старовавилонский период (2003–1595 гг. до н. э.). Анализируются данные датировочных формул периода Первой Вавилонской династии относительно храмов, в особенности храма Эсагила. Исследуются также отрывки пролога и эпилога Законов Хаммурапи, касающиеся Эсагила. Делаются следующие выводы: цари Вавилона устанавливали культовые предметы в храме, проводили обновительные работы в нем, а также совершали подношения различных предметов богам Эсагила; в Законах Хаммурапи уделяется внимание особым отношениям царя с храмом Мардука; в период правления Хаммурапи в храме осуществлялся суд.

**Ключевые слова:** Вавилон; вавилонская религия; религиозная архитектура; Хаммурапи.

## ЭСАГИЛА І ЦАРЫ ПЕРШАЙ ВАВІЛОНСКАЙ ДЫНАСТЫІ

І. Ю. ЛАПУШАНСКІ<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Храм Эсагіла, які з'яўляўся галоўным храмам горада Вавілона і яго вярхоўнага бога Мардука, быў важным рэлігійным цэнтрам Месапатаміі з часу ўстанаўлення ў горадзе мясцовай царскай дынастыі і асабліва пасля заваёў цара Хамурапі. З ідэалагічнага пункту гледжання падтрымка храмаў і багоў, якія жывуць у іх, была галоўным абавязкам любога месапатамскага кіраўніка. У артыкуле разглядаюцца даныя клінапісных крыніц аб узаемаадносінах галоўнага храма бога Мардука з царскай уладай у старававілонскі перыяд (2003–1595 гг. да н. э.). Аналізуюцца даныя датавальных формул перыяду Першай Вавілонскай дынастыі адносна храмаў, пераважна храма Эсагіла. Даследуюцца таксама ўрывкі пралога і эпілога Законаў Хамурапі, якія тычацца Эсагілы. У артыкуле зроблены наступныя высновы: цары Вавілона ўсталёўвалі культавыя прадметы ў храме, праводзілі абнаўленчыя працы ў ім, а таксама рабілі дары розных прадметаў багам Эсагілы; у Законах Хамурапі надаецца ўвага асаблівым адносінам цара з храмам Мардука; у перыяд кіравання Хамурапі ў храме ажыццяўляўся суд.

**Ключавыя словы:** Вавілон; вавілонская рэлігія; культавая архітэктура; Хамурапі.

### Образец цитирования:

Лопушанский ИЮ. Эсагила и цари Первой Вавилонской династии. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:33–40 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-33-40>  
EDN: LYDNVN

### For citation:

Lapushanski IYu. Esagil and the kings of the First Babylonian dynasty. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3:33–40. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-33-40>  
EDN: LYDNVN

### Автор:

**Илья Юрьевич Лопушанский** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент О. В. Перзашкевич.

### Author:

**Ilya Yu. Lapushanski**, postgraduate student at the department of ancient and medieval history, faculty of history. [mixweidner@gmail.com](mailto:mixweidner@gmail.com)  
<https://orcid.org/0000-0002-7992-960X>

## ESAGIL AND THE KINGS OF THE FIRST BABYLONIAN DYNASTY

I. Yu. LAPUSHANSKI<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The Esagila temple, which was the main temple of the city of Babylon and its supreme god Marduk, has been an important religious center of Mesopotamia since the establishment of the local royal dynasty in the city and especially after the conquests of king Hammurabi. From an ideological point of view, the support of the temples and the gods living in them was the main duty of any Mesopotamian ruler. In this article the data of cuneiform sources on the relationship of the main temple of the god Marduk with the royal power in the Old Babylonian period (2003–1595 BC) are considered. The data of the year-formulas of the kings of the First Babylonian dynasty regarding the temples of their kingdom and, in particular, the Esagil temple are analysed. Excerpts from the prologue and epilogue of the Laws of Hammurabi concerning Esagil are also studied. The following conclusions are made in the article: the kings of Babylon installed cult objects in the temple, carried out renovation work in it, and also made offerings of various objects to the gods of Esagila; in the Laws of Hammurabi, particular attention is paid to the special relationship of the king with the temple of Marduk; judicial activity was carried out under Hammurabi, although it is not clear who carried it out, the temple staff or the judges of the king.

**Keywords:** Babylon; Babylonian religion; religious architecture; Hammurabi.

### Introduction

Kingship and temples of the gods were the two foundational institutions of Mesopotamian civilisation. For a long time it was believed that initially the political power in the Mesopotamian cities was held by the king-priest and the temple was the center of political life. This concept is known by the German name «Tempelstadt» and has not been popular lately (cf. [1, S. 445–447]). The relationship between kings and temples was rather complementary in nature, with a clear dependence of temples on the central government [1, S. 458–459]. In the Mesopotamian cuneiform sources, there are practically no indications of the antagonism between the royal power and the priesthood. As a rule, the king acts as a «patron» (Sum. *saĝ-ús*, Akk. *zāninu*; further in the article, the text in the Sumerian language is not specially highlighted, the text in the Akkadian language is italicised, obscure words or passages are indicated by a question mark (?), broken parts of the text are indicated by square brackets [...]) of the main temples of his state.

However, the Mesopotamian cities and the area surrounding them nominally belonged to the main deities of these cities, while the king acted as a representative of the main god or goddess. This state of affairs was also reflected in the royal titles, for example, in the royal inscriptions of the Babylonian kings of the second half of the 2<sup>nd</sup> millennium BC the title *šakkanaku*<sup>1</sup> often appears [2, p. 34]. The Akkadian term *šakkanaku* has the basic meaning ‘military governor, governor’ and in this case indicates the subordinate position of the earthly king in relation to the real king, in this case, the god.

The king’s relationship with the gods was an important part of the king’s ideology. Thus, the royal inscriptions of the rulers of city-states and empires of the 3<sup>rd</sup> millennium BC, as a rule, either have a votive character or tell about the construction or renovation of the dwellings

of the gods. Babylonian kings of later periods generally follow the same pattern. We can say that from the point of view of ideology, the support of temples was the main duty of the Mesopotamian ruler [3, p. 726–729].

The king also participated in temple rituals. One of the most famous rituals involving the king is the ceremony of the «sacred marriage» (usually known by its Greek names *ιερός γάμος*, *ιερογαμία*) of the ruler with the goddess, most often Inanna, known from texts and iconography of 3<sup>rd</sup> and early 2<sup>nd</sup> millennium BC. This ritual included the king pouring liquid into a special vessel, symbolising the goddess, and had sexual connotations [4, p. 227–245]. Another famous example of the participation of the king in temple rituals is a Babylonian New Year’s festival, known from copies of the Hellenistic time, during which the king temporarily lost, and then received from Marduk (through the high priest of Esagil) the attributes of royal power [5, p. 78–87, 215–237]. Mesopotamian rulers often had priestly titles: for example, part of the title of the kings of the Third dynasty of Ur was the title *išib an-na* ‘išib-priest of the god An’; at the same time, it is not clear whether the kings actually performed priestly functions or whether these titles were only honorary [6, p. 258].

In addition to renovating and building temples, the king also supplied the temples with precious metal products as offerings and meat and delicacies for sacrifices. The kings also provided temples with land and other sources of livelihood to ensure the permanence of sacrifices [7, p. 273–274]. This policy continued until the Persian conquest of Babylonia.

The Esagil temple (*é-saĝ-il*; sometimes also called Esagila), being the principal sanctuary of Babylon’s patron god Marduk and his consort Šarpanitum, was an important religious site since Old Babylonian period.

<sup>1</sup>Arno Poebel called this title «religious» (see: *Poebel A. Miscellaneous studies*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1947. P. 5).

The goal of this paper is to examine the relationship of the kings of Babylon with Esagil. Two types of written cuneiform sources can be used for this examination, year-formulas of the kings of the First Babylonian dynasty, and so-called Laws of Hammurabi (Codex

Hammurabi). Accordingly, this paper has two tasks: to analyse data from the year-formulas regarding Esagil and royal temple policy in general, and to investigate relevant passages from the Laws of Hammurabi which mention the temple or its associated cultic personnel.

### Year-formulas

The year-formulas (dating formulas) of the kings of the First Babylonian dynasty (ca. 1895–1595 BC) are chronologically the first type of source from which information about the position of Esagil in the 2<sup>nd</sup> millennium BC can be obtained. In ancient Mesopotamia, there were several systems for dating legal and administrative documents. In Babylonia from the middle of the 3<sup>rd</sup> millennium BC until the fall of the First Babylonian dynasty (ca. early 16<sup>th</sup> century BC), a system of dating formulas was used, later replaced by a dating system based on the numerical values of the years of the king's reign. In Assyria, dating by the years of the reign of the king was supplemented by a system of dating by the names of *limmu*-officials, who held office in a certain year [8, p. 277–278].

Year-formulas are a description of some event that occurred in the previous year of the reign of a certain king [9, p. 196]. Lists of dating formulas are known, according to which it is possible to restore their chronological sequence. Formulas of the Old Babylonian period (ca. 20–16<sup>th</sup> centuries BC), as a rule, are written in Sumerian, some of them have variants in Akkadian [8, p. 277]. Different documents used different wordings of the same formula, often abbreviated [9, p. 197–198]. The dating formulas reflected various events related to the royal policy: military operations, digging of canals, construction of fortresses, restoration of temples, royal offerings of cult objects to gods and temples, etc. Descriptions of royal offerings are found in about a third of known formulas of the kings of the First Babylonian dynasty (ca. early 19<sup>th</sup> – ca. early 16<sup>th</sup> century BC). First of all, we must analyse the information of the formulas themselves. In order to compare the position of Esagil and other temples in the Old Babylonian period, we must also analyse the dating formulas in which these temples are mentioned. As for the nature of the objects, there are several types of cult objects presented by kings to gods and temples<sup>2</sup>:  $\dot{g}e\dot{s}$ ig 'door';  $\dot{g}e\dot{s}$ banšur 'table';  $\dot{g}e\dot{s}$ guza 'chair, stool, throne'; alam 'statue; form', *šalmu* 'statue'; balag li-li-ìs 'kettledrum'; níĝ na<sub>4</sub> 'precious cups in stone'; túg 'textile, garment'; aga 'tiara, crown'; šu-nir 'emblem'; barag 'dais, seat'; <sup>d</sup>lama '(female) tutelary deity; figurine', *lamassu*;  $\dot{g}e\dot{s}$ tukul 'stick; weapon'; ki

lugal gub-ba 'royal platforms, royal stall (?)'; níĝ bab-bar-ra 'a shining object';  $\dot{g}e\dot{s}$ aš-te 'chair, throne; seat, dwelling; shrine, chapel; a unit of area'; šíta 'a weapon'; aš-me 'radiance; sun-disk ornament'; nim-gír-a 'lightning forks'; gunni 'brazier';  $\dot{g}e\dot{s}$ dúr-gar 'throne'; <sup>urudu</sup>du<sub>8</sub> throne platform for a deity'.

Dating formulas often indicate the attributes of certain other royal offerings. For example,  $\dot{g}e\dot{s}$ gu-za is often called barag maĝ 'majestic dais'. Royal statues, the number of which increases significantly under the later Babylonian kings, often contain in their name an indication of the political power of the king, for example, alan nam-lugal 'statue of royalty'.

The materials used in the manufacture of royal offerings were, as a rule, precious and semi-precious metals and stones:

- kug-babbar 'silver';
- kug-sig<sub>17</sub> 'gold';
- <sup>na4</sup>za-gin 'lapis lazuli';
- <sup>na4</sup>nír 'precious stone';
- urudu 'copper';
- <sup>na4</sup>du<sub>8</sub>-šu<sub>2</sub>-a 'stone, turquoise (?), quartz (?)';
- <sup>na4</sup>sikil 'stone'.

As for the cities, to whose temples and gods the kings of the First Babylonian dynasty made offerings, it should be noted that the geography of these offerings was practically limited to the original territory of the Babylonian kingdom, even after the conquests of king Hammurabi. There is no mention of offerings to the temples of Sumer, although it is known from royal inscriptions that the kings of Babylon carried out the restorations of many temples in the south [10, p. 349–354].

The following cities are mentioned in formulas in connection with royal offerings:

- Babylon;
- Sippar;
- Kutha (probably; only a temple of Negral is mentioned);
- Dilbat;
- Kish.

The dating formulas refer to a number of temples in the city of Babylon. First of all, we should mention the Esagil temple, the main cult center of the god Marduk and the whole city.

<sup>2</sup>Information from year-formulas are gathered from the following editions: Recherche de Nom(s) d'année par Dynastie / Roi / Année [Ressource électronique]// ARCHIBAB. URL: <http://www.archibab.fr/4DCGI/recherche11.htm> (date of access: 15.10.2022); *Horsnell M. J. A.* The year-names of the First dynasty of Babylon. Hamilton : McMaster Univ. Press, 1999. 443 p.; Mesopotamian year names. Neo-Sumerian and Old Babylonian date formulae [Electronic resource]. URL: [https://cdli.ucla.edu/tools/yearnames/yn\\_index.html](https://cdli.ucla.edu/tools/yearnames/yn_index.html) (date of access: 15.10.2022). Sumerian terms are translated according to the most complete «Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary» [Electronic resource]. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/epsd2/index.html> (date of access: 15.10.2022).

The formulas mention the Babylonian cult centers of the moon god Sin – the temple of Ekishnugal (é-kiš-nu-ğál) [11, p. 114] and the temple Eniteendu (é-ni-te-endu<sub>10</sub>) [11, p. 132]. Enamtila (é-nam-til-la) is mentioned in connection with royal offerings to the gods Enlil and Ninurta [11, p. 130]. The deities Ishtar (*Bēlet-Bābili*), Nanaya and Anu are mentioned in connection with the Babylonian temple of Eturkamma (é-tūr-kalam-ma) [11, p. 151]. Finally, several formulas refer to offerings to the temple of the thunder god Adad, Enamhe (é-nam-ḥé) [11, p. 129–130]. Images of lightning can act as such offerings.

An important place among the temples of Babylonia was occupied by the Ebabbar temple (é-babbar) of the sun god Shamash, which was located in the city of Sippar near Babylon. Many dating formulas are devoted to offerings of kings to the gods of this temple, Shamash and the goddess Aya [11, p. 70]. It is noteworthy that images of the solar disk often served as offerings to Shamash.

One dating formula of Sin-muballit is dedicated to the offering of the throne (é<sup>es</sup>gu-za) to the god Nergal (d<sup>l</sup>ugal-gudu-a). The formula does not indicate either the temple or the city in which this offering was made, but it can be assumed that the offering was made to the Emeslam temple in the city of Kutha, the main cult center of Nergal [11, p. 126–127].

The formulas of the 27<sup>th</sup> year of king Ammi-ditana and the 16<sup>th</sup> year of king Samsu-ditana are dedicated to offerings to the god Urash, presumably to the temple of E-ibbi-Anum in Dilbat [11, p. 102].

Several formulas relate to gifts to the temples of the city of Kish.

Thus, according to the data of dating formulas, first of all the kings of Babylon were the patrons of the temples of Marduk in the capital and Shamash in Sippar. Cumulatively, the temples of Babylon received the largest number of royal gifts.

The purpose of these royal gifts can sometimes be understood from the very text of the dating formula. For example, in the formula of the 27<sup>th</sup> year of king Samsu-iluna, certain «luminous objects» (níğ babbar-ra) for Adad are defined as «a sacrifice worthy of the *akitu*-festival» (sískur-ra me-te a-ki-tum). Royal platforms are called «worthy for nesağ-sacrifice» (me-te ne-sağ-ğá-šè). The throne for Sin itself can act as a nesağ-sacrifice. The Akkadian term *šarākum* ‘gift’ is used to describe the throne for Shamash. In this case, the connection with the royal inscriptions is interesting, wherein king Samsu-iluna receives *šeriktum* ‘gift’ (a word derived from *šarākum*) from the gods as a reward for building fortresses [10, p. 382–383]. Finally, the use of precious metals and stones to create cult objects may have more than an obvious prestige value. Royal gifts and statues were part of the cult space of the temple, which, like everything related to the divine, according to Mesopotamian ideas, had a «terrifying glow»; thus, the objects in the temple must also have had such a glow, in this case in a completely physical sense.

Having given a description of the data of the dating formulas regarding all the temples, we will consider the

data of the formulas regarding Esagil specifically. The temple is mentioned numerous times in the formulas, chronologically spanning 226 years, starting from 10<sup>th</sup> year of the reign of king Sabium (1835 BC) and ending with the 17<sup>th</sup> year of the reign of king Samsu-ditana (1609 BC). Some of them have different variants that complement each other (see, for example, Hammurabi 22; number after kings’ names refers to their regnal years). Most of the formulas are written in Sumerian, the annual formula of the 14<sup>th</sup> year of the reign of king Ammi-ditana (1670 BC) also has an Akkadian version. Most often, the temple is mentioned in the formulas of Ammi-ditana (four times). Also of note are the (abbreviated) annual formulas that mention royal offerings to the deities of Esagil without mentioning the temple itself, or with mention of it in the spelling é<sup>d</sup>amarutu (*bit Marduk* ‘temple of Marduk’). There are two of these formulas in total: Sumu-la-el 22; Samsu-iluna 19.

In the 22<sup>nd</sup> year of the reign of king Sumu-la-el, we meet the first mention of the royal offering to Marduk in the dating formulas: it is said that the king made (mu-un-na-dím) for the god «a throne on a majestic elevation, finished with gold and silver» (gí<sup>s</sup>gu-za bárag maḥ kug-sig<sub>17</sub> kug-babbar-ta šu-du<sub>7</sub>-a). M. Horsnell believes that in the full version of this formula, the expression é<sup>d</sup>marduk=ak=ra\* ‘for the temple of Marduk’ was used, although it is well known that the dative case indicator -ra is not used with words of the inanimate gender [9, p. 54], so it is more likely that the temple is not mentioned in this formula. The next mention of the temple of Marduk refers to the 10<sup>th</sup> year of the reign of Sabium, in the dating formula of which the temple first appears in the sources under its usual name: it is said that the king «built» (mu-un-dù) Esagila. In modern studies, however, it is believed that the temple was not built by king Sabium; only renovation works were carried out [11, p. 139; 12, p. 251].

After those mentions the temple disappears for a long time from the dating formulas and reappears in the reign of king Hammurabi. The dating formula of his 22<sup>nd</sup> year speaks of the installation in the temple of «a copper statue of Hammurabi, the king of justice» (ur<sup>du</sup>alam ḥa-am-mu-ra-bi lugal niğ-si-sá). This formula is remarkable because in it we see for the first time the practice of establishing cult images in the temple; as will be seen below, this was the most common form of royal offerings to the temple. The name of this statue is also noteworthy (see below in the subsection dedicated to the Laws of Hammurabi). During the reign of Hammurabi’s successor, king Samsu-iluna, Esagil is mentioned in the relevant sources four times: in two different variants of the formula of the 6<sup>th</sup> year, as well as in the formulas of the 7<sup>th</sup> and 25<sup>th</sup> years. The formula of the 19<sup>th</sup> year of the reign of Samsu-iluna also mentions an offering to Marduk and the goddess Šarpanitum, most likely made in Esagil. The first version of the annual formula for the 6<sup>th</sup> year of the reign of this king is the most detailed description of the royal offering to Esagil: it is said that Samsu-iluna installed (i-ni-in-ku<sub>4</sub>-ra) in

the temples of Marduk and Shamash, «created things that they desired, (namely) statues of prayer, guardian gods of gold proclaiming justice (?)». The second version of this year's formula does not mention the offering to Shamash, but specifies the material from which the statue of the king in the prayer position was made (from lapis lazuli; alan... za-gìn-na ì-šùd-dè). In the 7<sup>th</sup> year of Samsu-iluna's reign, a «strong weapon» (<sup>gēs</sup>tukul ka-lag) and a «majestic emblem» (šu-nir maḥ) for Marduk were presented into the temple. It is also said that this ritual weapon was covered with «reddish gold and silver» (kug-sig<sub>17</sub> kug-babbar huš gar-ra) and that the king «made it shine in Esagil... like a heavenly star» (é-sag-íl-la-ka mul an-gin<sub>7</sub> mi-ni-in-mul). The emblem is also called «the shining thing». In the 25<sup>th</sup> year of the reign of Samsu-iluna, another statue of the king appeared in Esagil: Samsu-iluna was depicted holding a weapon of reddish gold, and his body parts (or form) showed his heroism. The 19<sup>th</sup> year formula refers to the offering to Marduk and Šarpanitum of «two thrones of gold and silver on a majestic dais» (<sup>gēs</sup>gu-za bárag maḥ kug-sig<sub>17</sub> kug-babbar-ta).

The next king, Abi-ešuh, marked the 9<sup>th</sup> year of his reign by erecting a statue in Esagil depicting the heroism of Marduk and Šarpanitum.

Under the successor of Abi-ešuh, king Ammi-ditana, the annual formulas often mention the establishment of various statues in Esagil: in the 5<sup>th</sup> year of the reign, a statue of the king was erected, depicting him as a rince (alan nam-nun-na-ni), in the 7<sup>th</sup> year – a statue of a raying king with a scepter and a statue with a sacrificial lamb in his hands, in the 14<sup>th</sup> year – a statue of the king depicting his courage (alan nam-šul-la-a-ni, *šalam meṭlūtīšu*), covered with reddish gold (kug-sig<sub>17</sub> sur-ra, *ša hurašim šāririm*) and beautiful (?) stone (na<sub>4</sub> níĝ diri-diri, *ša abnim atartim*). The last statue was dedicated to the god Nabu (*ana Nabium*), who was first a member of the court, and later the son of Marduk. The last mention of the temple in the annual formulas of Ammi-ditana refers to the 24<sup>th</sup> year: the king presented Marduk with «the chosen mace and weapon of red gold and *dušú*-stone» (šita<sub>2</sub> <sup>gīs</sup>tukul-la-bi-da-ke<sub>4</sub> íb-diri-ge-eš-a kug-sig<sub>17</sub> sur-ra <sup>na4</sup>du<sub>8</sub>-ši-a-bi-da-ke<sub>4</sub>).

The next king, Ammi-šaduka, mentions Esagil in the formula of the 4<sup>th</sup> year of his reign: it is said that the king presented Marduk with «a great emblem of gold, silver, lapis lazuli [...]» (šu-nir gal-gal-la kug-sig<sub>17</sub> kug-babbar <sup>na4</sup>za-gìn-na [...]).

Year-formulas of the last king of the First Babylonian dynasty mention the presentation of «a mace, a majestic weapon» (šita<sub>2</sub> <sup>gīs</sup>mitum maḥ-a) to Marduk in the 6<sup>th</sup> year of his reign, erection of the statue of the king in the 12<sup>th</sup> year and presentation of «brazier of pure hammered (?) silver» (gunni kug-babbar ù-tu-da dadag-ga) for the goddess Šarpanitum in the 14<sup>th</sup> year of the reign. We see that the year-formulas are largely formulary in nature. Thus, the information of these sources regarding the position of Esagil is quite uniform. In general, three areas of royal activity can be distinguished regarding temple:

1) renovation work (mentioned once during the reign of king Sabium);

2) establishment of cult objects. This is first of all various statues (alan, *šalmum*): numerous statues of kings (only eight are mentioned), statues of Marduk and Šarpanitum; images of guardian gods (<sup>d1</sup>lama);

3) offerings of various objects to the gods of Esagila. Most often it is a cult weapon (<sup>gīs</sup>tukul, šu-nir, šita<sub>2</sub>, <sup>gīs</sup>mitum) for Marduk.

Attention should be paid to the terminology used in dating formulas. Images or statues of kings and gods, mentioned in our sources often have names with different abstract categories, such as alan nam-ur-sag-ga 'statue of heroism'. Often they are given in modern literature descriptive translations («a statue depicting the king as a hero»). It's hard today to say how, for example, the statue of courage differed from the statue of heroism, since this issue is not addressed in the sources. However, it can be said that the names of these statues expressed the ideology of royal power, because all they include positive categories related to the implementation authorities:

- heroism (nam-ur-sag);
- courage (nam-šul; *meṭlūtum*);
- princely state (nam-nun).

In addition, two times our sources mention statues of prayers (alan šùd-(šùd)-dè), probably depicting a prayer gesture of the king (folded hands). Installing a similar statue in the temple, the king was probably emphasising his piety. As regards the royal offerings to Esagil, their character was probably associated with the nature of royal power and the image of the god Marduk. In dating formulas, it is most often indicated from which materials were made or covered with certain cult items dedicated to the temple. Among them are mentioned the following:

- gold (kug-sig<sub>17</sub>; sometimes its «reddish» (huš) is mentioned shade or high quality (sur-ra, *šāririm*));
- silver (kug-babbar; once there is a mention of «pure and hammered» (ù-tu-da dadag-ga) silver);
- lapis lazuli (<sup>na4</sup>za-gín);
- *dušú*-stone (<sup>na4</sup>du<sub>8</sub>-ši-a);
- beautiful (?) stone (<sup>na4</sup>níĝ-diri-diri, *abnum atartum*).

Gold, silver and lapis lazuli were often associated with temples and, as a rule, were present in them in one form or another. Gold and silver are precious metals, so their use for offerings to temples and mention in dating formulas can be regarded as a means of maintaining the prestige of the king. Lapis lazuli was one of the most valued (semi)precious stones in ancient Mesopotamia. It symbolised divinity, life, fertility, desire, sexuality, beauty and perfection. The verb most commonly used for installing a statue or other cult object in a temple is ku<sub>4</sub>.r. It has basic meanings 'enter; bring inside'; in some cases it can also mean 'to bring into the presence of (someone)'. The compound verb a-ru 'to donate' is also used. In relation to some cult objects, the verb dim 'to make, create' is used.

## THE LAWS OF HAMMURABI

Among the royal inscriptions of the Old Babylonian period, which relate to our topic, the most detailed are the Laws of Hammurabi. In this monument of cuneiform legal literature, there are three main parts: the prologue, the actual text of the laws (modern researchers distinguish about 282 separate paragraphs) and the epilogue. The prologue and epilogue are written in the first person, following the type of royal inscriptions, in the Old Babylonian literary dialect of the Akkadian language. In all three parts of the document, information about the Babylonian temple of Marduk can be gleaned. The text of the laws is also notable for the fact that some researchers see in it the first traces of the primacy of Marduk in the Mesopotamian pantheon. At the beginning of the prologue of the Laws of Hammurabi, it is said about the transfer of supreme power to Babylon on three levels: this is, firstly, the receipt by Marduk of «dominion over all people» from the gods Anu and Enlil, and secondly, the recognition by these gods of Babylon as a place of «eternal kingship» (this is a new motif in Mesopotamian ideology; in the Sumerian king list, for example, kingship is transferred from city to city) and, finally, the calling of king Hammurabi to establish justice in the country [13, column I, lines 1–49].

Then in the text there is a description of the state of Hammurabi, which is reduced to listing the various deeds that the king carried out for the cities and their temples [13, column I, line 50, – column V, line 13]. In general, most of the cities in the Laws of Hammurabi are mentioned in connection with their main temples and gods, which in a sense illustrates the place of the temple in the ideology of Hammurabi's time. The first such link is Nippur and the temple of the head of the Enlil pantheon, Ekur, the second is the city of Eridu and the temple of Eabzu, which were the main cult center of the god Ea [13, column I, lines 50–63]. Babylon and Esagila are in third place, while it is said that king Hammurabi is «the one who served Esagila in his days» (*ša ūmīšu izzazzu ana Esagil*) [13, column II, lines 2–12].

The irregular verb *izzuzzu* used in this fragment has the basic meaning 'to stand', but can also mean 'to stand before, serve (a deity)', i. e. denote some ritual or priestly activity. For example, in an Old Babylonian letter from a certain Šalurum to his father, it is said: «...and you know (this) regarding the position of the *pašīšu*-priest: one who does not serve does not receive anything» (*u ša pašīšūtim atta tīde ša lā izzazzu mimma ul ileqqi*) [14, text 27, lines 10–13]. Thus in the laws king Hammurabi presents himself as a priest of Esagil, and at the same time extremely pious man, as indicated by the duration of his «service» (the expression *ūmīšu* 'his days'). Hammurabi's words, however, are not to be taken literally; it is believed that the kings in Babylonia by the time of his reign had already lost their priestly func-

ons. Therefore, our fragment sheds light rather on the ideology of the king and place of Esagil in it; it should be noted that such «priestly» terminology is used only in relation to the temple of Marduk.

The order of cities and temples in the prologue is probably hierarchical. The first place is traditionally occupied by Nippur and Ekur due to their connection with the head of the pantheon, the god Enlil. Eridu was traditionally considered the city that first received royalty, and the god Ea was part of the triad of great gods along with Enlil and Anu. Babylon and Esagila are only in third place in the list of cities and temples, which illustrates their position in the religious system of Hammurabi's time: they are below the ancient cult centers, but they follow right behind them. The rise of Marduk, Babylon and Esagil was most likely associated with the military and political successes of the kings of the First Babylonian dynasty.

The epilogue of the Laws of Hammurabi has more information about Esagil. Three fragments of the epilogue mention the temple. The epilogue begins with the self-praise of king Hammurabi, it talks about the eradication of wars in the country, the establishment of justice, which were committed by the king with the help of various deities, such as Zababa, Ishtar, Ea, and Marduk. In the next paragraph we meet the first mention of Esagil in the epilogue, which refers to the purpose of establishing a stele with laws [13, column XLVII, lines 59–78]: «...so that the strong does not oppress the weak, for the "straightening" of the orphan and widow in Babylon, the city, the head of which is raised by Anum and Enlil, in Esagil, the temple whose foundation is firm like heaven and earth, for the judgment of the country, for the pronouncement of the verdicts of the country, for the correction of the offended, I wrote my precious words on my monument and set it up in front of mine, the king of justice, image».

There are a few things to note in this section. First, we encounter here the «lifted head» motif: Babylon is called the city whose head was raised by Anu and Enlil (*ālum ša Anum u Enlil rēšīšu ullū*); this expression in this case is probably a reference to the name of the main temple of the city. Secondly, Esagil is called «a temple whose foundation is firm as heaven and earth» (*bītim ša kīma šamē u eršetim išdāšu kīnā*). Thus, the strength of the temple is emphasised in this fragment, and its foundation is compared with the unchanging elements of the cosmos. Thirdly, Hammurabi speaks of «the image of me, king of justice» (*šalmīya šar mīšarim*). It is probable that the reference is made to the copper statue of a king (<sup>urudu</sup>alam lugal nī-si-sá in the Sumerian transmission). The purpose and placement of the stele is laid out in this fragment: it was installed in Esagil<sup>3</sup> for the implementation of judicial activities (*dīn mātīm ana diānim, purussē mātīm ana parāsim*).

<sup>3</sup>D. Charpin believes that steles with the text of the laws were installed in all the main cities of the kingdom (see: *Charpin D. Writing, law and kingship in Old Babylonian Mesopotamia*. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 2010. P. 72).

Based on this part of the epilogue of the Laws of Hammurabi, we can conclude that the administration of justice took place in the temple of Marduk. This conclusion, however, raises some questions, main among which is the role of temple personnel in the execution of judgment. There was a so-called «secularisation» of justice under Hammurabi, that is the transfer of legal functions from temple judges to the officials of the king, as evidenced by the data from Ebabbar temple and personal seals [15, p. 120]. However, it is obvious that the practice of temple court existed earlier [15, p. 117]. Perhaps Hammurabi's words are an example of ideological phraseology designed to emphasise royal piety; however, the royal judges could carry out their functions inside the temples.

The next fragment of the epilogue that interests us is the king's prayer with a request to the guardian gods (*šēdu* and *lamassu*), to the gods entering Esagil and the brick of Esagil to «improve my omens every day» before Marduk and Šarpanitum. We present full fragment [13, column XLVIII, lines 48–58]: «May the guardian gods, the gods entering Esagil, the brick of Esagil improve daily my words before Marduk, my lord, (and) Šarpanitum, my lady». If we move away from the literal translation, the expression *igirre dummuqum* 'to improve omens' used here could simply mean 'speak favourably', in which case the gods and the brick of Esagil are to report favourably on the king's affairs to Marduk and Šarpanitum. It should be emphasised that this terminology applies only to Esagil and its deities, i. e. the king's relationship with the temple is more personal. This is probably due to the capital city status of Babylon. The last fragment of the epilogue, mentioning Esagila, presents another request of the king addressed to Marduk: «At the command of Marduk, my lord, may the one who erases my prescriptions (*ušurtum*) not receive (them), in Esagil, which I love, may my name be pronounced favourably forever» [13, column XXIV, lines 89–95]. In this fragment, on behalf of the king, the expression *Esagil ša arammu* 'Esagil,

which I love' is used, emphasising the special relationship of Hammurabi to the temple. The king asks that his name be forever pronounced favourably in Esagil (*šumi ina damiqtim ana dār lizzakir*).

After analysing the text of the prologue and epilogue of the Laws of Hammurabi, we can draw some conclusions regarding the official position of Marduk in the pantheon and royal ideology. In the prologue of the laws [13, column I, lines 1–50] it is said that the main gods of the pantheon, Anum and Enlil, gave Marduk «the dominion of all people» and made his name «great among the Igigi gods». These words should not be considered as a statement of the superiority of Marduk over all the gods of the pantheon in the Old Babylonian period (for a similar position, see, for example, at [9, p. 102–103]). Anum and Enlil give Marduk power over men, not over gods, which is probably a theological reflection of the Babylonian conquest of Mesopotamia. In addition, it seems that the division of the gods into Anunnaki and Igigi during this period was hierarchical; the Anunnaki were the supreme gods and included Anum and Enlil. In support of this, we can cite the lines of the Old Babylonian Epic of Atrahasis, where lines 5–6 of the first table say that the seven great Anunnaki forced the Igigi to work for themselves at the beginning of time before the creation of man, which freed them from this duty (*rabūtum Anunnaku sibittum dullam ušazbalū Igigi*). Thus, while we can speak of the rise of Marduk in the Mesopotamian pantheon at the time of Hammurabi, we cannot assert his supremacy, as Marduk receives his power from Anum and Enlil. Other passages from the prologue and epilogue, however, speak of the special position of the cult of Marduk in the official ideology of king Hammurabi. Hammurabi, according to him, acts «at the command» of Marduk [13, column XXIV, lines 89–95]; the only temple in which he performs ritual actions is Esagil [13, column II, lines 2–13]; and the very introduction of laws, the «establishment of justice» is given to the king exactly by Marduk [13, column V, lines 14–25].

## Conclusions

In general, three areas of royal activity can be distinguished regarding Esagil in the royal year-formulas:

1) renovation work (mentioned once during the reign of king Sabium);

2) establishment of cult objects. This is first of all various statues (alan (alam), *šalmum*): numerous statues of kings (only eight are mentioned), statues of Marduk and Šarpanitum; images of guardian gods (<sup>d</sup>lama);

3) offerings of various objects to the gods of Esagila. Most often it is a cult weapon (<sup>giš</sup>tukul, šu-nir, šita<sub>2</sub>, <sup>giš</sup>mitum) for Marduk.

Having examined fragments of the literary parts of the Laws of Hammurabi, we can draw some conclusions: the prologue and epilogue of the laws illustrate the ideology of king Hammurabi rather than the real position of Esagil; this ideology, firstly, emphasises the special relationship of Hammurabi to the temple of Marduk (a request to the gods of Esagila to speak favourably about the king; a request for the eternal favourable pronouncement of the king's name; expression *Esagil ša arammu*), secondly, his piety towards Esagil (expression *ša ūmišu izzazzu ana Esagil*); judicial activity was carried out under Hammurabi, although it is not clear who carried it out, the temple staff or the judges of the king.

## References

1. Schrakamp I. Die «Sumerische Tempelstadt» heute: die sozioökonomische Rolle eines Tempels in frühdynastischer Zeit. In: Kaniuth K, Löhnert A, Miller JL, Otto A, Roaf M, Sallaberger W, Herausgeber. *Tempel im Alten Orient. 7. Internationales Colloquium der Deutschen Orient-Gesellschaft; 11.–13. October 2009; München, Deutschland*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2013. S. 445–465.
2. Frame G. *Rulers of Babylonia: from the Second dynasty of Isin to the end of Assyrian domination (1157–612 BC)*. Sweet RFG, editor. Toronto: University of Toronto Press; 1995. 350 p. (The royal inscriptions of Mesopotamia. Babylonian periods; volume 2).
3. Waerzeggers C. The pious kings: royal patronage of temples. In: Radner K, Robson E, editors. *Oxford handbook of cuneiform culture*. Oxford: Oxford University Press; 2011. p. 725–751.
4. McCaffrey K. The Sumerian sacred marriage: texts and images. In: Crawford H, editor. *The Sumerian world*. London: Routledge; 2013. p. 227–245 (The Routledge worlds).
5. Linssen MJH. *The cults of Uruk and Babylon. The temple ritual texts as evidence for hellenistic cult practices*. Abusch T, Geller MJ, Maidman MP, Maul SM, Wiggermann FAM, editors. Leiden: Brill; 2004. 343 p. (Cuneiform monographs; volume 25). Co-published by the «Styx».
6. Westenholz JG. In the service of the gods: the ministering clergy. In: Crawford H, editor. *The Sumerian world*. London: Routledge; 2013. p. 246–274 (The Routledge worlds).
7. Sallaberger W. The palace and the temple in Babylonia. In: Leick G, editor. *The Babylonian world*. New York: Routledge; 2007. p. 265–275 (The Routledge worlds).
8. Horsnell MJA. The grammar and syntax of the year-names of the first dynasty of Babylon. *Journal of Near Eastern Studies*. 1977;36(4):277–285. DOI: 10.1086/372588.
9. Horsnell MJA. *The year-names of the first dynasty of Babylon*. Hamilton: McMaster University Press; 1999. 443 p.
10. Frayne DR. *Old Babylonian period (2003–1595 BC)*. Sweet RFG, editor. Toronto: University of Toronto Press; 1990. 851 p. (The royal inscriptions of Mesopotamia. Early periods; volume 4).
11. George AR. *House most high: the temples of Ancient Mesopotamia*. Cooper JS, editor. Winona Lake: Eisenbraus; 1993. 209 p. (Mesopotamian civilizations; volume 5).
12. Lambert WG. *Babylonian creation myths*. Cooper JS, editor. Winona Lake: Eisenbraus; 2013. 640 p. (Mesopotamian civilizations; volume 16).
13. Bergmann E. *Codex Hammurabi. Textus primigenius*. Roma: Pontificium institutum biblicum; 1953. 53 p.
14. Stol M. *Letters from collections in Philadelphia, Chicago, and Berkeley*. Kraus FR, editor. Leiden: Brill; 1986. 129 p. (Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung; Band 11).
15. Harris R. On the process of secularization under Hammurabi. *Journal of Cuneiform Studies*. 1961;15(4):117–120. DOI: 10.2307/1359521.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022.  
Received by editorial board 15.11.2022.

УДК 902

## ZHONG ZHOU XIAN – «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОСЬ» ДРЕВНИХ КИТАЙСКИХ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ: РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

ЦЗИНЬ ЛИПЭН<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

«Центральная ось» древних китайских столиц оказала важное влияние на планировку городов и градостроительные традиции. Анализируются археологические материалы и исторические источники по данной проблеме. Отмечается, что предыдущие исследования «центральной оси» в столицах Древнего Китая не использовали последние археологические открытия и не учитывали все внутренние причины возникновения этого феномена. С помощью современных археологических и лингвистических методов исследования, которые сочетаются с новейшими археологическими данными и исторической литературой, предлагается продемонстрировать идею «центральной оси» древних китайских столиц начиная с неолитической культуры Таоси (около 2300 г. до н. э.). Изучаются изменения положения основных зданий столиц в отношении «центральной оси», ее связи с представлениями об идеальной императорской власти и родословии династий, которые основывались на важности презентации символизма, на традициях и политических соображениях. Обосновывается идея о том, что со сменой династий положение дворца на «центральной оси» столицы становилось все более заметным, а родовой храм постепенно переходил на второстепенное положение, что свидетельствовало об усилении имперской власти и непрерывном ослаблении почитания императорского клана.

**Ключевые слова:** «центральная ось» древнекитайских столиц; история Древнего Китая; китайская археология; древнекитайское градостроительство; археологические раскопки; Институт археологии Китайской академии общественных наук.

## ZHONG ZHOU XIAN – «ЦЭНТРАЛЬНАЯ ВОСЬ» СТАРАЖЫТНЫХ КІТАЙСКИХ СТАЛІЧНЫХ ГАРАДОЎ: РАЗВІЦЦЁ І ТРАНСФАРМАЦЫЯ

ЦЗИНЬ ЛИПЭН<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

«Цэнтральная вось» старажытных кітайскіх сталіц аказала важны ўплыў на планіроўку гарадоў і горадабудаўнічыя традыцыі. Аналізуюцца археалагічныя матэрыялы і гістарычныя крыніцы па дадзенай праблеме. Адзначаецца, што папярэднія даследаванні «цэнтральнай восі» ў сталіцах Старажытнага Кітая не выкарыстоўвалі апошнія археалагічныя адкрыцці і не ўлічвалі ўсе ўнутраныя прычыны ўзнікнення гэтага феномена. З дапамогай сучасных археалагічных і лінгвістычных метадаў даследавання, якія спалучаюцца з навейшымі археалагічнымі данымі і гістарычнай літаратурай, прапанована ідэю «цэнтральнай восі» старажытных кітайскіх сталіц пачынаючы з перыяду неалітычнай культуры Таосі (каля 2300 г. да н. э.). Даследуюцца змены становішча асноўных будынкаў сталіц у дачыненні да «цэнтральнай восі», яе сувязі з уяўленнямі пра ідэальную імператарскую ўладу і радавод дынастый, якія грунтаваліся

### Образец цитирования:

Цзинь Липэн. Zhong Zhou Xian – «центральная ось» древних китайских столичных городов: развитие и трансформация. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:41–56 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-41-56>  
EDN: RХТРУG

### For citation:

Jin Lipeng. Zhong Zhou Xian as Central Axis of the ancient Chinese capital cities: development and transformations. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3: 41–56. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-41-56>  
EDN: RХТРУG

### Автор:

**Цзинь Липэн** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. А. Прохоров.

### Author:

**Jin Lipeng**, postgraduate student of the department of the ancient and medieval history, faculty of history. [18600194666@163.com](mailto:18600194666@163.com)



на важнасці прэзентацыі сімвалізму, на традыцыях і палітычных меркаваннях. Абгрунтоўваецца ідэя аб тым, што са зменай дынастый становішча палаца на «цэнтральнай восі» сталіцы становілася ўсё больш прыкметным, а радавы храм паступова пераходзіў на другараднае становішча, што сведчыла аб узмацненні імперскай улады і бесперапынным паслабленні ўшанавання радавода імператарскага клана.

**Ключавыя словы:** «цэнтральная вось» старажытнакітайскіх сталіц; гісторыя Старажытнага Кітая; кітайская археалогія; старажытнакітайскае горадабудаўніцтва; археалагічныя раскопкі; Інстытут археалогіі Кітайскай акадэміі грамадскіх навук.

## ZHONG ZHOU XIAN AS CENTRAL AXIS OF THE ANCIENT CHINESE CAPITAL CITIES: DEVELOPMENT AND TRANSFORMATIONS

JIN LIPENG<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The concept of Central Axis for ancient Chinese capitals had an important impact on the planning and urban function of the ancient Chinese capitals. This paper combines archaeological materials and historical documents to gradually analyse: previous studies on the concept of Central Axis of the ancient capital of China have not used the latest archaeological discoveries and the internal causes of the generation of the Central Axis. The article demonstrates the Central Axis of the ancient Chinese capital city as early as neolithic Taosi culture period from ca. 2300 BC and further explores changing of the main buildings at the Central Axis position through method of archaeology, philology, combined with the latest archaeological data and historical literature, shows its relationship with state and dynastic policy. The design of the Central Axis was not out of formalism, but based on the symbolic significance, customs, and political considerations. The author argues that with the replacement of dynasties, the position of the palace on the axis of the capital became more and more prominent, while the ancestral temple was gradually located in the secondary position, indicating the strengthening of imperial power and the continuous weakening of emperor's family worship.

**Keywords:** Central Axis of ancient Chinese capital cities; history of Ancient China; Chinese archaeology; ancient Chinese urban planning; archaeology excavation of the Archaeology Institute of the Chinese Academy of Social Science.

The layout of the Central Axis is a remarkable feature of the ancient Chinese capital city. With the continuous improvement of the capital system of the past dynasties, the layout characteristics of the Central Axis became more and more prominent, and even became the core of the ancient capital planning. The axisymmetric capital city and architectural layout not only represents the traditional aesthetic and architectural planning and technical issues of East Asian countries and regions including China, but also represents the materialised expression of national political ideas in Chinese traditional culture.

Central Axis layout of the ancient Chinese capitals within the Chinese academic circles was very discussed question. A researcher from Shaanxi Provincial Institute of Archaeology Li Zizhi believes that the Central Axis appeared in the Xia (about 2070 BC – about 1600 BC), Shang (about 1600 BC – about 1046 BC) and Zhou (1046–771 BC) dynasties, but a relatively complete idea of the Central Axis planning appeared officially only in the Luoyang City period of the Han dynasty (25–220 AD) and Wei dynasty (386–534 AD) [1]. Zhou Runshan, a professor from Zhengzhou University, believes that the layout of the Central Axis is a major feature in the development and evolution of ancient Chinese capitals. With the continuous improvement of the capital city system of all dynasties, the layout characteristics of the Central Axis became more and

more obvious, and even became an important standard for the planning of the ancient capital city of China [2]. A professor from Taizhou University Chen Aiping deems that the capital city is the product of national politics, which appears with the emergence of the state. When the state emerged and the whole society fell into the royal power-centered operating system, the capital city, as the center of royal rule, naturally became the symbol of royal rule [3]. A famous professor from Tsinghua University Wang Guixiang believes that the ancient Chinese cities and architecture have a very prominent feature, its urban layout and the organisation of the buildings are often gradually developed around a strict Central Axis [4]. A researcher from Beijing Capital Museum Chen Jing believes: ««The center of China» reflects the political thought, which historical and cultural concept was consistent during no matter what dynasty by the Han nationality, Nüzhen [Nuchen] nationality, Mongolian, Manchu in the Chinese nation management of ancient China, which was embodied in the continuation of «capital axis», was passed down from generation to generation as hereditary of supreme «national identity» in multi-national united country regardless of changing of rulers from different families in ancient China» [5]. Known professor Liu Qingzhu, the academician from the Chinese Academy of Social

Science deems that the two axis existed in the capital of the Xia and Shang period. The double axis planning should be related to the layout of the system «temple on the left and palace on the right» in the palace-city at that time, which was the reflection of the «dual politics» of imperial policy and dynastic politics at that time [6]. He believes that the capital of Qin Country (221–207 BC) – Xianyang – was built in the Warring States period, and that Qin Country still took it as the capital after it unified the six states and established a unified and centralised empire. In terms of the capital shape system, it belongs to the «transitional» capital from the «kingdom era» to the «imperial era». As for the current archaeological discovery of Xianyang City site, it is impossible to investigate the capital axis of Xianyang City [7].

In Chinese architect's tradition Central Axis has a special definition «Zhong Zhou Xian» that means 'an axis of the main buildings in a certain order, mostly northsouth trending'. The first mention about Central Axis in history was in the year 239 BC in the book named «Lu Shi Chun Qiu» («Lu's spring and autumn annals»).

But we could see the idea about Central Axis in Chinese architectural tradition much earlier. The last received archaeological evidences show:

- because in the traditional Chinese concept of ritual system, the capital city will often be chose the geographical location in the center of China. The earliest unearthed documents of the Warring States period (475–221 BC) was excavated by grave robbers in 2008 from Hubei Province about «seek center» (*Xun Zhao Zhong Xin*) was the bamboo slip «Bao Xun», which described selection and planning of the capital city by Emperor Zhou (?–1046 BC). Among them, it is mentioned that legendary Dayu (emperor of Xia) asked the sixth ancestor of Shang Tang (emperor of Shang dynasty) to go to «seek the middle» in the land of Song Mountain and Luo River for building of dwelling of emperor [8]. We can watch legendary story with important mythological sense that with the basin behind the mountain surface water. It presents for us new evidence in the problem of Central Axis idea foundation.

In recent years, a large number of settlement sites and some important city sites from Shang dynasty has been found in eastern Henan Province and western Shandong Province. These settlements can correspond to the «seek the center» of monarch Shun (2277–2178 BC), legendary for western scholars as the Xia dynasty as well, recorded in «Bao Xun» [9].

The «Bao Xun» also states that monarch Dayu founded a capital of the Xia dynasty, which was located in the «Chasing center» («seeking center») near by the «Luo River» [10]. It is called now the «Great Song Mountain» area (including Luoyang City, Zhengzhou City) [9];

- in monumental history of China «Shiji» («Historical records») Sima Qian (145–90 BC) further recorded: «Emperor Cheng (1075–1020 BC) was in Feng City, and Shao Gong erected Luoyi (ancient Luoyang. – J. L.)». He

mentioned: «This is the center of the world, people get here are the same from everywhere» [11, p. 183];

- however, from the perspective of Sima Qian's account, which was written in the book «Shiji», the front hall project of E Pang Palace in Qin dynasty seems to have planned a northsouth axis of the city;

- the clear literature record of the Central Axis of Chinese cities is the «Zhou Li Kaogong Ji» («Records of artificial of Zhou Li») written more than 2000 years ago. «Zhou Li» («Rites of Zhou») was an official book of the Qi State in the later years of the Spring and Autumn period (770 BC). The section of «Zhou Li Kaogong Ji» comprehensively records the urban planning thought of the Zhou people and the urban design mode of the capital of the Western Zhou dynasty. The core idea of «Zhou Li Kaogong Ji» is reflected in the graph is the ideal plan of Zhou City (area of modern Loyang City). Each side of the four walls had nine Li long and three gates. There were nine straight streets and nine horizontal streets in the city, and each street consisted of three parallel roads. The street had a width of nine trails (about 18 m wide), and three wagons can walk side by side. In the center of the city was the palace city, and on both sides were the ancestral temple and the altar of the country. The court was in front and the market was behind [12, p. 15]. They can see that this urban construction mode has formed a strict Central Axis with the palace city in the center and the symmetrical spatial layout of other important buildings.

Mythological center of the country (legendary awareness appeared even before the Xia dynasty) was Luoyang as the center of the Universe, and archaeological data shows that the Central Axis layout in different degrees appeared in some capitals in the Xia and Shang dynasties before the Western Zhou dynasty. It is believed, that the pre-Qin capital had not yet formed a strict Central Axis layout, mainly based on the conclusions of some archaeological materials. However, with the deepening of the excavation and research of Taosi City site, Yanshi site (an archaeological site in modern Yanshi County) and Erlitou site, this conclusion should be re-examined.

First of all, let's pick up the archaeological evidences from the most ancient times.

**The Central Axis of Taosi City site.** The Taosi City site was discovered in 2003–2004. It is located at the west foot of the east bank of Fen River in Xiangfen County, Shanxi Province, between Taosi Village, Zhongliang Village, Song Village and Dongpo Gou Village. The city site is divided into early and middle periods, which belong to the early and middle pottery Taosi culture respectively; the middle city site covers 10 000 m<sup>2</sup>, which is the largest city site in the Longshan period (2500–2000 BC) of China.

The site selection of the capital of the pottery temple follows the standard of the shadow of the summer solstice, and then determines the site selection according to the need of the actual political center to move into the Linfen region. Since then, the concept of «emperor

in the center» has been used and institutionalised for the site selection and architectural planning of the capital. «Zhou Li Kaogong Ji» said that one of the duties of the great minister of the court (Situ) is «...to measure the depth of the earth, is the sun to find the earth. The south of the short scenery, more heat; the north of the long scenery, the east scenery, the wind: the sun two scenes, more cold. The harmony of heaven and earth, the change of the net time, the wind and rain, the harmony of Yin and Yang, then, is the construction of the kingdom» [13]. The construction of the capital here must be determined by the method of shadow measurement to achieve the idea «emperor in the center»: because the ancient Chinese habitants believed, that a center place was the only channel to communicate with heaven and earth, the capital planning universe of the «emperor in the center» had been institutionalised to serve the traditional religious thought, which has a far-reaching influence. The ancients believed that the North Star could be dialectically oriented and «erected the pole». The North Star could determine the «pole line» of the capital. The «pole line» and the central axis of the ancient Chinese capital were basically overlapped.

There are indeed two lines in the capital of the Taosi site, one of which is the Zhaowang Channel and the Zhongliang Channel outside the city road, which divides the middle of the Taosi site into the north (top) and the south (bottom) (see fig. 1, insert). The north (top) was mainly occupied by the palace-city, the treasury storage area, the royal cemetery and the viewing ceremony building area. The south (bottom) was occupied by handicraft areas and ordinary residential areas. Obviously, this line does have the function of structural division. The southwest orientation of the palace determines, that the «ancestors», characterised by the first emperor's royal cemetery, was «on the left of the palace, and the social altar of the sacrificial place was on the right of the palace, expressing the original axis system according the idea of «Zuo Zu You She» on the left from palace is ancestral temple, and on the right is state temple, which was represented in «Zhou Li Kaogong Ji». It seems that we see the earliest example of the system «Zuo Zu You She» («on the left of palace is ancestral temple, and on the right is state temple»), in an ancient Chinese city, which expresses the planning thinking of the Central Axis centered on the palace-city, which is consistent with the planning thought of the «Zhou Li Kaogong Ji». They can see that the planning thought of «Zhou Li Kaogong Ji» borrowed from the planning and design of the Taosi site.

**The Central Axis of the Erlitou site.** Ancient «Erlitou» settlement was built about 3800~3500 years ago. The archaeological site located in modern Yanshi County, Henan Province. Its distribution area is at the north of modern Erlitou Village. In the mainstream academic view in China, Erlitou culture belongs to the culture of the late Xia dynasty and early Shang dynasty. Erlitou site

can be divided into palace area, sacrificial and burial area, temple area, official handicraft workshop area, aristocratic residential area, people's residential area, etc. The temple area is located in the southeast of the site, surrounded by the ruins of the palace city. Archaeological findings in the ruins of the late Erlitou culture, divided into western and eastern building sites [15–17].

In the west, there is one building site, and its south is the South Palace Gate site. There are courtyard walls around the palace building site, which was the main palace. The whole courtyard was rammed. The rammed foundation of the palace building (see fig. 2, insert) was located in the northern center of the courtyard. In the south of the hall was the courtyard, in the south of the courtyard – the gate. The south gate was lined in front and back. The two partitions make the south gate construction as «one gate and three ways». In the past, the «one gate and three ways» (one gate with three entrance) were only found in late ancient capitals, such as Chang'an of the Western Han dynasty (202 BC – 8 AD), Luoyang of the Eastern Han (25–190 AD) and Wei (386–398 AD) dynasties, Luoyang of the Sui (581–618 AD) and Tang (618–907 AD) dynasties, Bianliang of the Northern Song dynasty (960–1127 AD), Dadu of the Yuan dynasty (1271–1368 AD), and Beijing of the Ming (1368–1644 AD) and Qing (1636–1912 AD) dynasties.

The ancestral temple of a ruling building site (see fig. 3, insert) is in 150 m southwest from the foundation site of palace building site at a rectangular rammed earth foundation. The ancestral temple of a ruling house of Erlitou settlement included courtyards, doorways, cloisters, and halls. The main building was located in the center in the north of the courtyard. It was rectangular, about 33 m from east to west and 12 m from north to south. According to the floor of the hall, it can be inferred that the hall had three wide rooms, with cloisters, there were corridors in the east, west and south. Between the hall and the south gate was the courtyard, 45 m from east to west and 56.5 m from north to south. The main gate of the courtyard (south gate) of the ancestral temple of a ruling house was a very important relic.

The site of the ancestral temple of a ruling house was juxtaposed with the site of the palace, which may be the capital Central Axis in the era of archaeological discovery. The main building hall of the palace site was opposite to the south gate. The main building of the ancestral temple of a ruling house was opposite to the south gate of the courtyard, and the opposite gate had not been found. However, from the overall layout of the palace, there was possibly a palace gate in the east of the south palace wall. Erlitou palace should have two eastwest parallel to northsouth axis, that is, the «Double Axis» of the palace.

The discovery of Erlitou site and the Central Axis of Erlitou palace confirms the information of the unearthed bamboo slips of the Warring States period on the principle of choosing a capital, that is, looking for

the center. At the same time, it also confirms the historical records of the city location and the layout of the Central Axis. The Central Axis planning of the Erlitou palace is the beginning of the political-led planning of the ancient Chinese capital. The palace building and ancestor temple architecture of Erlitou site are planned side by side, representing the equal status of worship of imperial power and emperor's family and ancestors.

**The Central Axis of the Yanshi City site of Shang dynasty.** Yanshi City site time dates to 1600 BC, in the east of modern Luoyang City (Henan Province). There are Mang Mountains in the north and the Luo River is in the south. Erlitou site is in 6 km southwest of it.

Yanshi City site was a capital in the early Shang dynasty (ca. 1600–1046 BC), with the «big and small cities» in it. But the time of existence between «small city» and «big city» was different, the «small city» was earlier than the «big city», and the «big city» was expanded on the basis of the «small city» (see fig. 4, insert). In the stage of only the town, the site was rectangular, and there was a gate in the middle of the wall. The palace area was located in the south section of the northsouth Central Axis of the city, and its outer ring has walls and forms a square «palace-city». The southwest corner of the city was military camp Fuku (or Wuku), and there were copper casting workshops in the northeast of the city. They see that the Yanshi City in its initial construction stage had revealed the characteristics of the Central Axis layout. When it was expanded into the «big city», part of the city wall was extended to the north, and the southeast corner was folded inside to avoid the natural lake on the outside, resulting in the site plane of a so-called «kitchen knife». The palace area also deviated from the middle of the city and fell in the southwest of the city. Five gates of this period were found, two in the east and west, one in pairs; one in the north and the palace area in the south. There were great roads connected between the city gates. Water supply and drainage channels were built with stones run through the palace area under the earth of the east and west gates. The size of the palace area also broke through the original wall and expanded outward. There were five palace base sites, one in the middle, the rest correspond, and there was a road in the middle to the south of the city. In the southwest and northeast of the city, there was Fuku (or Wuku) to defend the palace area. To the north of the city were handicraft workshops and living quarters for the general inhabitants [18; 19].

Yanshi City site shape layout, was a central axis-symmetrical layout. That is to take from the north gate through the palace area to the south of the city as the Central Axis, the east and west gates, palace buildings and other left and right symmetrical distribution. Yanshi City site was so neat central axis layout, was undoubtedly carefully planned in advance.

For the first time, the site of Yanshi City reflected the principle of Central Axis planning on the basis of the fo-

undation of strictly planned «big city» and «small city», and reflected that the Shang dynasty expressed the strict level of political management on the basis of the definite planning of capital.

Archaeological data shows the emergence of the Central Axis of the capitals of Xia, Shang and Zhou dynasties, either on the whole, or in part, or on the single buildings, indicating that this layout tradition has been formed in different degrees or in different ranges in the capital planning at that time.

**The Central Axis of the Western Zhou architectural principle.** The archaeological work of the Western Zhou dynasty (1046–771 BC) was the most important in Zhou Yuan site and Fenghao site, the political centers at that time. Zhou Yuan site is located in the west of Guanzhong Plain, Shanxi Province. Qi Mountain is in the north, Wei River is in the south, modern Wugong County is in the east, modern Fengxiang County and Baoji City are in the west.

Scholars found a large building on the rammed earth platform in Zhou Yuan and Fenghao sites of Western Zhou period such as buildings in modern township Feng Chu and modern county Fufeng. Other group of large rammed buildings platform with a separating wall between the two groups of buildings in Feng Chu [20]. Rammed foundations of main buildings in modern county Fengxiang are located from north to south, 10 degrees west. The whole building is composed of gate, entrance hall, front hall, back room, east and west wing rooms and cloister, the middle from south to north for the gate, entrance hall, front hall, back room, both sides are symmetrical east and west wing rooms, east and west wing rooms have 8 rooms. The front eaves and walls have cloisters, and screens in front of the door (see fig. 5, insert).

The architectural site of Feng Chu main buildings had formed a relatively regular northsouth courtyard layout, with a strict symmetrical layout between east and west formed in the eastwest courtyards, corridors and eastwest concierge. The northsouth Central Axis layout is formed by the south wall, the front gate and the corridor between the two houses. Compared with other capital sites, the site is smaller in scale, but the planning and design are very meticulous, and the Central Axis is symmetrical and orderly, which has a profound impact on the later dynasties, reflecting the human-oriented design concept of ancient Chinese architectural planning.

**The Central Axis of the Chang'an City site of the Western Han dynasty.** The site of Chang'an City of the Western Han dynasty is located in the northwest suburb of modern Xi'an, Shaanxi Province. It is a fact that the capital of the Western Han dynasty (202 BC – 8 AD) had formed a traditional Central Axis layout. After the long-term archaeological exploration and excavation of Han Chang'an City, its shape and layout had been generally investigated. The city site is nearly square, each wall has 3 gates, a total of 12 gates. Among them,

4 city gates are opposite to the palace gate, and the other 8 city gates are connected each to a large street in the city. The palace area is concentrated in the central and southern parts of the city, and the north has residential workshops, markets and handicraft workshops. In the western suburbs of the city, the Jianzhang Palace was built in the first year of Emperor Wu of the Han dynasty (104 BC). The ritual building area and Wangmang Nine temples were in the south of the city [27, p. 27]. From the overall layout of Chang'an City of the Han dynasty, the north-south prospect from Heng Gate to Xi'an Gate is its Central Axis, and Weiyang Palace, as the palace-city, was located on this Central Axis. The Central Axis runs through the North Palace Gate and the South Palace Gate of Weiyang Palace. Out of the North Palace Gate connected to Heng Gate Street, the North Palace, the Gui Palace, and the markets were nearby the Heng Gate Street. Out of the Nangong Gate to the Xi'an Gate, out of the Xi'an Gate, according to the system «on the left of palace is ancestral temple, and on the right is state temple» (see fig. 6, insert). Some researchers believe that An Gate Street is located in the middle of Chang'an City, believing that the Central Axis of Chang'an City should be An Gate Street. Some scholars have pointed out that this understanding is inappropriate [22, p. 46]. The design of the Central Axis was based on the palace, more specifically, to the main hall as the main building in the palace, as the basis, to form the Central Axis of the palace, and then extended as the Central Axis of the capital. The palace of Chang'an of the Han dynasty was Weiyang Palace. In this way, Weiyang Palace was taken as the base of the Chang'an City in Han dynasty, thus forming the north-south prospect from Heng Gate to Xi'an Gate as the Central Axis.

The Central Axis of Chang'an City in Han dynasty was not only deviates from the central position of the city, but also slightly deviates from the front hall of the main hall of Weiyang Palace, which was the basis point of planning, and passed from the east side of the front hall. These phenomena show that, in addition to the reasons for the restriction to move, they also reflect that the capital planning at that time was not so deliberately pursued in these aspects. In fact, the phenomenon that the Central Axis of the capital deviated from the central position continued until the Northern Wei period. Luoyang was the capital from the Eastern Han dynasty (25–220 AD) through Cao Wei (220–266 AD) and Western Jin (266–316 AD) to the Northern Wei (386–534 AD).

The capital axis of Chang'an in the Western Han dynasty was not perfect, because it developed on the basis of the capital of the Qin dynasty. The Weiyang Palace area consisted from some different palaces. The North Palace of Weiyang Palace was not arranged on the Central Axis, but on the left side of the Central Axis. The ancestral temples in the Western Han dynasty were relatively scattered, which did not conform to the planning

principles of the Central Axis of the capital in «Zhou Li Kaogong Ji». Although the palace of Chang'an of the Han dynasty was not in the center of the city, it was located at the highest place of the city, also in the center of the palace-city. The temples was located outside the city, which clearly shows the strengthening of imperial power and the weakening of emperor's family and ancestors worship.

**The Central Axis of the Luoyang City of the Han and Wei dynasties.** The Han-Wei Luoyang City site is 15 km east of modern Luoyang City, the Luo River in the south and Mang Mountains in the north. Since the Western Zhou dynasty, four dynasties have built their capital here. The Han-Wei Luoyang City used to be the capital of Eastern Zhou (770–256 BC), Eastern Han (25–220 AD), Cao Wei (220–266 AD), Western Jin (266–316 AD) and Northern Wei (386–534 AD) dynasties. The structure of Luoyang in the Eastern Han dynasty was a small rectangular area from north to south. Except for the southern city wall, which was destroyed due to the northward migration of Luo River, the other three city walls have been basically complete. According to documents, there were 12 gates in Luoyang in the Eastern Han dynasty and Wei and Jin dynasties. After exploration, there were 10 gates on the existing three walls, three east walls, two north walls and five west walls. The second gate of the west wall was the Han Yong Gate, and the third and fifth gates were the Xiyang Gate and the Chengming Gate opened by the Northern Wei dynasty respectively. Every main streets of the city had its own gates. The main palaces of Luoyang in the Eastern Han dynasty were the South Palace and the North Palace. However, they were repeatedly disturbed by the subsequent capital buildings of Cao Wei, Western Jin and Northern Wei, and their structure was not completely clear. According to the existing archaeological data and literature records, scholars are slightly different, but the general orientation of the South and North palaces can be basically determined. The South Palace is located in the southeast part of the city, the north and west of the north of the city, and the two palaces are not directly misaligned, which are connected by restoration [23–27]. The gate to the east of the south wall was called Zhengyang Gate and is considered to be the main gate. Pingcheng Gate had the street through the South Palace, and then cross the road into the North Palace. Accordingly, Ping Gate Street was the Central Axis of Luoyang City in the Eastern Han dynasty. Out of the Pingcheng Gate, ritual architectures of Ming Tang temple, Pi Yong temple and Taixue high school were in the left, and Lingtai Palace was in the right (see fig. 7, insert). It is not difficult to see that the Central Axis of Luoyang City in the Eastern Han dynasty was also not in the middle position within the city. Moreover, Pingcheng Gate Street through the South Palace towards the North Palace, this route is not in a straight line.

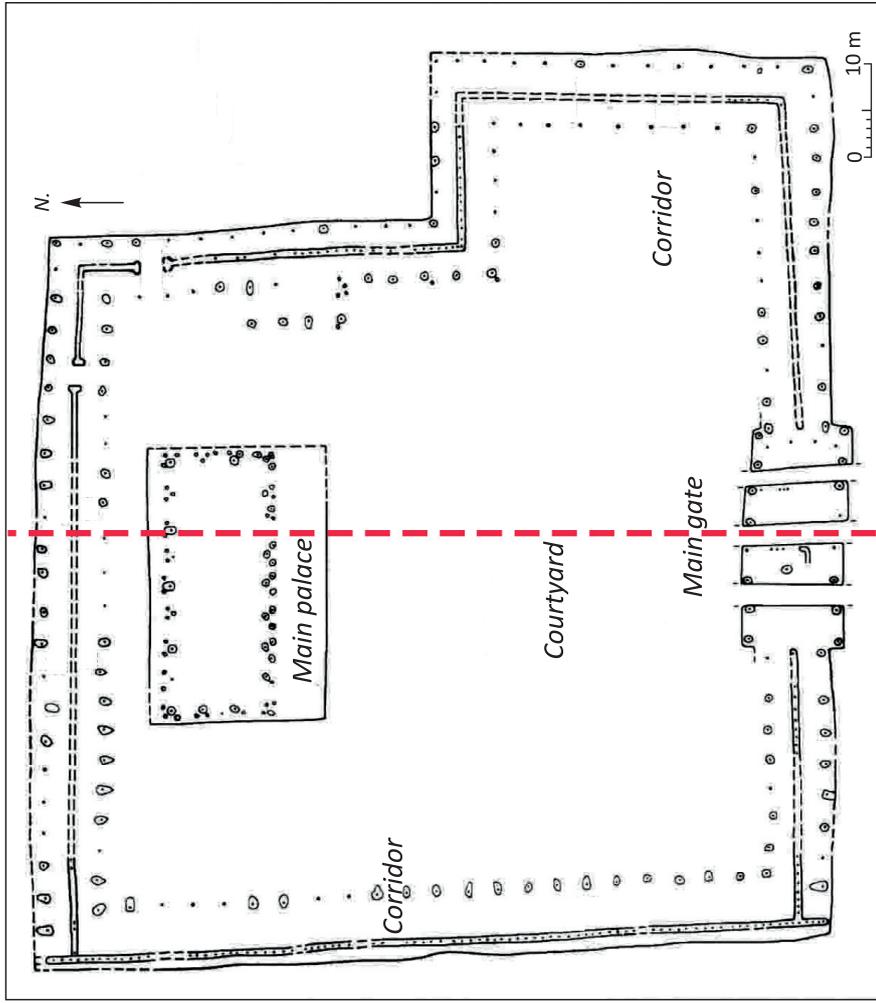


Fig. 2. Floor plan of the palace site of Erlitou City

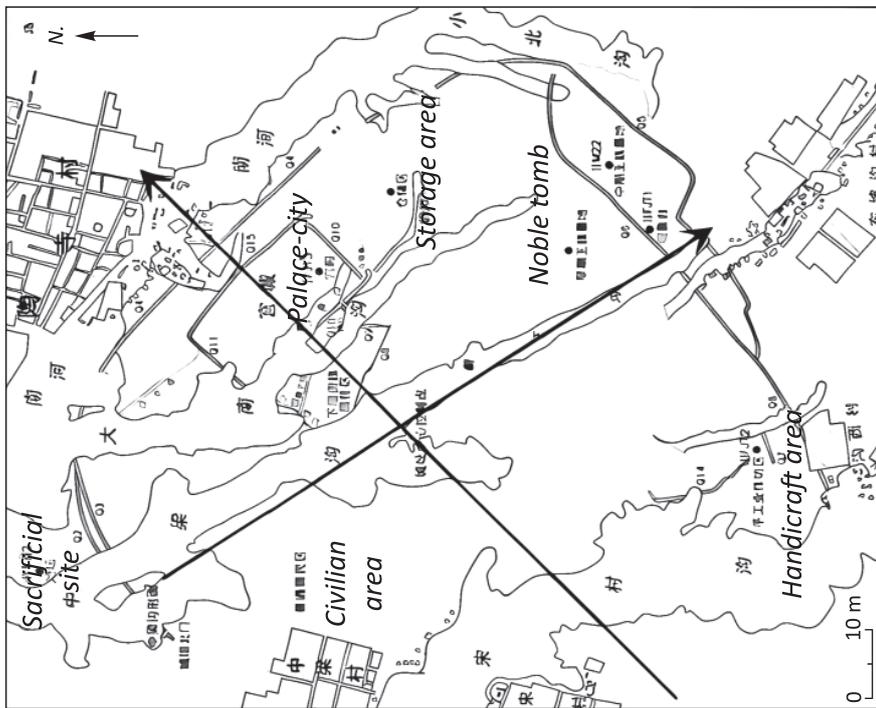


Fig. 1. Floor plan of the Taosi site (about 2300 BC) (according He Nu's scheme, researcher of the Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences [14])

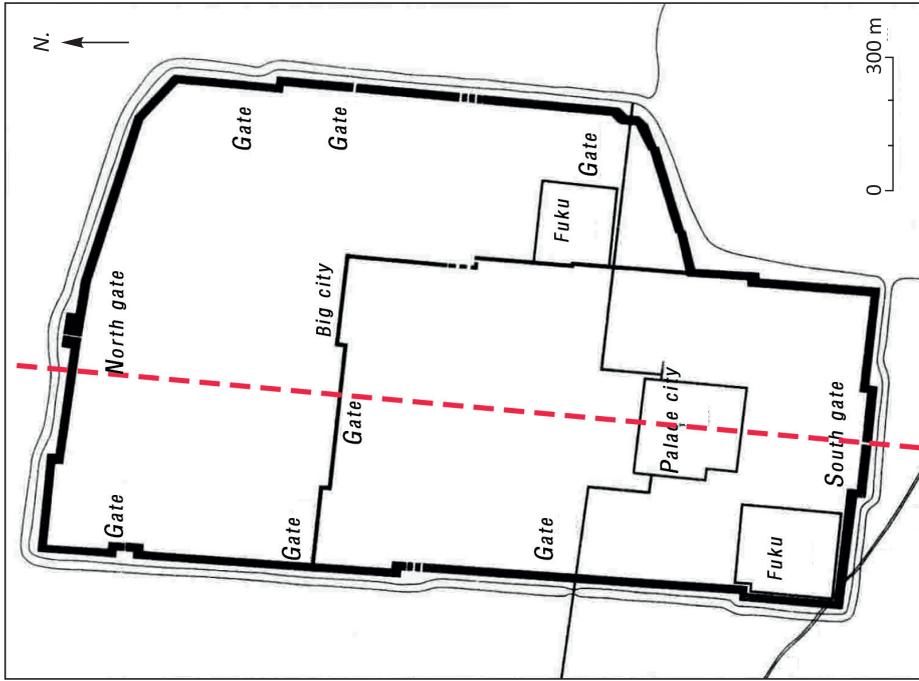


Fig. 4. Floor plan of Yanshi City site

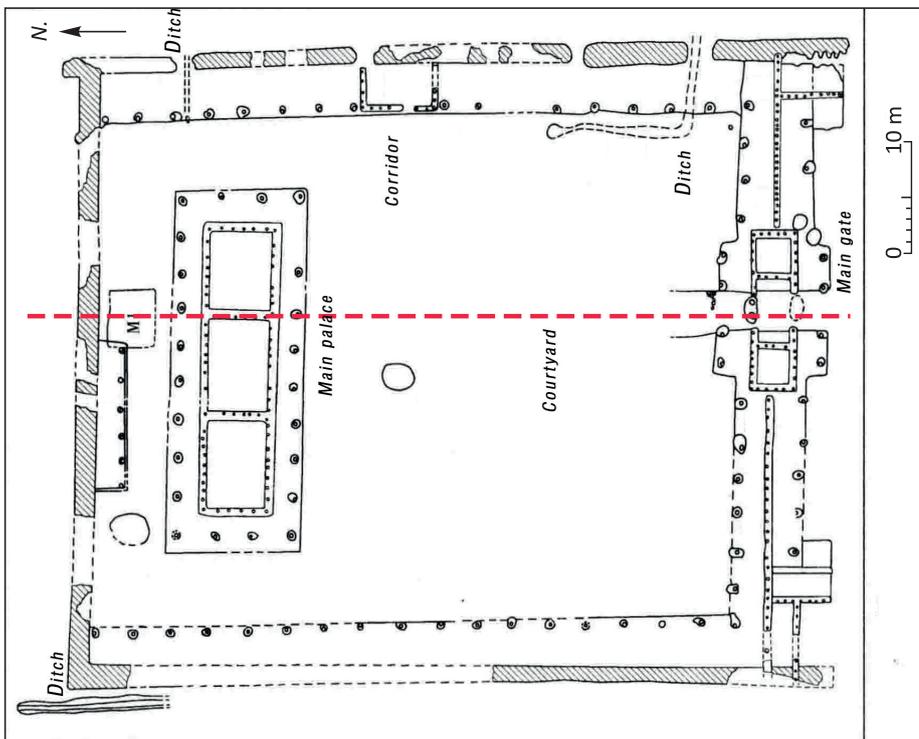


Fig. 3. Plan of ancestral temple of a ruling house of Erlitou site

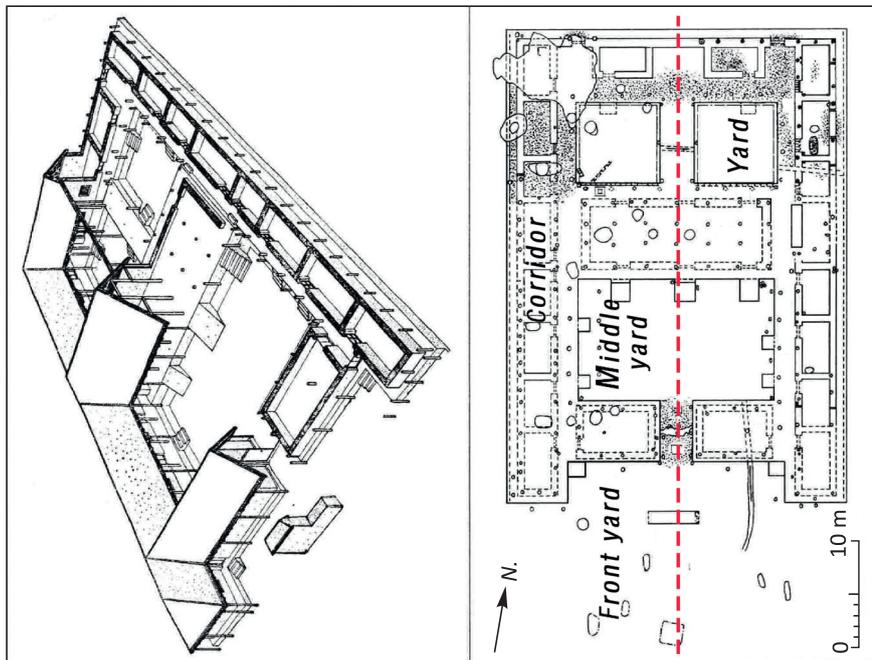


Fig. 5. Base site plan and restoration diagram of large rammed buildings platform in Feng Chu

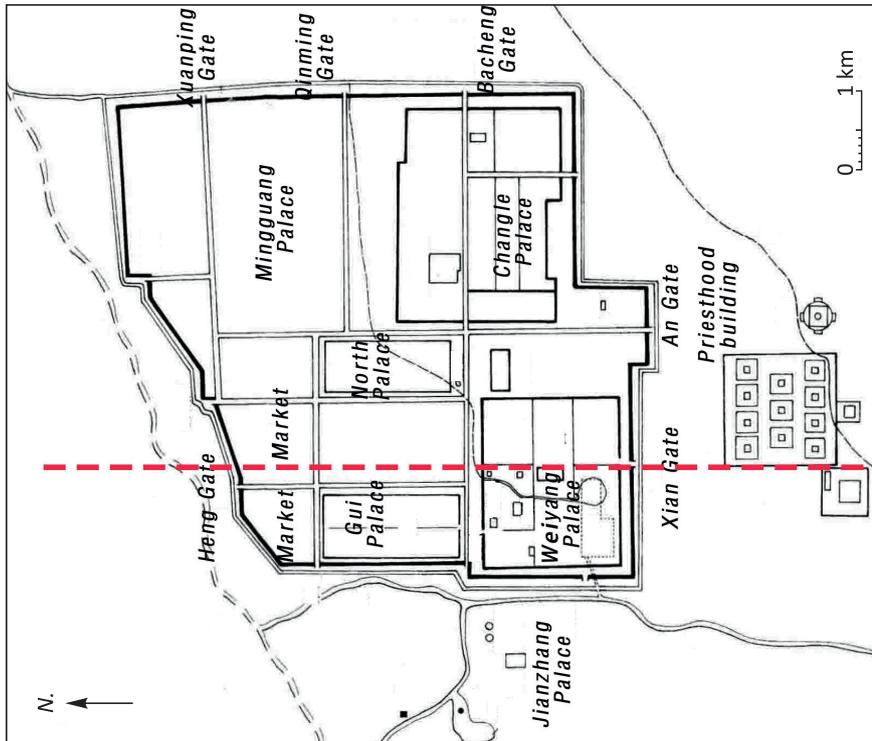


Fig. 6. Plan of the Chang'an City sites of the Western Han dynasty

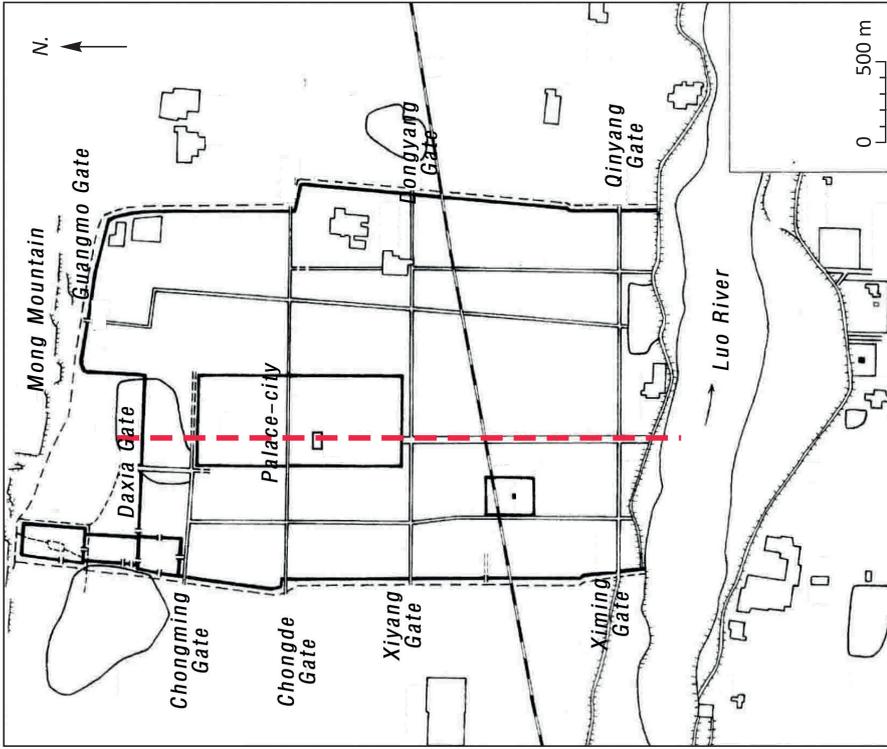


Fig. 8. Floor plan of the Luoyang City site of the Northern Wei dynasty

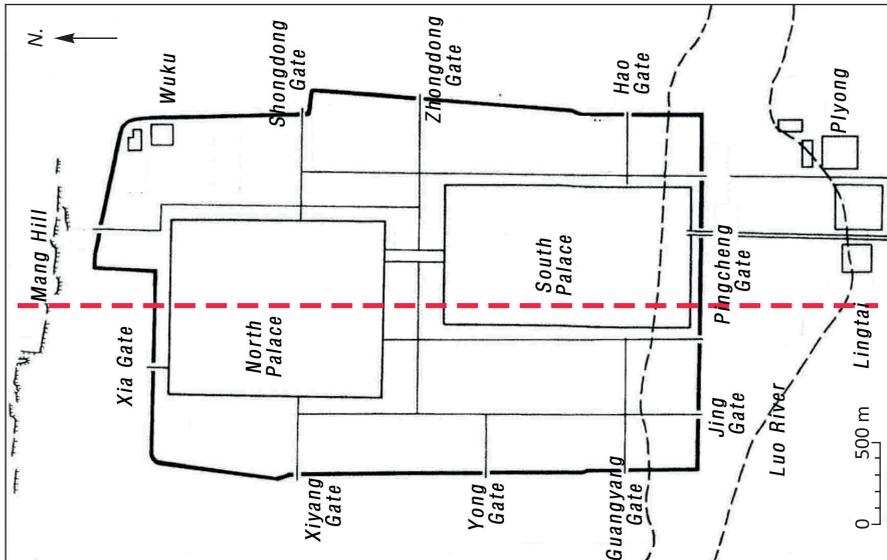


Fig. 7. Floor plan of Luoyang City site in the Eastern Han dynasty

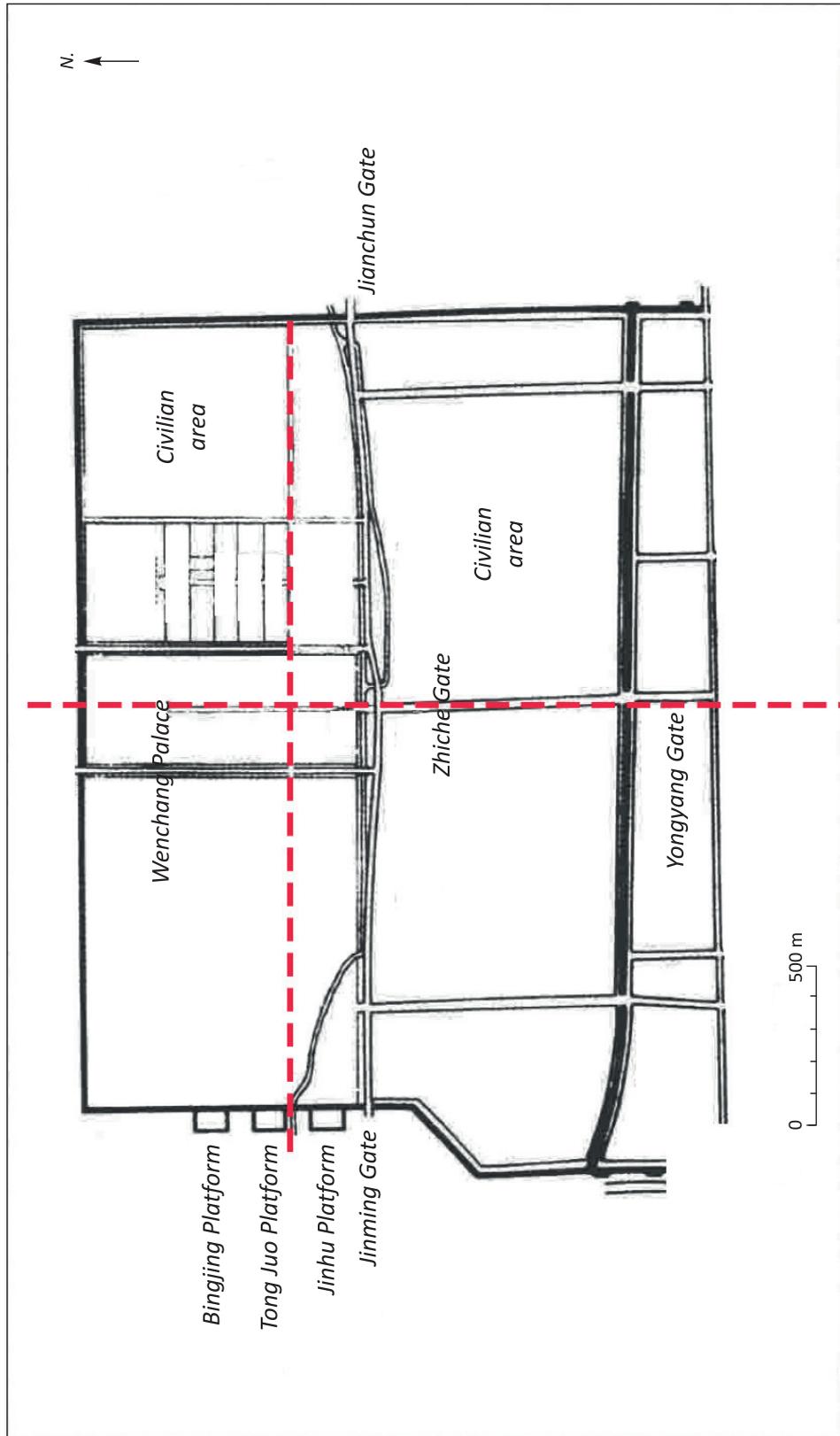


Fig. 9. Floor plan of the Ye City site of Cao Wei

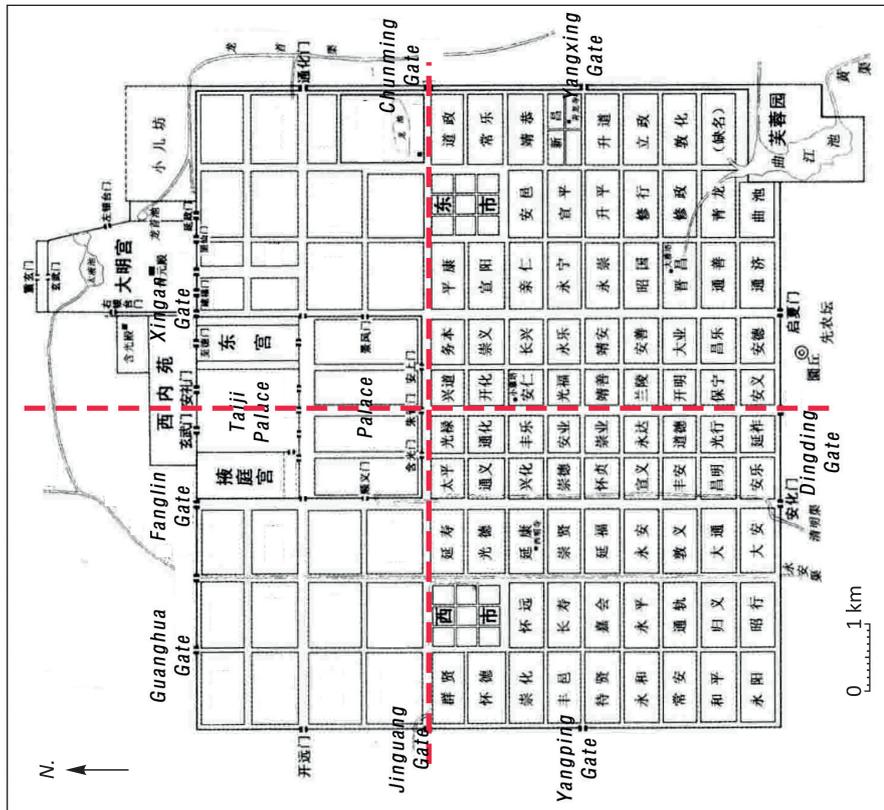


Fig. 10. Floor plan of Chang'an City ruins in the Sui and Tang dynasties

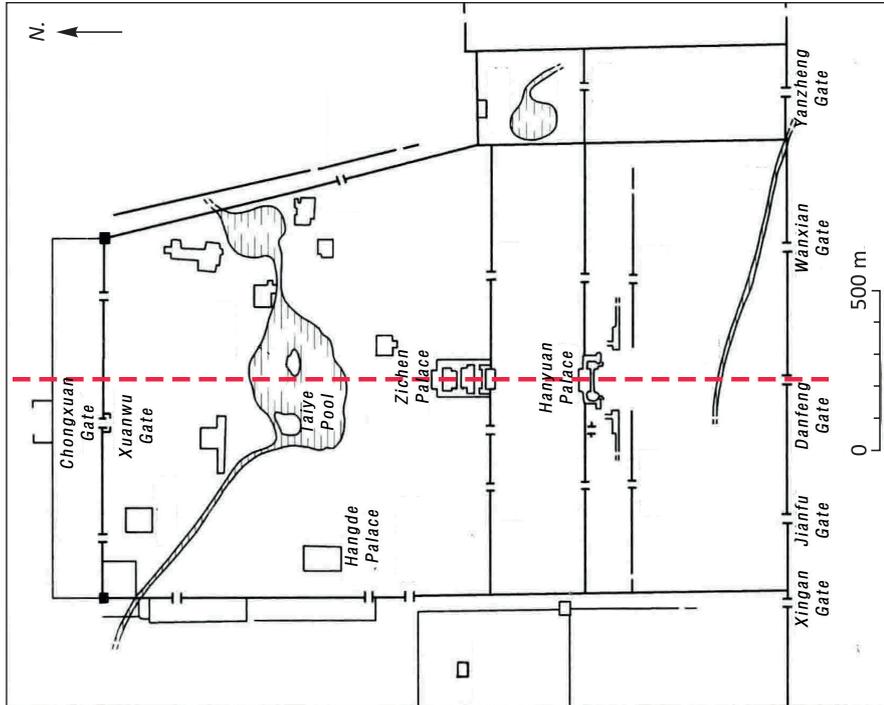


Fig. 11. Floor plan of Daming Palace site

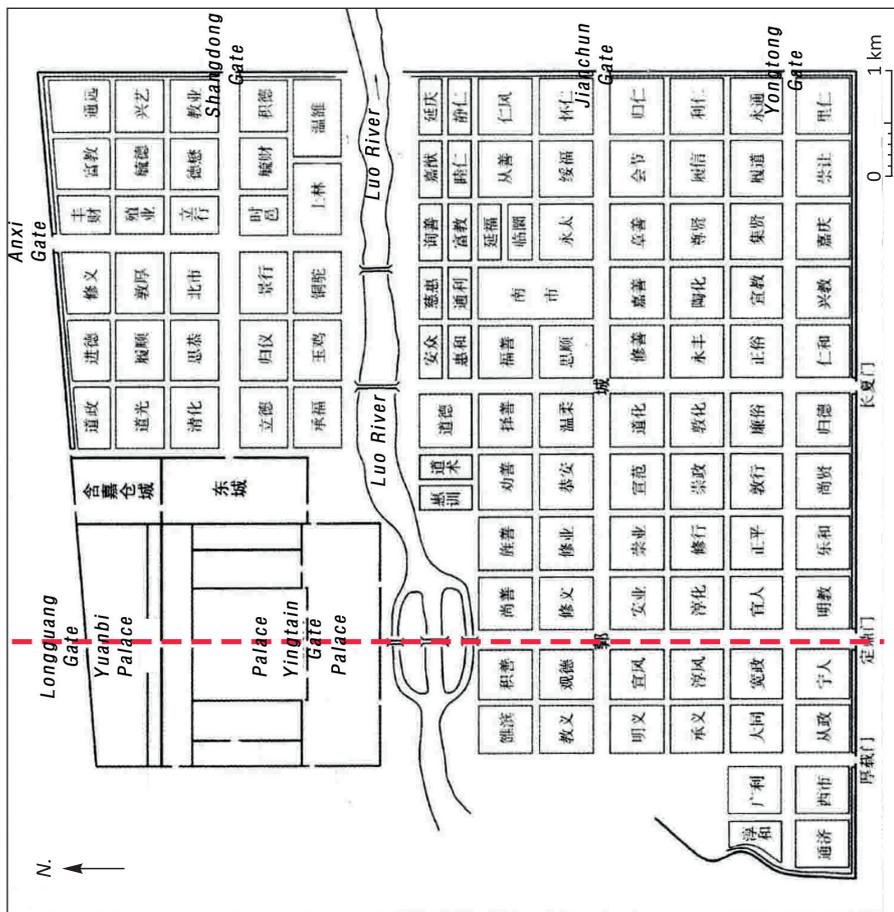


Fig. 12. Floor plan of Luoyang City site of Tang dynasty

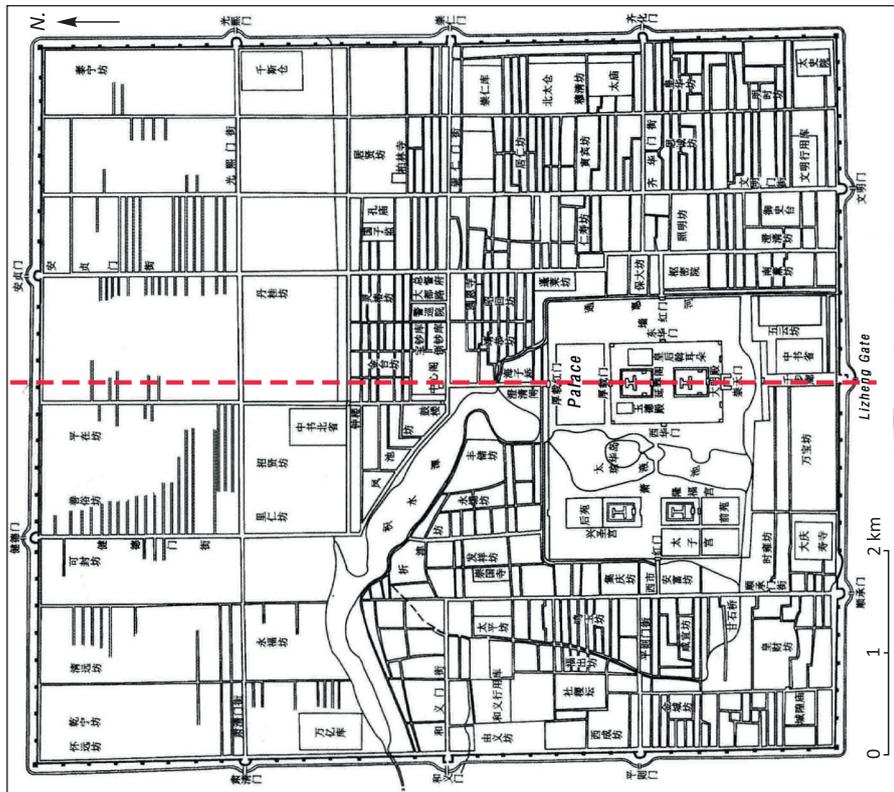


Fig. 13. Floor plan of Dadu City site of Yuan dynasty

At the end of the Eastern Han dynasty, great minister Dong Zhuo (?–192 AD) moved Emperor Xian (181–234 AD) from Luoyang to the west towards Chang'an City, and the Luoyang Palace was destroyed in the war [28, p. 87]. Emperor Ming of Wei dynasty (206–239 AD) rebuilt the capital on the ruins of old Luoyang in the Eastern Han dynasty and built the new Luoyang Palace. Luoyang Palace was a large-scale construction, the emperor built the Zhaoyang and Taiji palaces [28, p. 351]. There were still some names such as South Palace and North Palace in the ancient literature for the imperial cities of the Western Jin and Northern Wei dynasties or later [11, p. 211]. Therefore, it is generally believed, that the palace city in the Wei and Jin dynasties followed the old system of the confrontation between the south and north of the city of Han dynasty, and a single palace-city was formed in the Northern Wei dynasty (see fig. 8, insert). Relevant archaeological materials showed that the palace-city of the Northern Wei dynasty was used, while the Wei and Jin dynasties was built at the former place of the North Palace of the Han dynasty [29, p. 47]. It can be inferred that the Luoyang Palace of Cao Wei was a single palace system, which had been rebuilt in the northern part of Luoyang of Han dynasty. Because the palace-city was built at the place of the North Palace of the Han dynasty, it is located in the middle of the northern part of Luoyang City, and the Taiji Palace and Changhe Gate were also located in the west of the palace-city and the west of the south wall of the palace respectively. In this way, the Central Axis of the palace formed by the Taiji Palace and the Changhe Gate is obviously not in the middle of the city wall. It is the main road of Changhe South Street (Tongtuo Street) in Luoyang City, and leads south to Xuanyang Gate in the middle of the south city wall, thus forming the Central Axis of Luoyang City, which is obviously not in the middle but close to the west of the city.

In the overall layout of the city in the Eastern Han dynasty, because the South and North palaces were the main palaces, so the layout of the Central Axis appeared. The north-south prospect from Nangong Gate to Pingcheng Gate is not in the middle of the whole city, but it is the actual axis of Luoyang City in the Eastern Han dynasty. It seems that the city axis at that time was not the middle line of the whole city, but determined by the main palace. The road from the main palace to the south gate of the palace and its extension to the south was the axis of the city at that time.

The main palace of the Luoyang City of the Han and Wei dynasties was located in the middle of the north part of the city, while the ancestor temple was located in the south of the city. Such structure reflects not only the emperor's thought of a universal center, but also reflects the prominence of the imperial power and the decline of the worship of emperor's family.

**The Central Axis of the Ye City site of Cao Wei dynasty.** The Ye City is the ancient capital of Cao Wei (220–266 AD), Hou Zhao (319–351 AD), Ran Wei (350–352 AD),

Qian Yan (337–370 AD), Eastern Wei (534–550 AD) and Northern Qi (550–577 AD), occupying an important position in the development history of ancient Chinese capitals. The Ye City site is located in Santai Village, 17.5 km west of modern Linzhang County, Hebei Province.

In the ninth year of Jian'an (204 AD), Emperor Cao Cao (155–220 AD) built the Ye City, one of the five capitals of Cao Wei, whose Central Axis showed a new situation in the middle of the capitals. According to the modern investigation, the city site of Ye City was roughly east and west rectangular, and the north section of the west city wall was located in the three military camps named Tongjue, Jinhu and Bingjing, among which the platform-foundation sites of Tongjue and Jinhu were still preserved on the ground [30–32]. In the middle of the city site north of the east-west prospect, 10 buildings on rammed earth platforms, distributed on the east-west sides of Guangde Gate Prospect, should be the palace area. According to professor from the Institute of Archaeology of the Chinese Academy of Social Science Xu Guangji recovery research, the west is the outside palace, the east is the inside palace, the outer palace is the Wenchang Palace, the south of the palace, the south is the gate, the exit gate is the Zhongyang Gate Prospect [33]. Field survey, Zhongyang Gate Prospect was 730 m long and 17 m wide, which is the widest road in Ye City site. According to this, Zhongyang Gate Prospect is opposite to the Zhiche Gate and Wenchang Palace, forming the Central Axis of the city. This axis is located exactly in the middle of the city, and is symmetrical parallel to Guangyang Gate Prospect and Fengyang Gate.

Since the north city of Ye City was a new capital, which can be planned without any restriction, it had the ability to create the Central Axis and achieve a relatively strict layout system. The south city of Ye City was newly built close to the south side of Ye City (see fig. 9, insert).

From Jianchun Gate to Jinming Gate is the east-west axis, which is fully in line with the planning concept of the selection of the center of the capital, and has a profound influence on the descendants of Beijing in the Ming and Qing dynasties.

**The Central Axis of the Chang'an City site in the Sui and Tang dynasties.** At the beginning of the Sui dynasty (581–618 AD), the former site of Chang'an City in the Han dynasty became the capital again. In the second year of Emperor Huan (582 AD), he made new capital with minister Yu Wenkai as the chief designer, a total area of 83.1 km<sup>2</sup>, soon it was the largest city in the world that time (see fig. 10, insert).

It's possible to stress that the layout of the Central Axis of the capital reached the ultimate scale in the Sui dynasty (581–618 AD) and Tang dynasty (618–907 AD). After the Sui dynasty destroyed the Northern Zhou dynasty (557–681 AD), a new capital city was built in the southeast of Chang'an City of the Han dynasty. The famous architect Yu Wenkai was responsible for the planning and construction. The plan of Chang'an City in Sui and Tang dynasties was rectangular, divided into outer

city, palace city and imperial city, which is located in the center of the north of outer city. The middle of the palace city was the Taiji Palace. The main palace was located in the middle of the south palace area, opposite to the main gate of the palace, forming the Central Axis of the palace. The imperial city was located in the south of the palace-city, across the horizontal street and without the north wall, for the seat of the central government office. Mingde Gate was the main gate to the south of the city, north to the gate of the imperial city. North-south Street, leading to Mingde Gate, was the widest street, reaching 155 m, as the central axis of the city.

Daming Palace was located in the northeast of outer city. It was built in the eighth year of Zhenguan (635 AD) of Emperor Taizong (599–649 AD) of the Tang dynasty, and was rebuilt in the second year of Longshuo (662 AD), and moved the government in the following year. Since then, the Daming Palace replaced the position of Taiji Palace as main emperor's palace and became the main place for the Tang emperors to obey the government, called «East Inner» (see fig. 11, insert).

The site of Daming Palace was obviously formed a Central Axis layout with Danfeng Gate, Hanyuan Palace, Xuan Zheng Palace, Zichen Palace, Taiye Pool and Xuanwu Gate as the core. The whole city sits from north to south, the Chengtian Gate, imperial city, outside wall, Mingde Gate as the north-south axis, palace-city, the imperial city is located in the north of the central position.

The planning layout of Chang'an City in the Sui and Tang dynasties was rigorous, forming a Central Axis with the palace-city as the core and connecting the important architectural facilities of the capital. The planning layout was clear, which fully reflected the ruling thought of the feudal emperor building of a universal center. It had an important influence on the capital planning of later generations, and had had a profound influence on the capital planning of East Asia.

**The Central Axis of Luoyang City site in the Sui and Tang dynasties.** The Luoyang City site of the Sui dy-

nasty (581–618 AD) and Tang dynasty (618–907 AD) are located in the city and suburbs of modern Luoyang City, Henan Province, across both sides of the Luo River. Mang Mountain in the north, the Chan River in the east, Jian River in the west, Luo River flows through it.

The outer wall was slightly nearly square. The Tang dynasty plan was slightly rectangular. The city wall is about 15–20 m wide, with rammed construction, inside and outside brick laying. In the middle of the south wall, the Ying Gate (Sui Ming Tian Gate), the Mingde Gate in the east (Sui Mingxing Gate), the Changle Gate in the west (Sui Ming Guangzheng Gate) and the Xuanwu Gate on the north wall, and the Jiayu Gate on the west wall [34; 35]. The imperial city revolves around the east, south and west sides of the palace-city, called Taiyi City, which is formed between the east and west sides and the palace-city (see fig. 12, insert).

From the existing archaeological data combined with documents, Luoyang Palace axis layout is clear, namely from south to north should be Dingding Gate, Guan Gate, Yingtian Gate, main palace. Ming Hall, Xuanwu Gate, Yuanbi Palace, Longguang Gate.

**The Central Axis of the Yuan Dadu site.** The capital of Yuan dynasty (1271–1368 AD) was located in the north part of modern Beijing. The plan shape of the great capital is north-south vertical rectangular (see fig. 13, insert).

The city structure formed by the Central Axis with Chongtian Gate, Daming Palace, Yanchun Pavilion, Houzai Gate as the core had a great impact on the Ming dynasty (1368–1644 AD) and Qing dynasty (1636–1912 AD).

The Central Axis planning and design of Yuan Dadu follows the Central Axis planning concept of the previous dynasty, and the planning was more detailed, which had a direct impact on the later Ming and Qing dynasties, and had a profound impact on the planning of Beijing today. The design of the Central Axis of Yuan Dadu is still in use today, and it has become the main factor for the Central Axis of Beijing to apply for world cultural heritage.

## Conclusions

The Central Axis is an important principle in the planning of ancient Chinese capital cities. The following conclusions are:

1) the generation of the concept of Central Axis is based on the ancient Chinese worship of the natural Universe, the ancient view of time and space, and the habit of people living in the north hemisphere, the most important was the emperor in the choice and the ethics, and the next is the influence of royal power and regulation;

2) the development of the concept of Central Axis of the ancient Chinese capital was not a straight rise, but a spiral. The Central Axis of settlements and capitals in the Xia, Shang and Zhou dynasties developed obviously, while the Central Axis of Chang'an in the Western Han dynasty was not very standardised due to objective rea-

sons, and reached its peak in the Chang'an City in the Sui and Tang dynasties;

3) the emergence, development and change of the Central Axis of ancient Chinese capital is the most obvious embodiment of the development and change characteristics of ancient Chinese capital, and also the external expression of the development of national management mode from ancient times to the present. The Central Axis concept is the most obvious characteristic of ancient Chinese capitals, the idea of the Central Axis was originated in the early development of the society of slavery, represented by palace of a ruler and ancestral temple of emperor's family, later in the early feudal society of Han, representation was stressed on palace accompanied by temple of imperial power. It shows the strengthening of a state power in Ancient China.

## References

1. Li Zizhi. [Central axis of ancient Chinese capital city]. *Archaeology and Cultural Relics*. 2004;4:33–42. Chinese.
2. Zhou Runshan. [On the layout of the Central Axis of the ancient capital city of China]. *Lishi Zhaxue*. 2007;3:29. Chinese.
3. Chen Aiping. [On the development of the Central Axis of the ancient Chinese capital city]. *Journal of Tanzhou University*. 2004;3:24. Chinese.
4. Wang Guixiang. [A brief discussion on ancient Chinese garden and capitals]. *Zijincheng Xuehui Hui Kan*. 2007;531:79. Chinese.
5. Chen Jing. [The development and traceability of the Central Axis of the ancient capital]. *Chinese Cultural Heritage*. 2000;6:21. Chinese.
6. Liu Qingzhu. [Several problems in the archaeology of ancient Chinese palace]. *Cultural Relics*. 1998;3:49–57. Chinese.
7. Liu Qingzhu. [Archaeological discovery and research of the palace and temple ruins of the ancient Chinese capital]. In: Guo Yiwen, editor. *Gudu wen dao* [Ask the ancient capital]. Beijing: Chinese Social Miscellaneous Company; 2015. p. 238–256. (Zhongguo Shehui Kexueyuan Xuebu Weiyuan Zhuanti Wenji). Chinese.
8. Li Xueqin, editor. *Qinghua daxue Zang Zhanguo zhujian. Juanshu 2* [Warring States Bamboo Slips Collected by Tsinghua University. Volume 2]. Shanghai: Chinese and Western Book Company; 2010. 280 p. Chinese.
9. Feng Shi. *Wenming yi zhi: shanggu de tianwen, sixiang yu zhidu* [Beyond civilisation: ancient astronomy, thought and system]. Beijing: Chinese Social Sciences Press Company; 2018. 643 p. Chinese.
10. Yuan Guangkuo. The ancient Heji region and the formation of shed countries. *Zhongyuan Wenhua Yanjiu*. 2013;5:53–58. Chinese.
11. Sima Qian. *Shiji* [Historical records]. Shanghai: Zhonghua Book Company; 1959. 3356 p. Chinese.
12. Dong Jianhong. *Zhongguo chengshi jianshe shi* [The history of urban construction in China]. 3<sup>rd</sup> edition. Beijing: Chinese Construction Industry Press Company; 2004. 450 p. Chinese.
13. He Yeju. The history of ancient Chinese urban planning. Beijing: China Architecture and Building Industry Press; 1996. 678. p. Chinese.
14. He Nu. [The contribution of Taosi culture to Chinese civilisation]. *Nanfang Wenwu*. 2020 March:22–46. Chinese.
15. Zheng Guang, Zhao Zhiquan. [The No. 2 Erlitou Palace site, Yanshi City, Henan Province]. *Kaogu*. 1983;3:31. Chinese.
16. Zhao Zhiquan. *Yan shi er litou: 1959–1978 Nian kaogu fajue baogao* [Yanshi Erlitou: report on archaeological excavations from 1959 to 1978]. Beijing: Encyclopedia of China Publishing House; 1999. 594 p. Chinese.
17. Xu Hong, Zhao Haitao. [Investigation and excavation of Erlitou site palace city and palace area outer roads in Yanshi City, Henan Province]. *Kaogu*. 2004;11:26–33. Chinese.
18. Wang Xuerong. *Henan yan shi shangcheng yizhi de kaogu fajue yu yanjiu shuping* [A review of the archaeological excavations and research of the Yanshi Mall site, Henan Province]. Beijing: Chinese Social Sciences Company; 1997. 649 p. Chinese. (Archaeological knowledge collection.)
19. Zhao Zhiquan. [Introduction to architecture of Yanshi City, 1983–1999]. *Huaxia Archaeology*. 2001;2:76–79 Chinese.
20. Lei Xingshan. [Bulletin on excavation of West Zhou building base site in Fengchu Village, Qishan, Shaanxi Province]. *Cultural Relics*. 1979;10:27–37. Chinese.
21. Liu Qingzhu. [Research on the archaeological discovery and related problems of Han Chang'an, Han dynasty – commemorates the forty years of Chang'an, Han dynasty]. *Kaogu*. 1996;10:27–49 Chinese.
22. Liu Qingzhu. [A preliminary discussion on the layout of Weiyang Palace in Chang'an City, Han dynasty]. *Kaogu*. 1995;12:46–59. Chinese.
23. Yan Wenru. [City site of Luoyang in Han, Wei, Sui and Tang dynasties]. *Acta Archaeological Sinica*. 1955;9:117–121. Chinese.
24. Duan Pengqi, Qian Guoxiang. [Preliminary exploration of Luoyang City, Han and Wei dynasties]. *Kaogu*. 1973;4:209–217. Chinese.
25. Duan Pengqi, Qian Guoxiang. [Lingtai Site in the Southern suburb of Luoyang, Han and Wei dynasties]. *Kaogu*. 1978;1:54–57. Chinese.
26. Qian Guoxiang, Guo Xiaotao. [Exploration of Guocheng and Waterway outside Luoyang in the Northern Wei dynasty]. *Kaogu*. 1993;7:37–39. Chinese.
27. Qian Guoxiang, Guo Xiaotao. [Excavation of Luoyang Old City Wall in the Han and Wei dynasties]. *Kaogu*. 1998;3:1–15. Chinese.
28. Fanye. *Houhan shu xiandi ji* [Book of the Later Han dynasty]. Beijing: Zhonghua Book Company; 1965. 3678 p. Chinese.
29. Qian Guoxiang. [The form system of Han and Wei Luoyang Palace]. *Kaogu*. 2003;7:47–61. Chinese.
30. Yu Weichao. [Ye City investigation]. *Kaogu*. 1963;1:23–31. Chinese.
31. Hebei Province, Linzhang County Cultural Relics and Household Protection Research Institute. [Ye City Archaeological Investigation and Drilling Bulletin]. *Zhongyuan Wenwu*. 1983;4:77–89. Chinese.
32. Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, and Yecheng Archaeological Team of Hebei Provincial Institute of Cultural Relics. [Brief exploration and excavation of Yebei City site in Linzhang, Hebei]. *Kaogu*. 1990;7:231–250. Chinese.
33. Xu Guangji. *Caowei ye cheng de pingmian fuyuan yanjiu* [Plane restoration of Ye City]. Beijing: Science Press Company; 1995. 117 p. Chinese. (Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, editor. Chinese archaeology collection – commemoration of the 40<sup>th</sup> anniversary of the Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences.)
34. Luoyang Cultural Relics Task Force. [Excavation bulletin of Ying Tian Gate site]. *Zhongyuan Wenwu*. 1988;3:36–60. Chinese.
35. Wang Shengxi, Liu Jiayi. [Luoyang archaeology and Ying Tian gate east site]. *Guangming Ribao. Guangming Daily*. 2021 January 15;4. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2023.  
Received by editorial board 04.03.2023.

## ПРОБЛЕМА ОТПУСКОВ И КОМАНДИРОВОК ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. СТАРОСТЕНКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема отпусков и командировок православного военного духовенства в годы Первой мировой войны. В ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства понимали, что длительное нахождение на фронте было испытанием физических и моральных сил священнослужителей, и признавали за ними право на отдых. На протяжении войны уточнялось, при соблюдении каких условий временный уход пастыря не будет вреден для религиозно-просветительской работы: было определено, кто должен давать разрешение на отпуск, какие сроки отлучек допускаются, сколько священников одновременно могут покинуть дивизию. Также не отрицалась важность служебных командировок для приобретения литературы и предметов, необходимых для богослужения. Анализ официальных документов и переписок показал, что на протяжении войны некоторые православные военные священники позволяли себе отпуска и служебные командировки с нарушением установленного порядка. Это, в свою очередь, обнажило беспорядок благочинных в вопросах отпусков и командировок священников, а также частое игнорирование их начальственных прав командирами и главными врачами. Отмечается, что после Февральской революции в ведомстве протопресвитера на некоторое время был введен запрет на отпуска, однако проблема не исчезла. Ее решение обсуждалось на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства в Могилёве в июле 1917 г. Делается вывод о том, что злоупотребления отпусками и командировками сохранялись на протяжении войны и имели место на разных фронтах российской армии. Военно-духовное начальство было осведомлено о проблеме и пыталось урегулировать ее. Проблема, несмотря на распоряжения протопресвитера и главных священников, не была решена за время войны и стала одним из факторов снижения эффективности деятельности православного духовенства в армии. Заявленная тема ранее не становилась предметом отдельных исследований.

**Ключевые слова:** Первая мировая война; ведомство протопресвитера военного и морского духовенства; православное военное духовенство; отпуск; командировка; действующая армия; съезды военного духовенства.

## ПРАБЛЕМА АДПУСКОЎ І КАМАНДЗІРОВАК ПРАВАСЛАЎНАГА ДУХАВЕНСТВА ДЗЕЮЧАЙ РАСІЙСКОЙ АРМІІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Э. В. СТАРАСЦЕНКА<sup>1\*</sup>

<sup>1\*</sup>Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца праблема водпускоў і камандзіровак праваслаўнага ваеннага духавенства ў гады Першай сусветнай вайны. У ведамстве протапрэсвітэра ваеннага і марскога духавенства разумелі, што працяглае знаходжанне на фронце было выпрабаваннем фізічных і маральных сіл святароў, і прызнавалі за імі права на адпачынак. На працягу вайны ўдакладнялася, пры выкананні якіх умоў часовае адсутнасць пастыра не будзе шкоднай для рэлігійна-асветнай працы:

### Образец цитирования:

Старостенко ЭВ. Проблема отпусков и командировок православного духовенства действующей российской армии в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:57–64. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-57-64>  
EDN: ZMKRBB

### For citation:

Starostenko EV. The problem of vacations and business trip of the Orthodox clergies of the active Russian army during the World War I. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3:57–64. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-57-64>  
EDN: ZMKRBB

### Автор:

**Элеонора Викторовна Старостенко** – кандидат исторических наук, доцент; докторант кафедры истории России исторического факультета.

### Author:

**Eleonora V. Starostenko**, PhD (history), docent; doctoral student at the department of Russian history, faculty of history.  
[eleonorastarostenko@mail.ru](mailto:eleonorastarostenko@mail.ru)  
<https://orcid.org/0000-0002-2864-7928>

было вызначана, хто павінен даваць дазвол на водпуск, якія тэрміны адлучак дапускаюцца, колькі святароў адначасова могуць пакідаць дывізію. Таксама не адмаўлялася важнасць службовых камандзіровак для набывання літаратуры і прадметаў, неабходных для набажэнства. Аналіз афіцыйных дакументаў і перапісак паказаў, што на працягу вайны некаторыя праваслаўныя ваенныя святары дазвалялі сабе адпачынку і службовыя камандзіроўкі з парушэннем усталяванага парадку. Гэта, у сваю чаргу, агаліла бяспраўе благачынных у пытаннях адпачынкаў і камандзіровак святароў, а таксама частае ігнараванне іх начальніцкіх правоў камандзірамі і галоўнымі лекарамі. Адзначаецца, што пасля Лютаўскай рэвалюцыі ў ведамстве протапрэсвітэра на некаторы час была ўведзена забарона на водпускі, але праблему гэта не вырашала. Яе рашэнне абмяркоўвалася на Другім Усерасійскім з'ездзе ваеннага і марскога духавенства ў Магілёве ў ліпені 1917 г. Зроблена выснова аб тым, што злоўжыванні адлучкамі захоўваліся і мелі месца на працягу вайны на розных франтах расійскай арміі. Ваенна-духоўнае начальства ведала аб праблеме і спрабавала ўрэгуляваць яе. Праблема, нягледзячы на загады протапрэсвітэра, не была вырашана за час вайны і стала адным з фактараў зніжэння эфектыўнасці дзейнасці праваслаўнага духавенства ў арміі. Заяўленая тэма раней не становілася прадметам асобных даследаванняў.

**Ключавыя словы:** Першая сусветная вайна; ведамства протапрэсвітэра ваеннага і марскога духавенства; праваслаўнае ваеннае духавенства; водпуск; камандзіроўка; дзеючая армія; з'езды ваеннага духавенства.

## THE PROBLEM OF VACATIONS AND BUSINESS TRIP OF THE ORTHODOX CLERGIES OF THE ACTIVE RUSSIAN ARMY DURING THE WORLD WAR I

E. V. STAROSTENKO<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk, 220030, Belarus

During the World War I, the department of the military and naval clergy faced the problem of vacations and business trips of priests from the active Russian army. The department of the protopresbyter understood that a long stay at the front was a test of the physical and moral strength of the priests and recognised their right to rest: during the war, it was clarified under what conditions the temporary departure of the pastor would not be harmful to the religious and educational work. It was determined who should give permission for vacation, what periods of absence were allowed, how many priests could leave the division at a time. Also, the importance of business trips for the acquisition of literature and the necessary for the performance of worship was not denied. However, an analysis of official documents and correspondence in the department of the military and naval clergy showed that during the war some orthodox military priests allowed themselves vacations and business trips in violation of the established order. This, in turn, exposed one of the imperfections of the military clergy management system – the lack of rights of the deans in matters of allowing holidays for priests, the frequent disregard of their authority rights by commanders and chief doctors. After the February Revolution, for some time, a ban on holidays was introduced in the office of the protopresbyter. However, despite the measures taken, the problem has not disappeared. It's preservation led to a discussion of the phenomenon at the 2<sup>nd</sup> All-Russian congress of the military and naval clergy in Mogilev in 1917 July. The author concludes that the abuse of absenteeism persisted throughout the war and took place on different fronts of the Russian army. The military spiritual authorities were aware of the problem and tried to resolve it by available means. The situation, despite the orders of the protopresbyter and chief priests, decisions of meetings and congresses, was not resolved during the war and affected the decrease in the efficiency of the orthodox military clergy in the army. The stated topic has not previously become the subject of separate studies.

**Keywords:** World War I; office of the protopresbyter of the military and naval clergy; orthodox military clergy; vacation; business trip; army; congresses of the military clergy.

### Введение

Первая мировая война стала серьезным испытанием для института православного военного духовенства. В своих воспоминаниях протопресвитер Г. Шавельский положительно оценивал деятельность подчиненных ему священников [1, с. 98; 2, с. 377–378]. В рядах военного духовенства было значительное число пастырей, понимающих значимость возложенных на них функций и исполняющих их. Однако были и те, кто в годы войны не оправдал своего звания. Архивные документы свидетельствуют о том, что

служба военных священников в 1914–1917 гг. сопровождалась негативными явлениями. Так, некоторые военные священники уклонялись от исполнения обязанностей, не обладали достаточной образованностью, не понимали особенностей взаимодействия с военнослужащими и специфику работы в военной обстановке, имели низкие моральные качества (были склонны к пьянству, карточным играм, сутяжничеству и проявляли неуживчивость). В данной статье предлагается рассмотреть одно из таких

негативных явлений, а именно злоупотребление отпусками и командировками православных военных пастырей действующей армии.

Деятельность православного военного духовенства в армии была сопряжена с физическими и психологическими нагрузками. Тяжесть походной жизни, присутствие при жестоких боях вынуждали военных священников спустя некоторое время обращаться к вышестоящим лицам с ходатайствами об отпусках. Однако временное отсутствие представителей военного духовенства не должно было нарушать религиозное обслуживание армии и прерывать проводимую ими воспитательную и идеологическую работу. Поэтому в ведомстве протопресвитера на протяжении войны происходило уточнение условий, при соблюдении которых военные священники могут увольняться в отпуски. При этом обращают на себя внимание случаи злоупотребления такой возможностью. Они говорят о непонимании некоторыми священниками важности возложенных на них задач (поддержание патриотических настрое-

ний и морального духа, просветительная и воспитательная работа, совершение обрядов в боевых условиях), их несоответствии занимаемой должности, а также о несовершенстве системы предоставления отпусков и командировок и контроля за отлучками в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства.

Целью статьи является рассмотрение проблемы отпусков и командировок священников действующей российской армии во время Первой мировой войны. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализированы официальные документы, регламентировавшие предоставление священнослужителям действующей армии отпусков; выявлены сложности в процессе увольнения священников в отпуски и командировки, а также меры, предпринимаемые для их решения; установлено влияние частых отлучек на эффективность деятельности православного военного священника. Указанная проблема ранее не становилась предметом специальных исследований.

### Методология исследования

В ходе подготовки статьи использовались архивные материалы, в частности документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА). Источниковая база представлена циркулярами протопресвитера и распоряжениями главных священников армий фронтов, рапортами и донесениями благочинных, входящими документами от командиров полков и командующих дивизий, главных врачей, прошениями священнослужителей, протоколами братских собраний и съездов православного военного духовенства. При подготовке исследова-

ния автор руководствовался базовыми принципами научных исследований – принципами историзма, объективности, конкретности и всесторонности. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, структурный и функциональный анализ) методы исследования. Применение указанной методологии и привлечение разнообразного фактологического материала позволили решить поставленные в исследовании задачи.

### Основная часть

Вскоре после начала боевых действий на имя протопресвитера, главных священников и благочинных стали поступать прошения пастырей действующей армии о непродолжительном отдыхе. Первые меры поддержки таких священников были предложены уже в феврале 1915 г.: протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский издал циркуляр благочинным действующей армии, в котором признавал, что продолжительная война утомила военных священников и они нуждаются в отдыхе. Чтобы пастырское обслуживание полка не страдало, он предоставил благочинным право на время менять местами полковых и лазаретных священников. О перемещении пастыря благочинный был обязан сообщить главному священнику фронта<sup>1</sup>. Но эти меры были недостаточными. Основной возможностью для временного отдыха стали отпуски.

Циркуляр «Духовенству воинских частей действующей армии», датированный 14 сентября 1915 г., разрешил благочинным предоставлять священникам двухнедельные отпуски, поручая на это время их обязанности пастырям соседних полков и лазаретов. Уже тогда от духовного начальства требовали проявлять осмотрительность, не допускать единовременного увольнения более одного священнослужителя из дивизии и не разрешать отпуск во время больших праздников и боев<sup>2</sup>. Следующее уточнение содержалось в циркуляре «Духовенству действующей армии» от 29 мая 1916 г. В нем говорилось о необходимости установить между священнослужителями очередность при увольнении в отпуски. Также уточнялись дни, во время которых священник обязывался быть со своей паствой: в их числе названы Пасха, рождественские дни, Троицын день, день рождения и те-

<sup>1</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776. Л. 19.

<sup>2</sup>Руководственные указания духовенству действующей армии. 3-е изд. М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. С. 35.

зоименитства государя, полковой праздник, а также Великий пост (пока все чины части не отговели). Кроме того, не допускалось отсутствие военных священников во время боев<sup>3</sup>.

Помимо циркуляров, полевая канцелярия протопресвитера давала разъяснения духовенству. Например, в августе 1915 г. благочинный 82-й пехотной дивизии Н. Карабиневиц обращался к протопресвитеру с вопросом о том, можно ли предоставлять двухнедельные отпуска священникам дивизии с согласия командиров частей, на что 13 августа 1915 г. последовала резолюция Г. Шавельского: «Разрешается, но делать это надо с большой осторожностью, чтобы не было ущерба для дела, и не учащать»<sup>4</sup>.

Однако во время войны некоторые военные священнослужители злоупотребляли правом на отпуск и служебные командировки (используемые некоторыми лицами для решения личных вопросов). Частые отлучки священника, порой в самое неподходящее время, приводили к нарушению систематической воспитательной работы с солдатами, не способствовали поддержанию духа, религиозности и нравственности воинов. Из анализа официальных указаний и распоряжений следует, что в ведомстве протопресвитера заметили проблему. Полевая канцелярия протопресвитера 24 мая 1916 г. сообщала главному священнику Западного фронта, что, по поступившим к Г. Шавельскому сведениям, многие священники оставляли свои части во время нахождения на позициях: мотивируя свои отлучки церковными вопросами, они уезжали по личным делам<sup>5</sup>. В циркуляре протопресвитера главным священникам фронтов от 4 (14) сентября 1916 г., помимо прочего, есть информация об отлучках военного духовенства: «Прошу обратить особое внимание на участвовавшие отпуска священников, умудряющихся иногда, забыв о службе и деле, большую половину времени проводить в отпусках. Сейчас только мною получено такое сообщение об одном из первоочередных благочинных: после 3-х месячной эвакуации вернулся в декабре 1915 г.; на второй неделе Великого поста уехал в командировку в Москву, из которой вернулся только на Страстной неделе. После Фоминой недели снова уехал в семинедельный отпуск»<sup>6</sup>. Протопресвитер признавал отпуска законными и необходимыми, но злоупотребления ими считал преступными. На прошении военного священника Л. Залуцкого от 30 сентября 1916 г. Г. Шавельский 4 октября 1916 г. по-

ставил резолюцию общего характера: «В последнее время особенно участились поездки священников в отпуск. Надо положить этому предел»<sup>7</sup>.

О необходимости быть рядом с паствой и не злоупотреблять отлучками писали также главные священники фронтов. В циркуляре еще от 9 августа 1914 г. главный священник армий Юго-Западного фронта протоиерей В. Грифцов просил подчиненное ему духовенство постоянно находиться при своих частях и отлучаться лишь на короткое время в экстренных случаях и только по делам службы<sup>8</sup>. Много внимания проблеме уделено главным священником армий Западного фронта К. Богородицким. Например, 1 июля 1916 г. он писал протопресвитеру о злоупотреблении фронтовых священников (в особенности госпитальных) служебными командировками, во время которых они решали личные вопросы<sup>9</sup>. Ситуация была настолько ощутимой, что для ее урегулирования К. Богородицкий даже обращался к начальнику санитарной части Западного фронта<sup>10</sup>. В резолюции на рапорт протопресвитер сообщал о том, что главные священники объявят духовенству: командировки могут разрешаться только в случаях действительной нужды и не во время боя<sup>11</sup>.

Следует указать на еще один документ, свидетельствующий о существовании проблемы среди духовенства Западного фронта. Главный священник К. Богородицкий 31 октября 1916 г. в циркуляре благочинным пехотных дивизий писал, что многие священники злоупотребляют отпусками и командировками и «в последних проводят, забывая долг службы, чуть ли не половину времени»<sup>12</sup>. Он требовал разрешать отпуска в соответствии с циркулярным распоряжением протопресвитера от 29 мая 1916 г. при выполнении следующих условий: в случае отсутствия в дивизии священника по болезни или по иной причине отпуск разрешается не ранее возвращения выбывшего или же прибытия заместителя, если таковой будет назначен; промежуток между отпусками каждого священника должен быть не менее срока, необходимого для отпусков других священников дивизии (не менее 18 недель, с расчетом три недели отпуска для каждого священника)<sup>13</sup>. Что касалось командировок, то главный священник разрешал их лишь в исключительных случаях, причем по несложным делам предлагал отправлять не священника, а церковника, также рекомендовал поручать командируемому священнослужителю дела

<sup>3</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776. Л. 46.

<sup>4</sup>Там же. Д. 9749-Б. Л. 629.

<sup>5</sup>Там же. Д. 10572. Л. 28.

<sup>6</sup>Там же. Д. 10776. Л. 51 об.

<sup>7</sup>Там же. Д. 9997-В. Л. 938.

<sup>8</sup>Там же. Д. 9442. Л. 26.

<sup>9</sup>Там же. Д. 9994-А. Л. 1355 – 1355 об.

<sup>10</sup>Там же. Л. 1361а–1361а об.

<sup>11</sup>Там же. Л. 1355.

<sup>12</sup>Там же. Д. 10026-В. Л. 542 об.

<sup>13</sup>Там же. Л. 542 об. – 543.

других пастырей, нуждающихся в служебных поездках.

Проблема стала одной из тем совещания главных священников армий фронтов в Ставке (под председательством протопресвитера Г. Шавельского) 11–12 ноября 1916 г. В журнале совещания содержалась новая информация о порядке предоставления отпусков и командировок. Так, благочинные получали право увольнять в отпуск сроком до трех недель (ранее они могли разрешать отпуск сроком до двух недель) с соблюдением примечания к параграфу 15 руководственных указаний (в примечании речь шла о запрете отпусков в большие праздники и бои и одновременного увольнения более одного священника). Для разрешения отъезда на продолжительное время следовало обращаться к главному священнику фронта<sup>14</sup>.

В журнале есть одно очень важное указание, связанное с субординацией, а именно с подчинением рядового духовенства благочинным. Собрание постановило просить штаб Верховного главнокомандующего разъяснить командующим частей, что их священники могут быть увольняемы в командировки лишь в крайних случаях и при обязательном взаимодействии с соответствующим благочинным<sup>15</sup>. Самому духовенству предлагалось напомнить о том, что в отпуск нужно увольняться не только с согласия командира части, но и с ведома благочинного. В случае невыполнения этого условия священника ждало наказание: в первый раз – выговор с отметкой в 9-й графе послужного списка, во второй – денежный штраф до 50 руб. в пользу сирот военного духовенства, в третий – перевод на худшее место (пастырям первоочередных частей грозило перемещение во второочередные части).

Результаты совещания главных священников у протопресвитера легли в основу приказа по ведомству протопресвитера № 62 от 12 ноября 1916 г. Обращает на себя внимание информация о частых отлучках священников из воинских частей и учреждений действующей армии: «Несмотря на мои неоднократные просьбы и приказания священникам действующей армии не уезжать в отпуска без ведома благочинных, такие отлучки продолжают и нередко наносят большой ущерб делу, когда, например, сразу уезжают из дивизии два или три священника или когда госпиталь или воинская часть в горячее боевое время остаются без пастырской помощи»<sup>16</sup>. Протопресвитер обещал принять самые решительные меры к таким священникам (при этом конкретизировал, что нельзя уезжать не только без ведома, но и без разрешения благочинных или главных священников). Так, помимо взысканий, указан-

ных в журнале совещания главных священников, в циркуляре появилось еще одно, имеющее исключительный характер, – увольнение со службы.

Частое упоминание темы злоупотребления отпусками и командировками в официальных распоряжениях по ведомству протопресвитера и указаниях главных священников говорит о том, что проблема существовала на разных фронтах и вызывала обеспокоенность духовного начальства, которое считало ее вредной для религиозного обслуживания и воспитательной работы в армии и пыталось урегулировать на протяжении войны. Помимо того, информация об отлучках военных пастырей встречается в сообщениях благочинных, командиров полков, главных врачей госпиталей и лазаретов. Следует привести несколько примеров. Благочинный 2-й Сибирской стрелковой дивизии священник М. Львов 30 сентября 1915 г. сообщал протопресвитеру о частых отлучках священника 7-го Сибирского стрелкового полка И. Коровкевича: «...Иоанна Коровкевича я никогда и никуда не отпускал, и его и по настоящее время в полку нет. Правила об отпусках и распоряжения по этому ему известны. Если бы это был первый случай самовольного отъезда о. Иоанна Коровкевича, я не доносил бы об этом и не беспокоил Вас, но это уже не первый раз и является, таким образом, умышленным игнорированием установленных законов и распоряжений высшего начальства»<sup>17</sup>. Протопресвитер вынес предупреждение, пообещав при повторении подобного поступить по всей строгости. В качестве примера можно также назвать рапорт благочинного 1-й Туркестанской стрелковой бригады священника Н. Тяжелова от 24 ноября 1915 г. об увольнении в командировку священника 4-го Туркестанского стрелкового полка Е. Яржемского без его ведома. В рапорте сообщалось, что он «любит путешествовать» и не спрашивает разрешения у благочинного, а порой и у командира полка<sup>18</sup>. Командир 4-го Донского казачьего полка сообщал 28 июля 1915 г. благочинному, что за время войны священник Н. Рубцов в полку был не более двух-трех раз и то очень короткое время: «...при том в самое нужное [время], как, например, в Великий пост, его не было, он то болел, то где-то находился в продолжительных командировках, почему люди в Великий пост не говели и не принимали Св. Тайн, на Св. Пасху богослужения не совершались, точно так же и в другие годовые праздники, несмотря на полную к тому возможность»<sup>19</sup>. Командир 212-го пехотного Романовского полка в августе 1916 г. сообщал об опоздании на месяц из отпуска священника И. Софроновича. Свою задержку тот объяснял

<sup>14</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10012. Л. 10 об.

<sup>15</sup>Там же. Л. 10.

<sup>16</sup>Там же. Д. 9762. Л. 472.

<sup>17</sup>Там же. Д. 9749-В. Л. 278 – 278 об.

<sup>18</sup>Там же. Д. 9756-Б. Л. 115 об.

<sup>19</sup>Там же. Д. 9752-В. Л. 243 об.

болезнью, но подтверждающих документов не предоставил. Командир дал общую отрицательную характеристику пастырю, и протопресвитер решил его заменить<sup>20</sup>.

Возвращаясь к решениям совещания главных священников фронтов в Ставке в ноябре 1916 г., следует обратить внимание на проблему, возникшую на почве разрешения отпусков и командировок священникам действующей армии. Она связана с получением согласия не только военного начальства, но и благочинного. Здесь очевидна неопределенность положения благочинного, ограниченность его прав в отношении подчиненного духовенства, нежелание военного или госпитального начальства считаться с волей благочинного или указаниями по ведомству военного и морского духовенства. Часто командиры полков, командующие дивизиями считали себя единоличными начальниками военных священников. При этом сами священники могли ходатайствовать об отпуске или командировке перед военным начальством, сознательно игнорируя благочинного (часто потому, что отпуск противоречил распоряжениям протопресвитера: нарушал очередность, запрашивался на дни праздников или боев). Духовенство получало разрешение от военного начальства и покидало свой полк, госпиталь или лазарет, не поставив в известность благочинного, при этом нередко сроки командировок или отпусков нарушались. К примеру, начальник 68-й пехотной дивизии в апреле 1916 г., рассматривая жалобу благочинного протоиерея Н. Цветаева на священника дивизии, не уведомившего об отпуске, заявил: «...дело это не Ваше, напрасно Вы думаете, что благочинный что-то значит, ничто он... экая важность, что [священник] уехал и не сказал»<sup>21</sup>. На попытку протоиерея объяснить, что он действует согласно распоряжениям протопресвитера, начальник ответил: «...я никаких законов не знаю и знать не хочу, тем более приказов протопресвитеров и главных священников. Командир – хозяин в полку и что хочет, то и делает, а если это с ведома начальника дивизии, то тем более. Если Вы еще когда-нибудь посмеете что-нибудь говорить и предпринимать в подобном направлении, то я буду просить убрать Вас из нашей дивизии и будет так»<sup>22</sup>.

Подобные конфликты вредили авторитету военных священников и благочинных. Незадолго до Февральской революции собрание дивизионных благочинных Особой армии обсудило случаи, когда священники покидали части лишь с ведома командиров полков. Собрание постановило напомнить

духовенству о необходимости руководствоваться точными указаниями протопресвитера, согласно которым отъезд священника в отпуск или командировку должен согласовываться не только с военным, но и с духовным начальством, причем следовало не забывать об очередности и справедливости<sup>23</sup>. Хотя могли быть и обратные ситуации: благочинный отпускал священника, не поставив в известность военное или госпитальное начальство. Например, корпусный врач 3-го Кавказского армейского корпуса сообщал протопресвитеру, что благочинный 52-й пехотной дивизии К. Сухиев самовольно продлил отпуск священнику 1-го лазарета этой дивизии Г. Каландаришвили на две недели, не поставив в известность главного врача. Мотивировка продления отпуска была связана не с болезнью, из-за которой тот получил отпуск, а с тем, что «он не успел окончить свои домашние дела»<sup>24</sup>. При этом священник Г. Каландаришвили просрочил отпуск более чем на месяц даже с учетом продления. В переписке с главным врачом лазарета он позволил себе нарушение субординации: «...Вы не имеете права мне предписывать, а только предлагать или просить как священника, предписывать же мне может только духовное начальство»<sup>25</sup>. Протопресвитер наказал священника строгим выговором и штрафом в размере 50 руб. за хамство. Подобные ситуации приводили к несвоевременному замещению выбывшего священника, что, в свою очередь, нарушало установленный порядок религиозного обслуживания полка, лазарета или госпиталя.

Общественно-политическая обстановка в стране после прихода к власти Временного правительства и ситуация на театре боевых действий не стали препятствием для тех, кто желал отлучиться из армии. В циркуляре от 16 июня 1917 г. Г. Шавельский просил духовенство оставаться с паствой: «Еще раз прошу всех до выяснения тревожного настроения неотлучно быть на своих местах, пользуясь кратковременными отпусками только в случае безысходной необходимости»<sup>26</sup>. Весной и летом, особенно в мае и июне 1917 г., резолюциями протопресвитера прошения об отпусках и командировках категорически отклонялись. Формулировки были весьма однозначными: «Не время отпусков» (май 1917 г.); «Разрешить отпуск не могу. Время слишком серьезное. Все должны быть на местах» (20 мая 1917 г.); «Должен вернуться возможно скорее. Теперь все должны быть на местах» (26 мая 1917 г.); «До выяснения обстановки не могу разрешить» (30 мая 1917 г.)<sup>27</sup>. В одной из

<sup>20</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9997-В. Л. 295–296.

<sup>21</sup>Там же. Д. 10026-А. Л. 763 об.

<sup>22</sup>Там же. Л. 764.

<sup>23</sup>Там же. Д. 10330. Л. 59 – 59 об.

<sup>24</sup>Там же. Д. 9994-А. Л. 68.

<sup>25</sup>Там же. Л. 706.

<sup>26</sup>Там же. Д. 10776. Л. 83 об.

<sup>27</sup>Там же. Д. 10309.

резолуций протопресвитера говорится, что ввиду серьезного положения отпуска с 8 мая запрещены<sup>28</sup>.

Как следует из резолюции полевой канцелярии протопресвитера, датированной 28 июля 1917 г., запрет на отпуска для военнослужащих в 1917 г. был распространен и на военных священников: «Все распоряжения об отпусках военнослужащих касаются и военного духовенства»<sup>29</sup>. Значит, приказ Верховного главнокомандующего № 488 от 20 июня распространялся и на православное военное духовенство. В соответствии с приказом предоставление отпусков офицерам и солдатам всех воинских частей фронта и тыла прекращалось, уволенным из частей действующей армии полагалось немедленно явиться в части, уволенным в кратковременные отпуска и по болезни для восстановления здоровья – вернуться в части по окончании срока отпуска. Увольнение разрешалось только по постановлению врачебной комиссии. Позже кратковременные отпуска, по информации полевой канцелярии протопресвитера, были разрешены в исключительных случаях (пожары, тяжелая болезнь, смерть близких родственников и т. д.) на основании приказа Верховного главнокомандующего от 11 июля 1917 г. № 600.

Несмотря на установленные запреты, священники продолжали просить о предоставлении им отпусков. При этом появилась новая возможность добиться желаемого – обратиться за помощью в комитет духовенства (если такой был создан), в полковой или госпитальный комитет. Так, например, благочинный 1-й Туркестанской стрелковой дивизии священник С. Левитский неоднократно телеграфировал протопресвитеру с просьбами о семинедельном отпуске в Ташкент<sup>30</sup>. Получив отказ, он обратился в комитет духовенства 1-го Туркестанского армейского корпуса. Заседание комитета от 1 июня 1917 г. постановило просить протопресвитера разрешить отпуск. Г. Шавельский уступил требованиям комитета, при этом его резолюция от 10 июня 1917 г. свидетельствует о несогласии: «В настоящую пору все священники должны быть на своих местах. Отпуск о. Левитскому разрешаю, но всю ответственность за подобающее моменту удовлетворение духовных нужд полка возлагаю на духовный комитет, решившийся утверждать, что оставление в это чрезвычайное время полка без священника не принесет ущерба пастырскому делу»<sup>31</sup>. Более того, комитет духовенства 1-го Туркестанского армейского корпуса постановил просить главного священника фронта предоставить право военному духовенству пользоваться отпусками наравне со все-

ми военнослужащими, принимая во внимание, «что нужда каждого священника в отпуске на месте бывает виднее, чем в центральных управлениях военным духовенством, что переписка с главным священником фронта или протопресвитером об отпусках затрудняет пользование ими в то время, когда в них бывает острая нужда»<sup>32</sup>. Комитет просил предоставить дивизионным благочинным право давать священникам дивизии отпуска на все сроки без взаимодействия с главным священником фронта или протопресвитером (в Европейскую Россию – на срок не более месяца, в Сибирь, Туркестан и на Кавказ – на срок не более семи недель), на собраниях дивизионного духовенства установить очередь и отпускать по одному священнику от дивизии, а благочинным пользоваться отпусками на общих основаниях, донося об отъезде главному священнику фронта с указанием заместителя. Данное постановление не было утверждено главным священником армий Юго-Западного фронта как противоречащее решению протопресвитера о запрете отпусков в настоящий момент<sup>33</sup>.

Тема отпусков и командировок стала предметом обсуждения Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Съезд состоялся в Могилёве в июле 1917 г. В обсуждении отлучек с театра боевых действий участвовали представители духовенства разных фронтов [3, с. 74]. Главный священник протоиерей К. Богородицкий рассказал, что на Западном фронте злоупотребления были частым явлением и порой имели резкую форму. Протоиерей П. Вороновский, делегат от духовенства Кавказского фронта, также признал существование проблемы и нежелание отдельных пастырей следовать распоряжениям по ведомству протопресвитера: «Так, я просил... одного священника в виду требования минуты уехать в отпуск на месяц позже, а он в ответе на просьбу пишет: “Я уехал, до свиданья!”»<sup>34</sup>. Протоиерей А. Успенский (Северный фронт) привел пример из личного опыта, когда на назначенное им пастырское собрание явился лишь один священник, в то время как остальные находились в отпусках и командировках<sup>35</sup>.

Специальная комиссия попыталась разработать порядок, при котором уставшие священники получат возможность отдохнуть, но при этом вероятность злоупотреблений будет сведена к минимуму. Было предложено предоставить военным священникам право пользоваться отпусками наравне с другими военнослужащими без представления подписки-обязательства от заместителя, причем все отлучки должны разрешаться исключительно ближайшей духовной

<sup>28</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10309. Л. 68.

<sup>29</sup>Там же. Л. 147.

<sup>30</sup>Там же. Л. 62, 63, 68.

<sup>31</sup>Там же. Л. 93.

<sup>32</sup>Там же. Д. 10330. Л. 75.

<sup>33</sup>Там же. Л. 75 – 75 об.

<sup>34</sup>Там же. Д. 10140-Б. Л. 94 об.

<sup>35</sup>Там же.

властью<sup>36</sup>. Это говорит о попытке ведомства протопресвитера вывести вопрос отпусков и командировок священников из юрисдикции воинского начальства, что могло бы предотвратить конфликты между благочинными, с одной стороны, и командирами полков, начальниками дивизий и главными врачами, с другой, а также снизить число злоупотреблений.

На съезде обсуждалось количество священников, которые могут покинуть дивизию в одно время. От протоиерея В. Бренева (Румынский фронт) поступило предложение о том, чтобы одновременно из дивизии мог уезжать один пастырь, от священника И. Яструбецкого (Юго-Западный фронт) – о том, чтобы могли уезжать два пастыря. Главный священник армий Юго-Западного фронта В. Грифцов считал необходимым вовсе запретить командировки, а отпусков разрешать только в крайних случаях [4, с. 86].

Съезду удалось прийти к согласию. Было решено, что очередь отпусков с указанием времени для каждого священно-церковнослужителя будут определять собрания дивизионного духовенства. При этом список

священников с указанием времени для отпуска каждого из них предлагалось представлять благочинным начальнику дивизии для объявления в приказе. Разрешалось единовременно увольнять в отпуск лишь одного пастыря: во время его отсутствия духовенство дивизии должно было принимать все меры для пастырского обслуживания его полка. Что касается экстренных командировок, то съезд постановил, чтобы в исключительных случаях их разрешали благочинные с согласия начальника дивизии<sup>37</sup>. Таким образом, вопрос о предоставлении отпусков должен был стать делом благочинных, в то время как предоставление командировок осуществлялось бы с согласия военного начальства. В фондах РГИА автор не обнаружил документов, подтверждающих воплощение этого решения в жизнь: вероятно, быстро развивающиеся общественно-политические события летом-осенью 1917 г., за которыми последовала ликвидация института военного духовенства, не позволили реализовать новые правила (как, впрочем, случилось со многими другими решениями съезда).

### Заключение

Отпуск и командировки были важны для эффективной работы православного военного священника во время войны. Отпуск позволял восстановить душевное и физическое здоровье, командировки требовались для приобретения литературы и предметов, необходимых для богослужения. Однако злоупотребления этим правом негативно сказались на эффективности религиозно-просветительной, воспитательной и идеологической работы среди военнослужащих. Конфликты на почве отпусков препятствовали установлению уважительных отношений между священником и командиром, свя-

щенником, командиром и благочинным, а также между священниками дивизии (например, из-за нарушения очередности отпусков). Негативно влияли на отношение солдат и офицеров командировки, совершаемые часто или с нарушением установленных сроков. В ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства понимали последствия таких действий и на протяжении всей войны пытались урегулировать вопрос посредством указаний, циркуляров и приказов духовенству действующей армии, совещаний и съездов, но искоренить проблему это не помогло.

### Библиографические ссылки

1. Шавельский Г. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том 2*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова; 1954. 412 с.
2. Шавельский Г. *В школе и на службе. Воспоминания*. Москва: [б. и.]; 2016. 820 с.
3. Старостенко ЭВ. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2017;4:71–75.
4. Старостенко ЭВ. *Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства*. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2022. 196 с.

### References

1. Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota. Tom 2* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy. Volume 1]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova; 1954. 412 p. Russian.
2. Shavel'skii G. *V shkole i na sluzhbe. Vospominaniya* [At school and at work. Memories]. Moscow: [s. n.]; 2016. 820 p. Russian.
3. Starostenko EV. The Second All-Russian congress of the Orthodox military and navy clergy of 1917. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2017;4:71–75. Russian.
4. Starostenko EV. *Vtoroi Vserossiiskii s'ezd voennogo i morskogo dukhovenstva* [Second All-Russian congress of the military and naval clergy]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2022. 196 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.  
Received by editorial board 20.03.2023.

<sup>36</sup>РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140-Б. Л. 94.

<sup>37</sup>Там же. Л. 95.

---

---

# ЮБИЛЕИ

---

# ЮБИЛЕИ

---

# JUBILEES

---

---

— — — — —

**Александр Геннадьевич  
КОХАНОВСКИЙ**

**Аляксандр Генадзьевіч  
КАХАНОЎСКИ**

**Aliaksandr Genadz'evich  
KAKHANOUSKI**

— — — — —



Вядомы беларускі гісторык, доктар гістарычных навук, прафесар, дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта А. Г. Каханоўскі адзначае 60-гадовы юбілей. Прайшоўшы доўгі шлях ад студэнта да дэкана, Аляксандр Генадзьевіч усё жыццё плённа працуе на карысць роднага факультэта і ўніверсітэта, развівае новыя кірункі гістарычнай навукі, не губляючы сувязь з класічнымі гістарычнымі школамі. Аляксандр Генадзьевіч з'яўляецца заснавальнікам і кіраўніком навуковай школы сацыяльнай гісторыі Беларусі новага і навейшага часу, з якой выйшла плеяда сучасных навукоўцаў-гісторыкаў.

Аляксандр Генадзьевіч нарадзіўся ў 1963 г. на славутай талентамі маладзечанскай зямлі ў сям'і вядомага беларускага гісторыка і краязнаўца Генадзія Аляксандравіча Каханоўскага. Бацька адыграў ключавую ролю ў фарміраванні светапогляду сына і яго цікавасці да гісторыі роднага краю. У 1985 г. А. Г. Каханоўскі з адзнакай скончыў гістарычны факультэт БДУ і паступіў у аспірантуру, дзе ў 1989 г. пад кіраўніцтвам выдатных спецыялістаў І. М. Ігнаценкі і Л. І. Бародкіна абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Сацыяльна-класавая структура народанасельніцтва Беларусі ў другой палове XIX ст.». З 1988 г. Аляксандр Генадзьевіч з'яўляўся навуковым супрацоўнікам

універсітэта, актыўна займаўся гістарычнымі даследаваннямі, стаў адным з наватараў па выкарыстанні камп'ютарных тэхналогій у даследчым і адукацыйным працэсе на гістарычным факультэце БДУ.

У 1990 г. Аляксандр Генадзьевіч узначаліў навукова-даследчую лабараторыю гісторыі Беларусі, дзе яскрава праявіліся яго арганізатарскія здольнасці, уменне працаваць у калектыве, наладзіць працэс здабывання новых ведаў, прыцягнуць да даследчай дзейнасці студэнцкую моладзь. З 1992 г. А. Г. Каханоўскі працаваў дацэнтам кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу, а ў 1994 г. стаў намеснікам дэкана гістарычнага факультэта БДУ па навуковай рабоце.

У 1999 г. Аляксандр Генадзьевіч узначаліў кафедру гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Яму ўдалося не толькі захаваць навуковы патэнцыял кафедры, але і істотна папоўніць яе склад маладымі супрацоўнікамі. Дзякуючы намаганням А. Г. Каханоўскага на кафедры склалася новае пакаленне школы сацыяльнай гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Навуковы ўклад гэтай школы ў вывучэнне гісторыі Беларусі прадстаўлены сотнямі навуковых артыкулаў і дзясяткамі манаграфій.

Ажыццяўляючы кіраўніцтва кафедрай, А. Г. Каханоўскі актыўна працягваў займацца навуковай і навукова-метадычнай дзейнасцю. З набыццём нашай краінай незалежнасці з'явіліся новыя падыходы і канцэпцыі ў вывучэнні айчыннай гісторыі. У іх распрацоўцы Аляксандр Генадзьевіч прымаў самы актыўны ўдзел. Ён падрыхтаваў шэраг першых дапаможнікаў, гістарычных карт і атласаў па гісторыі незалежнай Беларусі.

Шырокую вядомасць Аляксандр Генадзьевіч атрымаў як даследчык сацыяльнай гісторыі Беларусі XIX–XX стст., аўтар больш за 200 навуковых артыкулаў, суаўтар шэрагу калектывных манаграфій, энцыклапедычных выданняў і навукова-метадычных прац. У 2013 г. выйшла даследаванне А. Г. Каханоўскага «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)». Выхад кнігі стаў значнай падзеяй у беларускай гістарычнай навуцы. У 2014 г. Аляксандр Генадзьевіч бліскуча абараніў доктарскую дысертацыю. У красавіку 2015 г. прэзідыумам ВАК Рэспублікі Беларусь яму прысвоена вучоная ступень доктара гістарычных навук, а ў 2016 г. – вучонае званне прафесара.

Талент Аляксандра Генадзьевіча, яго поспехі ў навуковай і адукацыйнай сферах не засталіся незаўважанымі не толькі навуковай супольнасцю, але і кіраўніцтвам універсітэта. У 2016 г. Аляксандр Генадзьевіч стаў дэканам гістарычнага факультэта БДУ.

На новай пасадзе Аляксандр Генадзьевіч зрабіў вельмі шмат для развіцця гістарычнага факультэта як галоўнага цэнтра гістарычнай адукацыі ў краіне, важнага навуковага асяродка. Спіс традыцыйных

спецыяльнасцей, па якіх на факультэце вядзецца навучанне, папоўніўся запатрабаванай спецыяльнасцю «рэгіёназнаўства», сумеснай магістарскай адукацыйнай праграмай БДУ і МДУ «гісторыя беларускай дыяспары». Дзякуючы намаганням у тым ліку Аляксандра Генадзьевіча ў корпусе гістарычнага факультэта БДУ пачаліся рамонтныя работы, была мадэрнізавана яго матэрыяльна-тэхнічная база. Пасля вяртання будынка ў эксплуатацыю ён павінен стаць факультэтам-музеем. Сэнсавое і зместавае напаўненне канцэпцыі яго новага выгляду праводзілася калектывам падраздзялення пад кіраўніцтвам дэкана А. Г. Каханоўскага. Можна смела сказаць, што факультэт з упэўненасцю глядзіць у будучыню, развіваецца, складае праекты і мае шырокія перспектывы для паспяховага руху наперад. Безумоўна і тое, што немалая частка заслуг у гэтым належыць Аляксандру Генадзьевічу Каханоўскаму.

Нельга не адзначыць незвычайную працавітасць юбіляра. Выконваючы абавязкі дэкана, Аляксандр Генадзьевіч адначасова з'яўляецца старшынёй навукова-метадычнага савета па гістарычных навук і тэалогіі вучэбна-метадычнага аб'яднання па гуманітарнай адукацыі, старшынёй каардынацыйнай рады па развіцці гістарычнай навукі і адукацыі пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь, старшынёй конкурснай камісіі Рэспубліканскага конкурсу навуковых работ студэнтаў секцыі «Гісторыя Беларусі. Усеагульная гісторыя. Праблемы ўзаемадзеяння цывілізацый», сакратаром камісіі па навукова-метадычным забеспячэнні гістарычнай палітыкі Рэспубліканскага савета па гістарычнай палітыцы пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, старшынёй камісіі секцыі «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» па ведамаснай навукова-тэхнічнай экспертызе Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, сукіраўніком праграмы «Гісторыя» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы», членам шэрагу калегіяльных дарадчых і экспертных органаў, рэдакцыйных калегій навуковых выданняў. А. Г. Каханоўскі – галоўны рэдактар выдання «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», які стаў адзіным гуманітарным часопісам Беларусі, уключаным у міжнародную базу даных *Scopus*. Штогод Аляксандр Генадзьевіч становіцца старшынёй праграмных камітэтаў міжнародных і рэспубліканскіх навуковых канферэнцый, круглых сталоў, дыялогавых пляцовак і г. д. А. Г. Каханоўскі прымаў удзел у абмеркаванні і падрыхтоўцы навуковых мерапрыемстваў, звязаных з археалагічнымі даследаваннямі на р. Менцы ў в. Гарадзішча. Немалая адказнасць кладзецца на плечы А. Г. Каханоўскага і ў сувязі з займаннем пасады вучонага сакратара Савета БДУ, старшыні савета гістарычнага факультэта БДУ,

а таксама старшыні савета па абароне дысертацый пры БДУ.

Аляксандр Генадзьевіч знаходзіць час і для сваіх вучняў. Пад яго кіраўніцтвам абаронена некалькі дзясяткаў магістарскіх работ, 11 кандыдацкіх і 1 доктарская дысертацыя. Як заснавальнік і лідар школы сацыяльнай гісторыі Беларусі новага і навішага часу, Аляксандр Генадзьевіч працягвае кіраваць напісаннем курсавых, дыпломных, магістарскіх работ, кандыдацкіх дысертацый, з'яўляецца навуковым кансультантам па доктарскіх дысертацыях.

За вялікі ўклад у рэалізацыю сацыяльнай палітыкі Рэспублікі Беларусь і шматгадовую навукова-педагагічную дзейнасць Аляксандр Генадзьевіч адзначаны шматлікімі дзяржаўнымі ўзнагародамі: медалём Францыска Скарыны, Ганаровай граматай Нацыя-

нальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Ганаровай граматай Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, знакам «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» і інш.

У паўсядзённым жыцці А. Г. Каханоўскі – адкрыты і добразычлівы чалавек. Ён заўсёды справядліва і ўважліва ставіцца да калег і студэнтаў, праяўляе сябе як дбайны кіраўнік. Акрамя таго, ён адданы сям'і муж і бацька.

Калегі, сябры і вучні шчыра віншуюць Аляксандра Генадзьевіча з юбілеем і ад усяго сэрца жадаюць яму здароўя, шчасця, сямейнага дабрабыту, а таксама натхнення і новых дасягненняў на ніве гістарычнай навукі і педагагічнай працы.

А. А. Гужалоўскі<sup>1</sup>, В. І. Менькоўскі<sup>2</sup>, А. А. Яноўскі<sup>3</sup>,  
В. С. Макарэвіч<sup>4</sup>, Г. І. Маскевіч<sup>5</sup>

<sup>1</sup>Аляксандр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Аляксандравіч Гужалоўскі – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [etnology@bsu.by](mailto:etnology@bsu.by)

<sup>2</sup>Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Вячаслаў Іванавіч Менькоўскі – доктар гістарычных навук; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history); professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [menkovski@bsu.by](mailto:menkovski@bsu.by)

<sup>3</sup>Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Алег Антонавіч Яноўскі – кандыдат гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aleh A. Yanovsky, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [helgoleg@mail.ru](mailto:helgoleg@mail.ru)

<sup>4</sup>Виталий Сергеевич Макаревич – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Сяргеевіч Макарэвіч – кандыдат гістарычных навук; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitaly S. Makarevich, PhD (history); head of the department of Belarusian history of new and contemporary times, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [makarevs@bsu.by](mailto:makarevs@bsu.by)

<sup>5</sup>Анна Ивановна Маскевич – кандидат исторических наук; заместитель декана исторического факультета по научной работе и международному сотрудничеству, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ганна Іванаўна Маскевіч – кандыдат гістарычных навук; намеснік дэкана гістарычнага факультэта па навуковай рабоце і міжнароднаму супрацоўніцтву, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Hanna I. Maskevich, PhD (history); deputy dean of the faculty of history for research and international cooperation and associate professor at the department of Belarusian history of new and contemporary times, faculty of history, Belarusian State University.



Сергей Николаевич  
ХОДИН

Сяргей Мікалаевіч  
ХОДЗІН

Siarhei Mikalaevich  
KHODZIN

Загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар С. М. Ходзін 31 мая адзначыў 60-гадовы юбілей. Больш за палову жыцця, 35 гадоў, ён прысвяціў БДУ.

Сяргей Мікалаевіч нарадзіўся ў пасёлку Путчына Дзяржынскага раёна Мінскай вобласці ў сям’і служачых. Пасля выдатнага заканчэння ў 1980 г. Чырво-наслабодскай сярэдняй школы Салігорскага раёна Мінскай вобласці С. М. Ходзін паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на спецыяльнасць «гісторыя». Найбольшы ўплыў на фарміраванне будучага спецыяліста аказалі беларускія вучоныя К. А. Равяка, І. М. Ігнаценка, А. П. Ігнаценка, А. Л. Абэцэдарская (кіраўнік дыпломнай працы С. М. Ходзіна), І. В. Царук. Гэта былі аўтарытэтныя спецыялісты ў галіне сацыяльна-эканамічнай гісторыі, гісторыі непрывілеяваных саслоўяў і беларускага сялянства.

Гістарычны факультэт Сяргей Мікалаевіч скончыў з адзнакай у 1985 г. Першым месцам яго працы стала Доктаровіцкая сярэдняя школа Капыльскага раёна Мінскай вобласці, куды малады спецыяліст быў прызначаны дырэктарам (1985–1988). У 1986–1990 гг. С. М. Ходзін працягваў атрымліваць адукацыю ў аспірантуры БДУ на завочнай форме навучання, дзе пад навуковым кіраўніцтвам доктара гістарычных на-

вук прафесара І. В. Царук даследаваў гісторыю беларускай вёскі ў 1920-я гг. У 1988 г. ён перайшоў на працу ў БДУ на кафедру гісторыі БССР. Малады выкладчык чытаў курс па гісторыі Беларусі XX ст. для студэнтаў завочнай формы навучання. У 1990 г. С. М. Ходзін абараніў кандыдацкую дысертацыю па спецыяльнасці «айчынная гісторыя» на тэму «Калгаснае будаўніцтва ў Беларускай ССР у 1921 – першай палове 1929 г.».

У 1992 г. Сяргей Мікалаевіч атрымаў званне дацэнта. У маі 1994 г. ён перайшоў на кафедру гісторыі Беларусі новага і навейшага часу, а ў верасні 1995 г. – на кафедру крыніцазнаўства і музеязнаўства.

Глыбокая крыніцазнаўчая падрыхтоўка С. М. Ходзіна патрабавала ад яго сістэматызацыі накопленых ведаў, далейшых навуковых даследаванняў, укаранення новых матэрыялаў, метадаў і форм у адукацыйны працэс. Яшчэ ў 1993 г. на 1-й Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў Сяргей Мікалаевіч прадставіў канцэпцыю развіцця крыніцазнаўства гісторыі Беларусі. Вынікі навуковых пошукаў знайшлі выражэнне ў распрацоўцы курса «Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі». У далейшым асабіста С. М. Ходзіным, а таксама ў суаўтарстве з іншымі спецыялістамі быў падрыхтаваны шэраг падручнікаў па гісторыі і тэорыі крыніцазнаўства, а таксама па крыніцазнаўству айчыннай гісторыі<sup>1</sup>.

<sup>1</sup>Ходзін С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне) : [вучэб. дапам.]. Мінск : БДУ, 1999. 192 с. ; Грыцкевіч В. П., Каун С. Б., Ходін С. Н. Теорія і гісторыя істочніковедення : пособие для гуманіт. фак. Мінск : БГУ, 2000. 221 с. ; Каун С. Б., Липницкая О. Л., Ходін С. Н. Теорія і гісторыя істочніковедення : учеб.-метод. комплекс. Мінск : БГУ, 2001. 81 с. ; Грыцкевіч В. П., Каун С. Б., Ходін С. Н. Гісторыя і тэорыя істочніковедення : учеб. пособие. Мінск : БГУ, 2008. 254 с. ; Ходзін С. М. Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі : дапаможнік. Мінск : БДУ, 2012. 255 с.

У 2000–2016 гг. С. М. Ходзін працаваў на пасадзе дэкана гістарычнага факультэта БДУ. У 2001–2017 гг. ён з’яўляўся таксама загадчыкам кафедры крыніцазнаўства (была створана ў выніку рэарганізацыі кафедры крыніцазнаўства і музеязнаўства ў два асобныя структурныя падраздзяленні).

У 2001 г. на базе кафедры крыніцазнаўства было створана аддзяленне дакументазнаўства, якое сёння ажыццяўляе падрыхтоўку студэнтаў па спецыяльнасцях «гісторыка-архівазнаўства» і «дакументазнаўства (па напрамках)», а таксама магістрантаў па спецыяльнасці «дакументазнаўства і архівазнаўства». Стварэнне новых спецыяльнасцей, распрацоўка новых вучэбных планаў і праграм, а фактычна выбудова новай структуры адукацыйнага працэсу на гістарычным факультэце праходзілі пры непасрэдным удзеле С. М. Ходзіна і згуртаваных вакол яго калег.

Дасягненні, прадэманстраваныя С. М. Ходзіным на пасадзе дэкана гістарычнага факультэта, адыгралі немалаважную ролю ва ўключэнні яго ў склад кіраўніцтва ўніверсітэтам. У 2016 г. ён быў прызначаны прарэктарам БДУ па вучэбнай рабоце і інтэрнацыяналізацыі адукацыі і працаваў на гэтай пасадзе да 2018 г.

У 2017 г. Сяргей Мікалаевіч абараніў дысертацыю на суісканне вучонай ступені доктара гістарычных навук па спецыяльнасці «айчынная гісторыя» на тэму «Беларуская вёска: савецкая мадэрнізацыя ў 1921–1939 гг.»<sup>2</sup>. Навуковым кансультантам выступіў доктар гістарычных навук, прафесар П. І. Брыгадзін. Даследаванне стала важным укладам у вывучэнне праблем айчыннай гісторыі савецкага часу міжваеннага перыяду, а таксама ў распрацоўку тэмы мадэрнізацыі ў Беларусі, якая ў апошнія дзесяцігоддзі стала своеасаблівым навуковым профілем гістарычнага факультэта ўніверсітэта.

У 2019 г. С. М. Ходзін атрымаў званне прафесара. У тым жа годзе ён вярнуўся на кафедру крыніцазнаўства, заняўшы пасаду прафесара. З 2020 г. Сяргей Мікалаевіч працягвае сваю дзейнасць на пасадзе загадчыка кафедры. У 2022 г. гэтак структурнае падраздзяленне адзначыла 30-годдзе.

Пад навуковым кіраўніцтвам С. М. Ходзіна былі падрыхтаваны і абаронены пяць кандыдацкіх дысертацый. Амаль усе вучні Сяргея Мікалаевіча звязалі прафесійную дзейнасць з гістарычным факультэтам

БДУ. Сёння яны фарміруюць склад навуковай школы прафесара, якая ўвасабляе сабой пераемнасць традыцый навуковай школы крыніцазнаўства, закладзенай яшчэ першым рэктарам БДУ У. І. Пічэтам<sup>3</sup>.

Сфера навуковых інтарэсаў прафесара С. М. Ходзіна ахоплівае гісторыю беларускага сялянства<sup>4</sup>, сацыяльную псіхалогію, этнасацыяльныя і дэмаграфічныя працэсы, тэорыю і гісторыю крыніцазнаўства, крыніцазнаўства гісторыі Беларусі, гісторыю Беларусі ХХ ст., гісторыю і тэорыю кіравання, эканамічныя паводзіны. Сяргей Мікалаевіч шматразава з’яўляўся кіраўніком і ўдзельнікам навукова-даследчых праектаў. Сярод іх праекты «Этнасацыяльная дынаміка грамадства на этапе рэфармавання (Беларусь у міжваенны час)» (2010), «Трансфармацыйныя працэсы і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства ў 1920–1930-я гг.: кампаратыўныя аспекты» (2020) і інш.

С. М. Ходзін з’яўляецца аўтарам каля 150 публікацый. У іх ліку манаграфіі, артыкулы, навучальныя дапаможнікі для вышэйшай школы, выданні для школьнікаў і абітурыентаў. Ён прымаў актыўны ўдзел у выданні гісторыка-дакументальных хронік «Памяць» Дзяржаўнага камітэта Рэспублікі Беларусь па друку, у розны час уваходзіў і працягвае ўваходзіць у склад рэдакцыйных калегій шэрагу навуковых часопісаў і зборнікаў.

Багаты арганізатарскі вопыт у галіне вышэйшай адукацыі, экспертны ўзровень ведаў дазволілі С. М. Ходзіну прымаць удзел у працы калегіяльных органаў у сферы адукацыі, навукі і культуры, у тым ліку рэспубліканскага ўзроўню. Так, у 2009–2017 гг. С. М. Ходзін кіраваў экспертнай групай Камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь па выяўленні, вяртанні, сумесным выкарыстанні і ўвядзенні ў навуковы і культурны абарот нацыянальных культурных каштоўнасцей, якія аказаліся за межамі краіны.

Прафесар С. М. Ходзін вядомы ў навуковых колах і за межамі краіны. Ён праходзіў стажыроўкі ў Расійскім дзяржаўным гуманітарным універсітэце, Маскоўскім дзяржаўным універсітэце, Універсітэце Кента (Вялікабрытанія) і інш. За шматгадовую навуковую і педагогічную дзейнасць, уклад у распрацоўку і рэалізацыю канцэпцыі бесперапыннай адукацыі ў галіне гістарычных навук, стварэнне канцэпцыі

<sup>2</sup>Ходзін С. М. Беларуская вёска: савецкая мадэрнізацыя ў 1921–1939 гг. : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02. Мінск : БДУ, 2016. 349 с.

<sup>3</sup>Ходзін С. М. Традыцыі і перспектывы развіцця крыніцазнаўства ў Беларускім дзяржаўным універсітэце // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў ХХ–ХХІ ст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвеч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін [і інш.]. Мінск : БДУ, 2008. С. 167–171 ; Ходзін С. М., Шумейка М. Ф., Яноўскі А. А. Памяць і слава: першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта. Мінск : БДУ, 2011. 375 с. ; Ходін С. Н., Шумейка М. Ф. Продолжая традиции: кафедре источниковедения Белорусского государственного университета – 20 лет // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2012. Вып. 7. С. 3–10.

<sup>4</sup>Ходзін С. М. Беларуская вёска: савецкая мадэрнізацыя ў 1921–1939 гг. ... ; Ён жа. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939). Мінск : БДУ, 2014. 240 с. ; Ён жа. Мадэрнізацыя ў Беларусі (1921–1939). Мінск : БДУ, 2019. 287 с.

развіцця крыніцазнаўства гісторыі Беларусі, актыўны ўдзел у грамадскім жыцці ўніверсітэта і факультэта і іншыя дасягненні С. М. Ходзін адзначаны шэрагам узнагарод.

Высокія прафесійныя якасці, сумленнасць, добразычлівасць, адкрытасць, уважлівасць да людзей абумовілі глыбокую павагу да Сяргея Мікалаевіча з боку ўсіх, хто з ім працуе. Калектыў кафедры кры-

ніцазнаўства БДУ, кіраўніцтва, калегі і студэнты гістарычнага факультэта шчыра віншуюць юбіляра з днём нараджэння, жадаюць яму моцнага здароўя, дабрабыту, поспехаў у працы і новых навуковых здзяйсненняў.

*А. М. Бяляўскі<sup>5</sup>, А. М. Латушкін<sup>6</sup>,  
М. Ф. Шумейка<sup>7</sup>*

---

<sup>5</sup>Александр Михайлович Белявский – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Міхайлавіч Бяляўскі – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

*Aliaksandr M. Bialiauski*, PhD (history); associate professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [bialiauski@bsu.by](mailto:bialiauski@bsu.by)

<sup>6</sup>Андрей Николаевич Латушкин – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Мікалаевіч Латушкін – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

*Andrei M. Latushkin*, PhD (history); associate professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [latushkin@bsu.by](mailto:latushkin@bsu.by)

<sup>7</sup>Михаил Фёдорович Шумейко – кандидат исторических наук; профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Міхаіл Фёдаравіч Шумейка – кандыдат гістарычных навук; прафесар кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

*Mikhail F. Shumeika*, PhD (history); professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: [shumf@bsu.by](mailto:shumf@bsu.by)

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Колтаченко А. И.</i> Образовательные путешествия Льва Сапеги и его сыновей в университеты Германии, Нидерландов и Италии в 1570–1630 гг. ....	5
--	---

### ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дорошенко Т. И.</i> Положение польских военнопленных и беженцев в Туркестане в 1914–1923 гг. ....	15
<i>Шайдунов В. Н.</i> Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII – начале XIX в. ....	23
<i>Лопушанский И. Ю.</i> Эсагила и цари Первой Вавилонской династии. ....	33
<i>Цзинь Липэн.</i> Zhong Zhou Xian – «центральная ось» древних китайских столичных городов: развитие и трансформация. ....	41
<i>Старостенко Э. В.</i> Проблема отпусков и командировок православного духовенства действующей российской армии в годы Первой мировой войны. ....	57

### ЮБИЛЕИ

Александр Геннадьевич Кохановский. ....	65
Сергей Николаевич Ходин. ....	68

## ЗМЕСТ

### ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Калтачэнка А. І.</i> Адукацыйныя падарожжы Льва Сапегі і яго сыноў ва ўніверсітэты Германіі, Нідэрландаў і Італіі ў 1570–1630 гг. ....	5
---	---

### УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Дарашэнка Т. І.</i> Становішча польскіх ваеннапалонных і бежанцаў у Туркестане ў 1914–1923 гг. ....	15
<i>Шайдураў У. М.</i> Нямецкія рамеснікі Санкт-Пецярбурга: асаблівасці фарміравання і развіцця супольнасці ў XVIII – пачатку XIX ст. ....	23
<i>Лапушанскі І. Ю.</i> Эсагіла і цары першай Вавілонскай дынастыі.....	33
<i>Цзінь Ліпэн.</i> Zhong Zhou Xian – «цэнтральная вось» старажытных кітайскіх сталічных гарадоў: развіццё і трансфармацыя .....	41
<i>Старасценка Э. В.</i> Праблема адпускоў і камандзіровак праваслаўнага духавенства дзеючай расійскай арміі ў гады Першай сусветнай вайны.....	57

### ЮБІЛЕІ

Аляксандр Генадзьевіч Каханоўскі .....	65
Сяргей Мікалаевіч Ходзін .....	68

## CONTENTS

### BELARUSIAN HISTORY

<i>Kaltachenka A. I.</i> Educational travels of Lew Sapieha and his sons to the universities of Germany, the Netherlands and Italy in 1570–1630 .....	5
---	---

### WORLD HISTORY

<i>Doroshenko T. I.</i> The situation of Polish prisoners of war and refugees in Turkestan in 1914–1923 .....	15
<i>Shaidurov V. N.</i> German craftsmen of Saint Petersburg: specifics of formation and development of the community in the 18 <sup>th</sup> – early 19 <sup>th</sup> century .....	23
<i>Lapushanski I. Yu.</i> Esagil and the kings of the First Babylonian dynasty .....	33
<i>Jin Lipeng.</i> Zhong Zhou Xian as Central Axis of the ancient Chinese capital cities: development and transformations .....	41
<i>Starostenko E. V.</i> The problem of vacations and business trip of the Orthodox clergies of the active Russian army during the World War I.....	57

### JUBILEES

Aliaksandr Genadz'evich Kakhanouski .....	65
Siarhei Mikalaevich Khodzin .....	68

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.*

*Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.*

**Журнал Белорусского  
государственного университета. История.  
№ 3. 2023**

**Часопіс Беларускага  
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.  
№ 3. 2023**

Учредитель:  
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,  
220030, г. Минск, Республика Беларусь.  
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,  
220030, г. Минск, Республика Беларусь.  
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.  
E-mail: [jhistory@bsu.by](mailto:jhistory@bsu.by)  
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного  
университета. История» издается с января 1969 г.  
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.  
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»  
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. А. Подголина*  
Технический редактор *Н. Ю. Окунеvec*  
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 31.07.2023.  
Тираж 50 экз. Заказ 656.

Республиканское унитарное предприятие  
«СтройМедиаПроект».  
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.  
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,  
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal  
of the Belarusian State University. History.  
No. 3. 2023**

Founder:  
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,  
Minsk 220030, Republic of Belarus.  
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,  
Minsk 220030, Republic of Belarus.  
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.  
E-mail: [jhistory@bsu.by](mailto:jhistory@bsu.by)  
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»  
published since January, 1969.  
Until 2017 named «Vesnik BDU.  
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»  
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, M. A. Podgolina*  
Technical editor *N. Yu. Okunevets*  
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 31.07.2023.  
Edition 50 copies. Order number 656.

Republic Unitary Enterprise  
«StroiMediaProekt».  
License for publishing No. 02330/71, 23 January 2014.  
13/61 V. Haruzhaj Str.,  
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023